

АКОП АКОПЯН



БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, А. Н. Болдырев,
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, С. А. Рустам,
А. А. Сурков*



*Большая серия
Второе издание*



С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

АКОП АКОПЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья, составление
и примечания
С. Манукяна*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1981

Акоп Акопян (1866—1937) — один из виднейших поэтов Армении, зачинатель армянской пролетарской поэзии. Его лучшие произведения проникнуты пафосом революции, верой в победу рабочего класса, воспевают героинку социалистического строительства, дружбу советских народов. Поэзию Акопяна, насыщенную революционной романтикой, Ромен Роллан назвал «мощною музыкой».

Настоящее издание является наиболее полным из всех предыдущих публикаций Акопяна на русском языке. В книгу включены стихотворения и поэмы в переводах советских поэтов П. Антокольского, А. Безыменского, С. Городецкого, А. Жарова, В. Инбер, Б. Пастернака, Вс. Рождественского, М. Светлова, И. Сельвинского, А. Тарковского, Н. Тихонова и других.

Многие произведения публикуются на русском языке впервые.



ПЕВЕЦ И БОЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Акоп Акопян — признанный основоположник армянской пролетарской поэзии, видный революционный деятель, один из прославленных представителей первых десятилетий многонациональной советской литературы, народный поэт Армении и Грузии. Его творческий путь продолжался около полувека — «от песней страдания, от песней протеста, от песней гнева, через песни боя, через песни победы к широким поэмам строительства, к большевику Шираку, к стройным аккордам во славу Волховостроя, символизирующего индустриализацию как путь к законченному социализму». ¹ На протяжении этого пути для него, как утверждает сам поэт, «литература и революция всегда шли рука об руку, в тесном единстве». ² И это естественно, ведь для таких, как Д. Бедный, А. Акопян, «вопрос об отношении к пролетарской революции и не возникал. Еще задолго до Октября они связали свою судьбу с партией большевиков, с делом пролетариата». ³ Член КПСС с 1904 года, Акопян в боевых рядах революционеров Закавказья, верных учеников и соратников В. И. Ленина — Степана Шаумяна, Сурена Спандаряна, Мухи Цхакая, Филиппа Махарадзе, Александра Мясникяна, Камо и других, — словом и делом боролся против социального и национального гнета, за революционное обновление мира.

Именно в этой борьбе, в служении священному делу ленинской партии, рабочего класса, делу свободы и счастья трудящихся масс и сформировался поэтический образ Акопяна — страстного певца и пламенного борца пролетарской революции, одного из первых соратников по перу гениального основателя литературы социалистического реализма Максима Горького.

Вооруженный пролетарским мировоззрением, Акопян вслед за Горьким выступил поборником ленинского принципа партийности

¹ А. В. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми тт., т. 2, М., 1964, с. 369.

² Акоп Акопян, Соч. в одном томе, М., 1956, с. 348.

³ История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти тт., т. 3, кн. 2, М., 1968, с. 425.

и народности литературы, обогатил многовековую духовную культуру армянского народа идеями пролетарского интернационализма, социалистического гуманизма, революционной дружбы народов, а также новыми поэтическими формами. По определению выдающегося революционера, публициста и критика Сурена Спандаряна, он внес в армянскую литературу «новые мотивы общечеловеческого характера». ¹ Сам Акопян в стихотворении-самохарактеристике «Националистам» (1916), отмежевываясь от жрецов буржуазно-националистической, контрреволюционной идеологии, писал:

Воспел я завод, в черный труд его я прбник,
Где над сталью треснувших спин — маховик.
Чудеса я воспел, рожденные в жестких руках,
Победной борьбы этих рук величавый размах.

Пел я бодрости песнь тем, кто духом упал,
Быть готовым ко дню пробужденья я призывал,
Потрясавшую землю я пел мировую грозу,
После грома и молний — мирных, тихих небес бирюзу.

Человечества веру воспел я в грядущий путь
Великого шествия жизни, цветами убравшего грудь.
Огонь я воспел, растопляющий насилья копье,
Красу новой жизни и чары ее.

В свете этого особенно выделяется четкая характеристика, данная А. Акопяну выдающимся борцом ленинской гвардии, родоначальником армянской марксистско-ленинской публицистики, литературной критики и эстетики Степаном Шаумяном (1878—1918) в связи с выходом в 1916 году на русском языке «Сборника армянской литературы» под редакцией «знаменосца чистых интернациональных чувств и стремлений» ² М. Горького: «Есть у нас целый общественный слой — приходящие к сознанию армянские рабочие, для которых Ак. Акопян — признанный поэт. Он является выразителем горестей и радостей этих рабочих, певцом их труда и борьбы... И, несомненно, из написанного Аком Акопяном в последние годы можно было составить прекрасный букет для сборника». ³

Критик ленинской школы, Шаумян справедливо подчеркивает

¹ Ст. Шаумян, С. Спандарян, А. Мясникян, О культуре, искусстве и литературе, Ереван, 1975, с. 176.

² Там же, с. 123.

³ Там же, с. 119—120.

тот неоспоримый факт, что в творчестве признанного пролетарского поэта отражены не только горести и радости, но труд и борьба рабочего класса. Конечно, о тяжелом труде, бесправии и страдании, гневе и протесте людей труда, в том числе рабочих, писали передовые поэты и писатели разных времен и народов, в том числе армянские классики. Однако Акопян, «один из самых блестящих представителей революционно-пролетарской поэзии»,¹ первым из армянских поэтов воспел с большой поэтической силой историческую миссию и героическую освободительную борьбу рабочего класса — «гордого, грозного и революционного пролетария», по выражению Ф. Энгельса.² Участник трех русских революций, Акопян «пережил один из лучших периодов в истории пролетариата и сумел откликнуться на этот период своими трепетными и вместе с тем мужественными песнями».³ Ромен Роллан, прочитав произведения Акопяна в переводе М. И. Ингбара на французский язык, писал переводчику 20 мая 1933 года: «Ваш перевод поэм Акопяна меня очень заинтересовал. Это именно такие эпические песни, какие — я этого ждал — вызовет в жизнь ваша Великая революция. На армянском языке это должно быть мощною музыкой».⁴ А видный революционно-партийный деятель, критик-марксист А. Ф. Мясникян утверждал: «Акопян — певец не только армянского, но и всего пролетариата, даже человечества, так как интересы пролетариата в конечном счете — интересы человечества».⁵

Все это, однако, вовсе не означает, что поэт-революционер был отгорожен от других армянских писателей, оторван от национальной почвы, как подчас утверждали его идейно-политические противники. Наоборот, воспитываясь на лучших традициях передовой, демократической литературы — армянской, русской и мировой, — он создал поистине «прекрасный букет» стихов и поэм, являющийся закономерным явлением в развитии многовековой духовной культуры армянского народа. Его творчество — исторически необходимое звено в общей цепи этой культуры, призванное связать воедино армянскую классическую и советскую литературу. В этом — вели-

¹ В. С. Налбандян, С. Н. Саринян, С. В. Агабабян, Армянская литература, М., 1976, в. 345.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 4, с. 208.

³ А. В. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми тт., т. 2, с. 369.

⁴ «Хорурдаин арвест» («Советское искусство»), Ереван, 1933, № 10, с. 5. Полный текст письма хранится в Музее литературы и искусства им. Егише Чаренца при Совете министров Армянской ССР в Ереване (в дальнейшем — МЛИ), ф. А. Акопяна, л. 846.

⁵ С. Т. Шаумян, С. Спандарян, А. Мясникян, О культуре, искусстве и литературе, с. 288—289.

чайшая заслуга Акопа Акопяна, жизнь, деятельность и творчество которого являют собой единое целое и служат поучительным примером для поколений.

1

Жизненный путь поэта не богат внешними событиями.¹ Он родился 17(29) мая 1866 года в городе Елизаветполе (бывш. Гянджа, ныне — Кировабад Азербайджанской ССР), в семье ремесленника. Отец его Цакан (Мнацакан) был родом из деревни Талиш в Нагорном Карабахе. Он рано осиротел и стал батрачить у своего дяди, сельского богача. «Мученическая, тяжелая жизнь была у моего отца — беспомощного сироты, — сказано в «Автобиографии» поэта, — в руках жестокого ами (дяди)».² Чтобы уйти от этого горького, рабского существования, юный Цакан сбежал в Гянджу, где жила сестра матери. Добрая тетя приютила сироту и определила его учеником к чувячнику. Способный парень полюбил это ремесло и вскоре стал мастером. Затем он женился, купил себе домишко и обосновался в Гяндже. По характеристике поэта, Цакан был добрым, «правдолюбивым, трудолюбивым, гостеприимным» человеком. Он щедро потчевал товарищей по работе, помогал бедным, нищим, скитальцам. А семья его жила в бедности. «Самым лучшим кушаньем у нас, — вспоминает поэт, — считалась похлебка — так называемый «кончол», которую вынуждена была готовить мать из зачерствевшего или проплесневевшего хлеба, приправленного луком. Если бывало в доме, добавляли ложку масла и два яйца... Мясо мы видели очень редко... Осенью кончол сменял хлеб с виноградом». Тем не менее, сам неграмотный, Цакан знал цену образования и, когда Акопу исполнилось семь лет, отдал его в частную, а через год перевел в церковноприходскую школу. Способный мальчик учился хорошо, за три года учебы он лишь однажды случайно опоздал на урок, за что получил телесное наказание — две увесистые оплеухи. «Оплеухи эти я по сей день ощущаю на своих щеках, — писал он позднее, — с этого момента я возненавидел церковную школу... и перестал посещать занятия».

Расставшись со школой, жаждущий знания подросток мечтал

¹ Подробные биографические сведения об Акопяне см. в кн.: Х. М. Гюльназарян, С. А. Манукян, Летопись жизни и деятельности Акопа Акопяна, Ереван, 1965 (в дальнейшем — «Летопись»).

² Акоп Акопян, Собр. соч., т. 3, Ереван, 1958, с. 9 (на арм. яз.). В дальнейшем все биографические данные, взятые из этого издания, цитируются без указания источника.

продолжать учебу в русской гимназии. И хотя отец считал, что «гимназия не для бедных», все-таки занял деньги для платы за учебу и в 1879 году отдал сына в гимназию. Однако радость гимназиста омрачалась материальной нуждой, горькой бедностью. Не хватало средств на одежду, учебники, письменные принадлежности. 12 сентября 1884 года Акоп записал в своем дневнике: «Учителя задают безбожно много уроков, а я еще не все письменные принадлежности купил. Отец испытывает большую нужду в деньгах... Я остался без книг. Пошел к товарищу и по его книгам кое-как выучил. Эх, и печально же нынешнее бедственное положение моего отца!» Акоп был вынужден за мизерную плату готовить детей, желающих поступить в гимназию. Но это не дало выхода из бедственного положения, и, едва кончив пятый класс, юноша оставил гимназию.

В марте 1886 года Акоп переехал в Тифлис и поступил в аптеку учеником, мечтая приобрести практический опыт, самостоятельно заниматься, продолжать учебу, стать «врачом или общественным деятелем с университетским образованием». По его словам, в «тюремном режиме» аптеки он работал ровно год и, не вытерпев невыносимых условий, в марте 1887 года переехал в Баку, где тоже стал работать в аптеке. «Еще год, — пишет он, — я терзал свое сердце в этой адской тюрьме», затем поспорил с помощником провизора, был уволен и на целых полгода остался без гроша в кармане. В городе никак не удавалось найти работу, и он стал чернорабочим на нефтяных промыслах, затем в начале 1888 года был принят на железодетально-механический завод «Вулкан», где четыре года проработал табельщиком, конторщиком, кассиром, помощником бухгалтера, стал бухгалтером на другом механическом заводе. В конце 1893 года он снова переехал в Тифлис на постоянное жительство и служил бухгалтером сначала в разных местах, а с 1901 по 1921 год в коммерческом банке. Здесь он развернул бурную революционную и общественно-литературную деятельность, которая продолжалась до самого конца жизни. Скончался Акоп Акопян 13 ноября 1937 года и похоронен в Пантеоне армянских писателей в Тбилиси.

2

С юных лет испытал нужду и лишения, познав мир насилия и несправедливости, будущий поэт, чуткий и впечатлительный, впитал в себя чувство протеста против социальных зол и моральных пороков общества, против социального и национального гнета. На путь протеста он вступил еще в 1885 году, будучи учеником Гянджинской гимназии, написав прокламацию в стихах, осуждающую

указ царского правительства о закрытии армянских школ. Как автор прокламации, он в порядке исключения был принят в нелегальный ученический кружок, организованный старшеклассниками гимназии. На собраниях кружка читались недозволенные книги, обсуждались жгучие вопросы общественной жизни. На одном из заседаний девятнадцатилетний Акопян выступил с рефератом о положении армян Западной Армении. Реферат до нас не дошел, но легко угадать его содержание, так как Акопян использовал в качестве источника патристические романы крупного армянского писателя-романтика Раффи (1835—1888), в творчестве которого блестяще отражены не только трагическое положение и горькая судьба, но и освободительная борьба армянского народа против векового ига османского деспотизма, за национальную независимость.

Об увлечении Акопяна литературой, насыщенной идеями свободы, патриотизма, гуманизма, призывающей к борьбе против мира зла и насилия, свидетельствуют в первую очередь его «Дневники», которые велись с 1884 по 1894 год.¹ В них он заносил главные события своей жизни, свои первые стихотворения, краткое содержание прочитанных книг и свои впечатления от них. Здесь с самого начала упоминаются имена многих поэтов, писателей, драматургов — классиков и современников армянской, русской, мировой литературы. Бурное восхищение в сердце юного Акопяна вызвали «великолепный роман» «Евгений Онегин», поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Полтава», стихотворение «Зимний вечер» (которое Акопян перевел в 1895 году) и вся поэзия Пушкина. Душе гимназиста были близки «чудесный роман» Лермонтова «Герой нашего времени» и его свободолюбивые стихи и поэмы. Юноша с восторгом отзывался о «всемирно известном творении» Льва Толстого «Война и мир», о «Бедных людях» Достоевского, о рассказах Тургенева. Его душе были близки и поэзия Байрона, Шиллера, Гёте, и драматургия Шекспира, искусство которого, как писал Акопян в 1886 году, «рассеивает мрак, обнимающий человеческое сердце, и человек точно озаряется солнцем». Он с увлечением читает «Отверженных» Гюго и «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу (последнюю книгу он в 1885 году задумал перевести на армянский язык). Записав в «Дневники» ряд стихотворений Н. Некрасова,

¹ «Дневники» Акопяна состоят из десяти рукописных томов и хранятся в МЛИ. Из них опубликована лишь небольшая часть (см. публикацию Ас. Асатрян «Страницы из «Дневников» Акопа Акопяна» в журнале «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство», Ереван, 1946, № 5, с. 68—75), но материалы широко использованы самим Акопяном в «Автобиографии», составителями четырехтомного академического издания произведений Акопяна на арм. яз. (1955—1958) и авторами «Летописи».

он утверждал, что «долгое время находился под влиянием их пламенных слов...»

В «Дневниках» имеется много записей также об армянской литературе, являющейся первоначальным источником духовного развития писателя, стимулом обогащения его прирожденного поэтического дарования. В дошкольные годы он был увлечен армянским фольклором и творчеством народных поэтов и певцов — гусанов и ашугов. Его прадед по отцу был гусаном — народным певцом, которого в Нагорном Карабахе за чудесный голос прозвали «Ашуг-Бюльбюль» («Соловей»). Его потомки носили фамилию «Ашуг-Бюльбюлян» (поэт заменил эту фамилию при поступлении в гимназию). Его отец вечерами часто рассказывал волшебные сказки о борьбе добра и зла, о победе добрых героев над злыми духами, играя на сазе — струнном музыкальном инструменте, а также искусно исполнял гусанские песни и восточные романсы. Маленького Акопа пленили эти мудрые народные сказки и чудесные песни знаменитых гусанов — Саят-Новы (1712—1795), Мискина-Бурджи (1810—1847), Азбар-Адама (1816—1846), Ширана (1827—1856), Дживани (1846—1909) и др. Сам он унаследовал отличный слух и мягкий, приятный голос. В 1888—1892 годах он был солистом в хоровой капелле известного армянского композитора Христофора Кара-Мурзы (1853—1902). Всю жизнь поэт был влюблен в музыку. Он был поклонником Бизе и Верди, Глинки и Гуно, Даргомыжского и Комитаса, Россини и Рубинштейна, Спендиарова и Чайковского, о которых с восхищением писал в своих «Дневниках» и «Автобиографии». В годы учебы в приходской школе и гимназии он испытал на себе благотворное влияние основателя новой армянской литературы, великого писателя и просветителя-демократа, патриота и гуманиста Хачатура Абовяна (1805—1848), боевого певца национально-освободительной борьбы армянского народа Рафаэла Патканяна (1830—1892), писателя-романтика Раффи. А своим первым литературным учителем он считает поэта и писателя, публициста и критика, языковеда и философа Микаэла Налбандяна (1829—1866).

Наряду с Абовяном Налбандян был властителем дум армянской вольнолюбивой молодежи, символом самоотверженного служения народу и родной культуре. Он был тесно связан с Герценом и Огаревым, которые писали, что Налбандян — «золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости... Это преблагороднейший человек... — мы помним и любим его».¹ За эту преданность делу, за активное участие в борьбе революционеров-

¹ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти тт., т. 27, кн. 1, М., 1963, с. 243.

демократов против самодержавия Налбандян одновременно с Чернышевским был брошен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, затем осужден на пожизненную ссылку и скончался в городе Камышине. Десятилетний Акоюн впервые услышал переложенное на музыку пламенное стихотворение Налбандяна «Свобода»:

Свобода! — и пускай враги
Ждут, гибелью грозя!
Пускай огонь, пускай ни зги,
Пускай ревет гроза!
До виселичного столба
Я руку к ней тяну,
Свободу милую любя,
Одну ее, одну.

О впечатлении от этой песни Акоюн впоследствии писал: «Тогда я впервые почувствовал, как прозрела моя душа, и я был вдохновлен высокой красотой и очарованием свободы». Затем гимназист третьего класса Акоюн приобрел фотографию Налбандяна, обрамленную текстом стихотворения «Свобода», и переписал эти стихи. «Навсегда полюбив Налбандяна», с его образом Акоюн всегда связывал свою ненависть к палачам свободы. По поводу ареста, ссылки и смерти Налбандяна он пишет: «Я впервые тогда услышал слово «жандарм». С того времени оно стало для меня и ненавистным, и презренным». Еще более примечательно признание поэта в том, что стихотворение «Свобода» проникло в глубины его сердца и жило в нем и в те дни, «когда впервые, уже в зрелые годы, я начал петь международный „Интернационал“». Действительно, его жизненный и творческий путь шел от «Свободы» революционного демократа Микаэла Налбандяна к могучему гимну международного пролетариата, от гнева и протеста против «проклятым заклёпанным» мира к сознательной борьбе в рядах ленинской партии большевиков.

На этом пути решительную роль в формировании и развитии мировоззрения и поэтического облика Акоюна сыграла его семилетняя жизнь в Баку, «в этом кипучем индустриальном городе». Здесь он навсегда связал себя с рабочим классом и передовой интеллигенцией, познакомился с революционно настроенными кругами, принимал участие в первомайских демонстрациях, читал запрещенную литературу, за что в 1891 году подвергся аресту. Поработав на нефтепромыслах и на заводах, он испытал на себе **самом** всю жестокость эксплуатации человека человеком и еще **тверже** ре-

шил бороться за свободу трудящихся масс: «Я не лег на ту наковальню, по которой бьет хозяин, а хотел быть молотом, который бьет по наковальне — по своему хозяину». С особой силой он включился в борьбу в Тифлисе, где также поддерживал тесную связь с рабочей средой, вольнолюбивой молодежью, революционными кружками, читал марксистскую литературу, организовывал тайные кружки. Об этом в его «Автобиографии» сказано: «Весною 1894 года организовал группу революционной молодежи и руководил ею в духе революционного народничества. Летом того же года был арестован и посажен в Метехский замок. После двухмесячного заключения был выслан на родину, но в 1895 году вновь вернулся в Тифлис». Нужно добавить, что в те годы Акопян руководил также одной певческой группой, которая пела на различных вечерах и на приобретенные средства покупала оружие, оказывала помощь политическим узникам. Он постепенно укреплял свои связи с рабочими железнодорожных мастерских и разных заводов, вскоре познакомился с революционными социал-демократами и окончательно стал на путь революционной борьбы.

3

В статье «Как я стал писателем» Акопян говорит: «Подготовкой к писательскому делу для меня явилось ведение дневников в течение целых десяти лет, с 1884 по 1894 год... Эти дневники сыграли большую роль, практически учили меня излагать свои мысли... В каждом из моих дневников можно найти по несколько десятков стихотворений, написанных неопытным, неотточенным пером на самые различные темы». Все это так, однако стихи он начал писать еще раньше дневников. Одно из них упоминается в автобиографическом рассказе «Первая любовь» (1932): «Я достаю из кармана парусиновой блузы тетрадь и читаю свой первый неграмотный лепет шестнадцатилетнего юнца...» Тетрадь эта не сохранилась, но записанные в «Дневнике» стихотворения свидетельствуют о том, что начинающего поэта занимали темы любви, противоречий жизни, социальной несправедливости, протест против того мира, о котором в 1884 году он записал в своем «Дневнике»: «О, мне отвратителен этот мир. Кто богат и имеет деньги или принадлежит к княжескому роду, тот живет счастливо, а тот, кто беден и не знатен, тот бедствует».¹ Достаточно взглянуть на заглавия некоторых его ранних стихов: «Несчастный друг» (1884), «Тяжкие дни» (1885),

¹ Цит. по кн: С. А. Манукян, Акоп Акопян, Ереван, 1975, с. 48 (на арм. яз.).

«Если ты беден — лишен голоса, а если богат — кумир знатных» (1886), «Многоголовый дракон» (1886), «Жертва денег» (1887), «В везении ли дело?» (1887) и т. д., чтобы убедиться в том, что автор этих произведений полон «праведного гнева» против богачей и эксплуататоров, проникает в жизненные проблемы бедных и обездоленных, противопоставляет себя сытым и праздным богачам.

Свои первые пробы пера поэт в дальнейшем обработал, дополнил новыми стихами, и в 1899 году Грузинское издательское товарищество выпустило в Тифлисе его первый сборник на армянском языке — «Стихотворения». До этого в прессе печатались его корреспонденции и статьи (с 1889 года), а в 1893 году в октябрьском номере журнала «Мурч» («Молот») было опубликовано первое стихотворение — «Обет дружбы», а стихотворение «Честь и труд» (1895) поместил в своем учебнике для армянских школ «Родная речь» (1896) известный писатель и педагог Газарос Агаян (1840—1911). Литературный обозреватель тифлисской газеты «Нор дар» («Новый век») Минас Берберян подверг резкой критике первый сборник молодого поэта.¹ Вскоре та же газета сочла нужным напечатать вторую рецензию, автором которой был Манук Абемян (1865—1944), впоследствии один из крупнейших ученых-филологов Советской Армении. Это было серьезное, беспристрастное, доброжелательное слово, содержащее и ряд горьких для поэта истин. «Разумеется, — писал Абемян, — в книжку вошли и слабые вещи, но есть в ней также и новые, самобытные произведения, подобных которым мы еще не встречали в нашей литературе».² Анализируя конкретные стихотворения, рецензент отмечает отдельные языковые и технические погрешности, упрекает поэта за поспешность в издании книги, однако утверждает присущую сборнику «свежесть чувств и идей», доказывает, что поэт умеет показать прекрасные картины природы, выразить чувство «чистой, благородной любви», по-своему воспеть родину, труд и нравы народных масс. Таким было, например, стихотворение «Песня» (1896):

Я на рассвете юных дней
Запел однажды о любви.
Та песня родилась в крови,
Тоска и боль звучали в ней. . .

Но ты молчала. Не пришлось
Душе услышать отзыв твой.
Лишь эхо гор отозвалось
И полетело над землей.

¹ См.: «Нор дар» («Новый век»), 1899, 4 декабря.

² Там же, 1900, 11 января.

Ах, этот отзвук будет жить
В моей груди до склона дней.
Соединила эта нить
Меня с отчизною моей.

Идея освобождения страждущей в рабстве отчизны звучит и в чисто лирических стихотворениях. Вот, к примеру, первое напечатанное в прессе стихотворение «Обет дружбы» (1889):

Розу с твоего чела сорву я,
Чтоб на много лет
Этой розой, вместо поцелуя,
Свой скрепить обет.

Воодушевлен дыханьем розы,
Помня о тебе,
Стану осушать страдальцам слезы,
Выстою в борьбе.

Пусть питает вечно роза милой
Мужество борца,
Чтоб готовность к подвигу хранило
Сердце до конца.

Любовь в ранней поэзии Акопяна — это «святая искра» («Искра любви», 1895), призванная вдохновлять на подвиги, возвышать борца свободы, зажигать в нем «благородные стремления, высокие цели» («Снова ей», 1894). Поэт с болью в сердце замечает, что в эксплуататорском обществе на каждом шагу унижается честный, трудовой человек, «всюду боль кричит» («Мне думы сердце тяжелят...», 1898), а цветок любви увядает от «злой бури» («Разочарование», 1894). Но он верит в светлое будущее, стремится зажечь в людях сознание высокого человеческого призвания:

Друг мой, погляди, — светлая луна,
Разгоняя мрак, медленно восходит.
Звезд алмазных рой за собой она
В тишине ночной на небо выводит.

Если над тобой темный небосвод,
Если на пути стан туч нависли, —
Разгоняя мрак, двигайся вперед
И неси в народ свет алмазной мысли.

(«Эскизы», 1895)

В своем первом сборнике поэт гневно обличает эгоизм, лицемерие, коварство сытых («Маски»), воспевает красоту родительского чувства («Твое горе облегчу», 1899), рисует пробуждение природы («Весенние мотивы», 1898) и больше всего пишет о тяжелой доле армянских тружеников земли. Умело используя фольклор, он создает стихотворения на традиционные сюжеты: «Картинки» (1895), «Собака курда» (1894), «Тетушка Сапет» (1896), «Сельская баллада» (1898), «Страхи крестьянина» (1899). Поэт правдиво и ярко изображает горькую судьбу земледельцев — созидателей благ — в мире жестокой эксплуатации, во власти предрассудков и суеверий. Одни, вынужденные в поисках заработков покинуть родной край, трудиться на чужбине, вместо счастья большей частью находили нищету и погибель («Картинки», 1895). Другие, уверовавшие в примету, будто вой собаки предвещает им неизбежную смерть, становятся жертвой предрассудков («Сельская баллада», 1898). Но общая беда в том, что крестьянина всюду «сторожат беды»:

Что день, тревогу сердце бьет:
За горем горя пахарь ждет...

...Подует ветер — сохнет сад.
На небе туча — ливень? Град?
Или несется саранча?
Повсюду беды сторожат.

(«Страхи крестьянина», 1899)

Конечно, в первом сборнике Акопяна есть и слабые вещи. Но несомненно, что он искал свой путь и тогда уже обладал собственным поэтическим голосом. Самое яркое свидетельство этого — стихотворение «Честь и труд» (1895), самобытный, волнующий гимн честному труду и труженику. «Должен отметить, — писал автор, — что тема труда была для меня самой дорогой в мире. Еще ребенком в своей семье я видел, как трудились отец, мать, брат. Любовь к труду стала для меня источником вдохновения... Я любил труд не потому только, что он — основа существования человечества, источник его счастья, но и потому, что труд, в его истинном понимании, имеет свою поэзию».¹

Именно этой «поэзией труда» и проникнуто стихотворение «Честь и труд», которое стало популярной песней, вошло в школьные учебники и сборники избранных страниц армянской поэзии. В те годы механик водопровода Авчалы близ Тифлиса, пролетарский писатель Мадат Петросян пишет в своих воспоминаниях: «Это сти-

¹ Акоп Акопян, Соч. в одном томе, с. 348.

хотворение, посвященное рабочим Авчалы, наши парни выучили наизусть и часто во время работы повторяли последний куплет: «...С тех пор мой тяжкий молот бьет, И жжет чело горячий пот, И дни тяжелые идут, Но всё я помню: *честь и труд, честь и труд!*»¹

Распространено мнение, что этим стихотворением Акопян заложил основу армянской пролетарской поэзии. Точнее было бы сказать, что эта прекрасная трудовая песня продолжила традицию трудовых песен, созданных многими армянскими поэтами-классиками. Молодой Акопян к тому времени еще недостаточно созрел идейно, не имел пролетарского мировоззрения, не видел истинного пути рабочего класса — революционной борьбы, ведущей к реальной свободе человечества. Об этом свидетельствует и стихотворение «Велико наше горе...» (1899), в котором автор призывает поэтов быть наравне с духом времени, делить народное горе и печаль, помогать людям разрешать «роковые вопросы нужды». И тем не менее он выражает мысль о необходимости покорно терпеть и ждать:

Что же! Выдержим всё, переждем молчаливо,
Перетерпим — иные придут времена.

Очевидно, что молодой поэт-демократ, певец праведного труда, свободы и светлых чаяний народных масс был пока еще на пути исканий, не перешел окончательно на позиции певца революционного пролетариата.

4

После выхода в свет первого поэтического сборника Акопян продолжал работать, как говорит он сам, «в трех направлениях — литературном, революционном и служебном». В его служебной жизни не произошло изменений, он продолжал работать бухгалтером. Как общественный деятель, он вошел в круг подлинных революционеров — социал-демократов, сторонников великого Ленина и политической линии ленинской «Искры». В 1901 году был участником мощной демонстрации тифлисского пролетариата, с которой, по свидетельству «Искры», «на Кавказе начинается открытое революционное движение».² Он лично познакомился с некоторыми членами «Союза армянских социал-демократов» (1902) и Кавказского союз-

¹ «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1947, № 10—11, с. 94.

² Цит. по кн.: «Очерки истории Коммунистической партии Армении», Ереван, 1967, с. 30.

ного Комитета РСДРП (1903) — интернационального партийного органа. По поручению рабочих железнодорожного депо в 1902 году Акопян перевел на армянский язык знаменитую «Марсельезу» («Рабочая марсельеза»), которая была напечатана социал-демократическими организациями и распространена в виде листовки среди армянских трудящихся всего Закавказья. Этот перевод «был моим первым шагом, — пишет поэт, — к вступлению в социал-демократическую партию». Весной 1904 года он уже в рядах большевистской партии. В эти годы он создал ряд стихотворений, которые положили начало его подлинно революционной пролетарской поэзии. Таковы «Зов народа» (1902), «Звезды» (1903), «Начало весны» (1904), «Чужой и свой» (1904), «Эскизы» (1904), «Блажен, чей дух высокий не убили...» (1904), «Кочегар» (1904). Все эти произведения свидетельствуют об обогащении духовного мира и явном росте поэтического мастерства Акопяна. Несомненным шагом вперед по сравнению с «Велико наше горе...» (1899) является сжатый и выразительный образный стиль стихотворения «Зов народа», где автор с гораздо более зрелой идейной позиции призывает поэтов быть голосом народа, бичевать гнет, зажигать в народе надежду на светлое будущее, петь «песню о великой цели»:

Поэт, ты слышишь ли, поэт,
Народа вопль, его рыдания?
Неси во мрак надежды свет,
Скажи, что кончатся страдания!

Не надо слез — уже по край
Полны сердца тоской и мукой.
Нет, не голубь и не ласкай,
Не утешай нас, не баюкай!

Бичуй невыносимый гнет
И, полон страсти неумемной,
Греми грозой, зови вперед,
Будь молнией средь ночи темной!

В эти годы (1903 и 1904) Акопян переводит две книги прогрессивной в то время итальянской поэтессы Ады Негри (1870—1945) «Судьба» и «Буря», ранние стихи которой насыщены мотивами рабочего труда, гневным протестом против гнета и насилия, несправедливости и «современной неправды». ¹ Поэтесса сердечно побла-

¹ А. В. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми тт., т. 5, 1965, с. 144.

годарила переводчика «за чудесные переводы»,¹ а выдающийся мастер художественного слова Ал. Ширванзаде (1858—1935) написал хвалебные рецензии, в которых, между прочим, утверждал: «Вообще г. Акопян должен занимать почетное место в нашей литературе». ² Акопян удачно переводил также стихи Гёте, Бёрнса, Бёрнсона, П. Я. Якубовича, С. Я. Фруга, других западноевропейских и русских поэтов.

Поэт слагает песни о том, что люди стали различать «своих» и «чужих» («Чужой и свой», 1904), стали на верный путь поиска истины, и «они ее найдут» («Звезды», 1903), — пробуждается весна, и «для нас этот радостный день настает» («Начало весны», 1904). Вместо традиционного ремесленника лирическим героем его поэзии становится промышленный рабочий — такой же честный и угнетенный труженик, в поте лица добывающий кусок хлеба, но уже осознавший, что для освобождения труда нужно «с угнетенных сбить оковы». Яркими реалистическими красками поэт рисует атмосферу труда рабочего:

Дрожа, как разъяренный лев,
Котел кипит, рычит, клокочет;
Огонь дрожит, осатанев,
И горн, как гром в аду, грохочет.

(«Кочегар», 1904)

Явный призыв к борьбе за свободу угнетенных звучит в стихотворении 1904 года «Блажен, чей дух высокий не убили...»:

Борьба с насильем — в ней исток движенья,
В ней смысл мое находит бытие...
О жертвы схваток, знайте — лишь в сраженье,
В борьбе найдете счастье вы свое!..

Автор приведенных строк уже с самого начала первой русской революции 1905—1907 годов в боевых рядах большевиков Закавказья лично и пером своим служил делу свободы и счастья трудящихся масс. Он принимал активное участие в деятельности нелегальной газеты «Борьба пролетариата», которая была органом Кавказского союзного Комитета РСДРП и выходила на русском, грузинском («Пролетарис брдзола») и армянском («Банвори крив») языках (1903—1905). Он вел организационную и агитационно-про-

¹ «Летопись», с. 68.

² Ал. Ширванзаде, Собр. соч. в 10-ти тт., т. 10, Ереван, 1962, с. 307—308 (на арм. яз.).

пагандистскую работу, распространял большевистские газеты, листовки, прокламации среди рабочих и служащих железнодорожного депо, кожевенного завода, тифлисской типографии «Гермес», печатников Гянджи, трудящихся железной дороги и электростанции Боржоми. Вел дискуссии с меньшевиками, эсерами, представителями армянской буржуазно-националистической контрреволюционной партии дашнаков, участвовал в демонстрациях, забастовках, боевых стачках, предоставлял свою квартиру для собраний и сходок большевиков. В апреле 1906 года вместе со Степаном Шаумяном и другими он организовал издание первой легальной большевистской газеты на армянском языке «Кайц» («Искра») и руководил «Рабочей библиотекой» при газете, в серии которой отдельными брошюрами вышли «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, «Национальный вопрос и социал-демократия» Ст. Шаумяна, статьи из «Кайца» и другие, сыгравшие огромную роль в распространении марксизма-ленинизма среди армянских трудящихся. В своей деятельности в эти годы поэт пишет: «Я варился в котле революции, жил, жил этой жизнью, кипел и закалялся и одно за другим создавал свои стихотворения. . .»

В бурной, плодотворной революционной борьбе Акопян закалился, приобрел огромный жизненный опыт, стал поэтом-трибуном и создал свою поэзию, являющуюся качественно новым этапом в развитии духовной культуры армянского народа. Конечно, армянские писатели-классики не могли остаться безучастными к таким событиям огромного исторического значения, как первая русская революция, они широко откликнулись на жизненно важные проблемы, поставленные революцией перед всеми народами, населявшими Россию.¹

Выдающиеся армянские писатели Ованес Туманян (1869—1923), Александр Ширванзаде (1858—1935), Арпиар Арпиарян (1851—1908), Вртанес Папазян (1866—1920), Даниэл Варужан (1884—1915), Аветик Исаакян (1875—1957), Ваан Терьян (1885—1920) и другие подняли голос протеста против самодержавия, царских погромщиков-черносотенцев. В своих произведениях они отображали героическую борьбу рабочих и крестьян за социальную и национальную свободу. Все громче звучал голос пионеров армянской пролетарской литературы — талантливой поэтессы Шушаник Кургинян (1876—1927), автора замечательного сборника революционных стихотворений «Перезвоны зари» (1907), прозаиков Мовсеса Арази

¹ Подробнее см. об этом в специальной монографии: А с. А с а т р я н, Армянская литература и первая русская революция, Ереван, 1956 (на арм. яз.).

(1878—1964) и Мадата Петросяна (1866—1944), драматурга Анушавана Варданяна (1879—1954) с его пьесой «Забастовка» (1905). И все-таки именно Акопяну принадлежит честь быть основоположником подлинно революционной, пролетарской армянской литературы. О его новаторстве прекрасно сказал большой знаток русской и мировой литературы А. В. Луначарский: «Самым оригинальным в творчестве Акопа Акопяна с самого начала было, конечно, то, что это был не только поэт-революционер — поэты-революционеры были и в русской и в европейской литературе, — а что это был поэт социал-демократ в тогдашнем лучшем смысле этого слова, поэт-большевик, поэт пролетарский». ¹

Вспоминая встречу с Акопяном в октябре 1905 года, Аветик Исаакян пишет: «Революция и социализм, если можно так сказать, были его верой и наукой, пафосом и мудростью... Я был покорен цельностью его убеждений, его стойкостью, непоколебимостью. В эту ночь он очень вырос в моих глазах: я понял, как глубоко он искренен в своих стихах». ²

В самом деле, революционные стихотворения Акопяна 1905—1907 годов отличаются цельностью убеждений, глубокой искренностью, непосредственностью и конкретностью, идейной целеустремленностью и свежестью выразительных средств. Лучшие из них опубликованы в нелегальной и легальной большевистской печати и вышли в двух сборниках: «Песни труда» (1906) и «Революционные песни» (1907). Последний вышел в полулегальном издании Кавказского районного Комитета РСДРП, под псевдонимом «Пролетар». Это была первая армянская художественная книга, на алой обложке которой были записаны крылатые слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и изображен рабочий, идущий с красным знаменем в руках навстречу восходящему солнцу. В эту книгу вошли не только оригинальные стихотворения Акопяна, но и переводы. Первые на армянском языке зазвучали революционные песни: «Марсельеза» («Рабочая марсельеза»), «Интернационал» (с русского перевода А. Я. Коца), «Варшавянка» (с переложения Г. М. Кржижановского), «Похоронный марш» («Вы жертвою пали...») Ф. С. Шкулева, «Смело, товарищи, в ногу!» Л. П. Радина, «Вперед, друзья! Не теряйте...» М. Л. Михайлова.

В революционной поэзии Акопяна выделяется стихотворение «Мой мир» (1905), которое автор считает своим поэтическим кредо. Как уже говорилось, поэтический мир Акопяна — жизнь народа, его

¹ А. В. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми тт., т. 2, с. 368.

² Аветик Исаакян, Соч. в 4-х тт., т. 4, Ереван, 1959, с. 134 (на арм. яз.).

горе и страдания, протест и борьба. Интересы революции настоятельно требовали вывести поэзию «на улицу, в толпу, в народ», всемерно укрепить связи с народными массами, зажечь в людях веру в победу. «Пусть я мечтал орлом парить в высотах», — пишет поэт, пусть «зов дальних звезд мой дух влюбленно слушал», пусть приятно подниматься в высь неба и купаться «в серебряных лучах луны», но народ, земля призывают петь о «мире скорби и труда»:

Я связан навсегда с моим народом,
Земная боль мою пронзает грудь.
Меня зовут: поэт, воспой свободу,
Товарищем и другом: каждим будь!
Не надо мне заоблачного рая,
Тебя, моя земля, я выбираю.

Поэт развивает мысль о том, что нужно создать реальный, земной рай, а для этого требуются революционная борьба, раскрепощение труда и человека. И с этой позиции он воспевает труд и борьбу пролетариата в их неразрывном единстве: Вспомним, например, сжатые и выразительные строки «Песни кузнеца» (1905):

Товарищ, бей, ударь плеча!
Ударь со всею силой,
Чтоб сталь, светла и горяча,
Согрела: мрак уиылыл.
Чтоб не напрасно пот бежал,
Рождая крепость стали,
Чтоб день над тьмою ночи встал,
Чтоб искры солнцем стали!
Ударь, товарищ, крепче бей!
Смотри, уходят беды —
Навек уходит тьма ночей,
Куется день победы!

Если лирический герой стихотворения «Кочегар» — это уже не мастеровой из «Чести и труда», а заводской рабочий, то в «Песне кузнеца» он — сознательный труженик и борец, твердо убежденный в том, что призван ковать победу, делать труд «владыкой мира». Этим высоким сознанием наделен и собирательный герой стихотворения «Рабочий он и — властелин» (1905) — рабочий класс. Оно характерно открытой политической направленностью и высоким пафо-

сом. В ясной поэтической форме здесь выражена мысль о том, что рабочий класс все еще «пасынок труда», получающий лишь крохи «за тяжкий труд», тем не менее он уже осознал свою историческую миссию «могильщика капитализма», сокрушителя «оков рабства».

Величественный час настал — рабочий класс готов
Восстать, стереть с лица земли тиранов, палачей
И, став хозяином труда и всех его плодов,
Судить жестокого царя и свору богачей.
«Кто не работает, не ест!» — под лозунгом таким
Он вышел в бой за новый мир, и он непобедим.
В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

Глубокая вера в мощную силу пролетариата, подкупающая искренность, усиливающие мысль повторы («Рабочий он и — властелин») — все это служит подтверждением высказывания поэта: «Переживания и волнения, связанные с партийной жизнью, вера в торжество революционной классовой борьбы — вот что питало революционно-пролетарские мотивы моей поэзии». Другое явное доказательство этого — первоклассное аллегорическое стихотворение «Революция» (1905), где традиционные образы «морской бури», «грозы», «грома», «молнии», «ливня», «неистового крика сраженной львицы» обретают новое художественное качество, сопоставленные с ходом развития революции и служащие раскрытию ее красоты, величия ее цели, возвещают рождение человеческой свободы.

Так было, товарищ мой, в час революции:
Два моря столкнулись, и буря взыграла.
Две силы столкнулись — и вот они бьются.
И молнии света стучатся в забрало
Тьмы.

Но вот отгремели и бури и грозы,
Нам ливень очистил небесные своды,
И в муках родился, и весел и розов,
Могучий ребенок — Свобода! Свобода! —
На прахе разбитой тюрьмы!

Товарищ, запомни, победа — в движении.
Свобода — дитя. Революция — мать.

Товарищ, клянись же в борьбе и в сраженье
Грудью,
Грудью ее защищать!

Иные средства выразительности, иные краски в стихотворении «Еще удар» (1905), которое впервые сам автор прочитал на митинге протеста против царского манифеста 17 октября 1905 года и которое «большевики отпечатали в виде прокламации и обнародовали». ¹ По поводу манифеста Кавказский Союз РСДРП выпустил ряд прокламаций, в одной из которых говорилось: «Пусть сильнее грянет гром, пусть сильнее разразится буря! Час победы близок!.. Нет, товарищи! Не будем обольщаться... Свободу, нужную народу, правительство даром не даст...» ² А вот строки из стихотворения «Еще удар»:

Рабочие, сегодня — в бой!
В борьбе пожертвуем собой!
Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

Царь убивал и вешал нас,
Пришел его последний час,
Но если пошатнулся трон,
Тиран еще не сокрушен.

Царь о пощаде молит нас?
Не стать бы жертвой нам сейчас!
Теперь, когда борьбы разгар,
Еще удар, еще удар.

Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

«Еще удар» — это мощный боевой клич и политический наказ, это яркий образец партийной литературы, призванной стать, по определению В. И. Ленина, «частью общепролетарского дела». ³ Именно частью этого священного дела были стихотворения Акопяна 1905 года и всех последующих лет. Используя разнообразные поэтические формы и средства, он то гневно разоблачает всех тех, кто сопротив-

¹ «Очерки истории Коммунистической партии Армении», с. 72.

² «Листовки Кавказского Союза РСДРП 1903—1905 гг.», М., 1955, с. 414—416.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 101.

ляется уничтожению мира «безделия и разврата» и кому «придется ответ перед грядущим держать» («Буржуям», 1905), то с весенней жизнерадостностью прославляет день международной солидарности пролетариата («Первомайская песня», 1906), то воспекает «светлую богиню в алой вуали», которая «громко, грозно» призывает: «Пролетарии всего мира, вставайте, соединяйтесь» («Греза», 1906), то создает прекрасный революционный реквием («Умерли, но не пропали», 1906), боевые марши («Девятый вал», 1907) и гимны («Пролетариату», 1906). И всегда художественно выражает правду времени, дух эпохи, убежденность в силе и победе революции:

Я вам говорю: близко время, когда
Рабочий, повсюду бесправный сегодня,
Сам станет хозяином гордым труда
И жизнь его будет светла и свободна...

...С владыки червонца корону сорвут,
Врагом человек человеку не будет,
Свободный и честный прославится труд,
Народов семья свои распри забудет.

Я вам говорю: недалек этот час,
И пусть он вам кажется ныне мечтою —
Его наш рабочий добьется, борясь...
Вот гордая дума борца и героя!

(«Я вам говорю...», 1905)

О стихах Акопяна 1905—1907 годов сказано: «Все эти стихотворения роднит между собою выраженная в них вера в приход новой, радостной жизни. Составляя драгоценную часть литературного наследия Акопа Акопяна, эти произведения знаменовали целую эпоху в становлении армянской пролетарской литературы, литературы социалистического реализма. Им принадлежит почетное место в истории мировой пролетарской поэзии». ¹

5

Акопян был глубоко поражен наступлением столыпинской реакции, но как стойкий большевик продолжал бороться и творить. Он поддерживал связь с ушедшими в подполье и находящимися за границей партийными товарищами. Летом 1908 года вместе с Шаумяном, Спандаряном и Ванушем Шавердяном он побывал в Армении

¹ «История армянской советской литературы», М., 1966, с. 323.

(село Джалал-Оглы, ныне — Степанаван), где, «установив тесную связь с большевиками Лори и других районов, они во многом способствовали оживлению революционной деятельности в Армении». ¹ После их возвращения полиция произвела обыски в квартире поэта и в коммерческом банке, где он служил бухгалтером, но ничего не обнаружила. А в подвалах банка он хранил часть партийного архива и вообще «был в то время надежным революционным опорным пунктом у себя. Он оказывал бесчисленное количество революционных услуг подпольщикам и был крепко-накрепко связан с различными партийными центрами и группами в Петербурге и в эмиграции». ² Полиция подозревала об этом и следила за каждым шагом поэта. Несколько раз он подвергался обыскам и арестам: в 1909 году — после получения письма из-за границы от Михи Цхакая, в 1910 — после встречи с Камо, в 1911 — после возвращения из заграничной поездки.

Умелый конспиратор, Акопян руководил подпольными партийными ячейками, с их помощью распространял нелегальные газеты, брошюры, прокламации, листовки. Особенно тесно он был связан с Шаумяном, всемерно содействовал ему в издании большевистских газет и журналов и приложил все усилия, чтобы привлечь к армянской периодике Горького, Луначарского и других деятелей русской культуры. В одном из писем Михе Цхакая весной 1909 года он писал: «Если бы мы получили хотя бы один рассказ от Горького для нашей газеты!.. Попробуй!» ³

Для выполнения партийного поручения летом 1911 года Акопян выехал за границу. Он побывал в Вене, Мюнхене, Берлине, Люцерне, Женеве, Брюсселе, Париже, встретился с Михой Цхакая, Карлом Либкнехтом, А. В. Луначарским, информировал их о делах на Кавказе, передал им копии документов о допросах и пытках, которым подвергался легендарный революционер Камо, заточенный после берлинских испытаний в Метехский замок. Эти материалы были опубликованы в газетах «Юманите» и «Форвертс» и привлекли внимание мировой общественности к героической борьбе большевиков в тяжелых условиях столыпинской реакции.

Все годы реакции А. Акопян твердо стоял на боевых позициях партии большевиков и сочетал свою кипучую революционную деятельность с плодотворной творческой работой. Девизом его поэзии

¹ «Очерки истории Коммунистической партии Армении», с. 103.

² А. В. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми тт., т. 2, с. 368.

³ «Историко-литературный журнал», Ереван, 1963, № 1, с. 229 (на арм. яз.; письмо Акопяна написано на русском языке).

можно считать ярко оптимистическое стихотворение «И снова я встаю...» (1907).

Есть сила на земле,
Что рано или поздно
Сметет насилье
Всюду
И навек.
Оковы тьмы
Вот этой силой грозной
Испепелит
Рабочий человек.
Той силе нет конца, предела, меры.
Ее накал невиданно велик.
Ее душа и знамя — большевик.
Ее победа — вот мой символ веры!

Рабочий класс, что в бой ведет народы,
Добьется Правды,
Света и Свободы.
Всей силой
Сердца моего
Я верю в это торжество.

Эти строки были написаны сразу после июльского переворота 1907 года, когда в стране начались массовые аресты, ссылки, жестокие расправы, черносотенные погромы, когда в среде интеллигенции распространились настроения упадничества, пессимизма, мистицизма. Конечно, и Акопян с болью в сердце сознает, что героическая борьба пока не увенчалась победой — завод по-прежнему остался для рабочих «кровожадным пауком» («Завод», 1908), снова оживились привыкшие в болоте «жить жизнью червей» мещане («Болото», 1911), царизм покрыл страну виселицами («Этап», 1911). Однако поэт-большевик ничуть не сомневается, что реакция — это временное явление, что скоро поднимется новая, более сильная волна революции и «тех, кто несет бесправье и гнет, возмездие ждет» («Мученики», 1909), так как рабочий класс, беря урок у поражения, готовится к новым сражениям, выковывает чудо-ключ к достижению «нового утра» свободы и счастья человечества. Именно об этом говорят десятки его боевых стихотворений и поэм.

Поэмы «Новое утро» (1909), «Красные волны» (1911) и «Равенство» (1916—1917) составляют единый цикл. «Новое утро» — это первая поэма Акопяна, которую он считал своим самым значительным произведением. Действительно, эта лирическая поэма отличает-

ся большой эмоциональной силой и образностью и затрагивает жизненно важные, злободневные общественно-политические и нравственно-этические вопросы, проблемы соотношения личности и общества, сочетания индивидуальных и общественных стремлений, эгоизма и коллективизма, истинной любви и разочарования. Все эти проблемы поэт с большой художественной силой решает с позиции пролетарской революционной морали. Аветик Исаакян, крупный мастер художественного слова, писал об этом: «В лирической форме Акопян художественно-конкретно отобразил мир своих идей. Эта поэма была социалистическим первенцем в нашей литературе». ¹

Носителем социалистических идей и революционной морали выступает лирический герой поэмы — сам автор. Он влюблен в девушку, в которой видит идеал красоты, близкого друга, мечтает вместе с ней войти «в заветный мир свободы, сплетя две жизни в общий круг», призывает ее быть товарищем — соратником в жизни и борьбе.

В жизни строгой и суровой
Будешь ты со мной расти.
С детства друга дорогого
Я мечтал себе найти.

Только ты пойдя со мною,
Жалкий жребий свой забудь, —
Я хочу пройти с тобою
Новой жизни светлый путь.

Однако очаровательная, пленительной красоты девушка, «как бы из сказки голубой», то появляется, то исчезает, «словно дикая лань», и отказывается стать другом борца за свободу. Она мечтает лишь о личном покое, ищет индивидуального благополучия. Поэт глубоко сожалеет, что «ее, как слабый лепесток, унылых дней умчит поток», и делает вывод:

Ведь что один? Порыв бесплодный!
Один — пустынная страна,
Где сохнут в муке безысходной
И гибнут жизни семена.

Один — как тень. И кто б он ни был,
Он — без начала и конца.
Он звук глухой пустого неба,
Без отзвука и без лица.

¹ Аветик Исаакян, Соч. в 4-х тт., т. 4, с. 135 (на арм. яз.).

Иное — тысячи! Иное —
Мильонов натиск мировой!
Под их могучею волною
Мир содрогается живой.

Сам Акопян в письме к Михе Цхакая (1909) писал, что основная идея поэмы такова: «человек несчастлив, когда несчастливо общество». ¹ Автор потом еще раз повторит это обобщение. Следует отметить, что «тысячи» и «милёны» — не отвлеченное понятие, а реальный мир пролетариата отражен в свежих, глубоко самобытных образах: «Особенно удачны и красочны те места поэмы, — писал С. Спандарян в 1911 году, — где описываются в синтетической форме современные фабрики, заводы, шахты, работа рабочих, их страдания, их сила и их надежды». ² Создав яркие, живые картины труда рабочих — «друзей-титанов», влюбленных «в красный цвет» и кующих «чудо-ключ счастья», поэт снова утверждает:

Там, между алых кипящих лавин,
Ты их увидишь в сверкающем свете.
Тысячи там — как один,
И один там — как тысячи эти.

Там, в этой кузне, под сводами хмурыми,
Люди мужают и крепнут умы,
Мертвая жизнь разрушается бурями,
«Я» отливается в мощное «Мы».

Проблема взаимоотношения личных и общественных стремлений, индивидуальных и коллективных начал решается в поэме с позиции единства «Я» и «Мы». И это единство особенно сильно в рабочих массах.

Там никто из нас не будет
Думать только о себе.
Стали братьями там люди
В трудовой своей борьбе.

После первой публикации в журнале «Гехарвест» («Искусство», 1909, № 3) поэма «Новое утро» в 1910 году вышла отдельной книжкой и была положительно оценена читателями и передовой литературной общественностью. Самым внимательным, заботливым и

¹ «Историко-литературный журнал», № 1, с. 222.

² Ст. Шаумян, С. Спандарян, А. Мясникян, О культуре, искусстве и литературе, с. 177.

объективным читателем оказался Шаумян, который на полях книги сделал отметки, равноценные целому исследованию. Учитывая эти конкретные замечания, поэт вскоре переделал поэму и в новой редакции опубликовал в своем сборнике «Стихотворения» 1912 года.

В этом же сборнике впервые был опубликован отрывок из второй поэмы Акопяна «Красные волны» под заглавием «Из поэмы „Буря“». Поэт ее назвал «Вторым циклом „Нового утра“». И в самом деле, если в поэме «Новое утро» показывается сила рабочей среды — мощного «Мы» в достижении общечеловеческого счастья, то в «Красных волнах» автор изображает идейный и организационный рост, солидарность и сплоченность рабочих масс в борьбе во имя «нового утра» и руководящую роль большевиков в этой борьбе. В первой части поэмы автор снова размышляет о любви, женской красоте, человеческой жизни, морали. Он вновь отвергает возможность личного счастья вне счастливого общества, высочайшей моралью считает выбор трудного, но верного пути революционной борьбы. Красотой этой борьбы живет Сара — подруга поэта. У нее нет женских чар девушки из «Нового утра», но «прекрасна она здравым разумом и крепостью духа, как несущая жизнь и свежесть весна», она не «нежная роза», а «гордая, стройная красная гвоздика». И вот вместе с поэтом они «шагают по жизни», становятся свидетелями ужасных картин труда и быта рабочих, полуголодного существования трудолюбивого кузнеца, трагической гибели молодого рабочего по вине «ошалелого управляющего» во время пожара в литейном цехе. Красочно и достоверно рисуя такие картины, Акопян пишет:

Но переполнена несчастий чаша —
Вскипает гнев,
И вот тогда, прекрасен, грозен, страшен,
Могуч, как лев,
Встает рабочий — и враги трепещут.

Во второй части поэмы реалистически отражены забастовки, тайные сходки, боевые выступления рабочих, в первых рядах которых — большевики Мосэс, Миха, Сара и другие люди разных национальностей, но одних убеждений. Поэту в целом удалось создать собирательный образ революционного рабочего класса и запоминающиеся характеры большевиков (например, кузнец Мосэс — «трудолюбивый человек с чистой совестью и душой»), хотя не все образы получились полнокровными, полноценными, художественно индивидуализированными. В поэме развивается вечно живой мотив армянской литературы — мотив дружбы народов. Акопян раскрыл эту тему по-новому, показав

революционное братство многонациональных трудящихся, борющихся под знаменем пролетарского интернационализма. В третьей поэме этого цикла — «Равенство» (декабрь 1916 — январь 1917) Акопян в духе горьковской, активной романтики показывает, что лишь под знаменем коммунизма, путем классовой революционной борьбы может обновиться мир, осуществиться вековая мечта человечества о реальной свободе, братстве и равенстве.

Наряду с поэмами, как уже было сказано, заметным событием в творческой жизни Акопяна этого периода (1907—1917) явились его стихотворения, насыщенные бурным революционным пафосом и имеющие огромное идейное, моральное и организационно-воспитательное значение. Вот некоторые из них: «Брату рабочему» (1908), «Люблю всей душой» (1909), «На рассвете» (1910), «Песня труда» (1910), «В час борьбы» (1911), «Концерт» (1911), «Город» (1911), «Моим товарищам» (1912), «Страж» (1913); «Кузнец» (1914), «Никогда не устаете» (1915), «Не грусти» (1915), «Друг, не плачь!» (1911), «Сейфы» (1916), «Националистам» (1916). Все эти и другие произведения являются ценным вкладом в армянскую поэзию. Они были первым опытом художественного освоения новых тем, несли в народные массы идею нового подъема революционных сражений, веру в победу пролетариата, жизнерадостное весеннее настроение, бодрость и веру в светлое грядущее. Это было особенно важно в те мрачные годы реакции, когда определенными кругами и с определенной целью поднимался на щит модернизм, распространялись произведения, насыщенные пессимизмом, мистицизмом, национализмом, настроениями уныния и безнадежности, делались попытки обосновать «правдивость» буржуазной теории «искусства для искусства». Против этих явлений и боролся Акопян как революционный деятель и как поэт. С большой поэтической силой он убеждает читателей, что в трудных испытаниях зреет революционный пролетариат, превращается в грозную силу, что скоро «нахлынет буря, и рабство сметет ее волна» («Город»). В аллегорических образах поэт показывает, что «первым громом грянет первая гроза, и весна взглянет нам прямо в глаза» («Не грусти»). Как бы художественно обобщая мысль о долге настоящего поэта, он говорит в стихотворении «Страж» (1913):

Павшим духом, слабым, робким — скажем:
Исчезайте в бездну пустоты! . .
До зари стою я гордым стражем,
Гордым стражем нашей высоты.

Именно «гордым стражем» революционной поэзии сделали Акопяна его боевые и вместе с тем глубоко эмоциональные, музыкально-

мелодичные стихи, а также литературно-критические статьи и рецензии. Как литературный критик Акопян выступил в печати вместе с другими критиками-марксистами в защиту как классической, так и пролетарской литературы, служащей интересам трудящихся масс, борьбе за социальное и национальное освобождение народов. Рецензируя, например, постановки на сцене армянского народного театра Авчалы (Тифлис) 1908 года, он писал: «Организаторы с самого начала сделали хороший выбор, дав простому народу такие пьесы, которые близки его сердцу и исходят из непосредственной реальности его жизни». ¹ С этой точки зрения он высоко оценивает пьесы «На дне» Горького, «Разбойники» Шиллера, «Из-за чести» Ширванзаде, «Пепо» Сундукяна и другие. О постановке «На дне» (1908) он пишет: «Дайте побольше пьес такого рода, и театр всегда будет полон. С этой стороны достоин похвал выбор режиссера Севумяна. Будем надеяться, что и в будущем он будет следовать в том же направлении». В рецензии на постановку первой армянской пролетарской пьесы «Забастовка» Анушавана Варданяна (написана в 1905 году, постановка осуществлена в 1912 году) он писал: «Вот радостное событие... — впервые на армянской сцене увидеть мир рабочих... Пусть нашему начинающему товарищу драматургу в его дальнейшей работе будет служить примером «На дне» Максима Горького». В статьях Акопяна разоблачались поборники буржуазно-националистической идеологии, апологеты теории «искусства для искусства», прислужники буржуазии.

Значительную роль в развитии армянской пролетарской литературы сыграли изданные по инициативе и под редакцией Акопяна литературно-художественные альманахи «Красные гвоздики» и «Рабочий альбом». Эти сборники выходили весной 1914 года в серии «Новой библиотеки» и на своих страницах впервые объединили армянских пролетарских поэтов, прозаиков и драматургов — как представителей нового литературного направления. В них были напечатаны стихи Акопяна, Акопа Камари (Бежаняна, 1885—1930), рассказы Мовсеса Арази, Мелика Меликяна (1876—1919), драматическая пародия Ан. Варданяна (1879—1954), а также два рассказа Горького в переводах Акопяна. Большевицкая печать приветствовала выпуск этих альманахов, особо отметив «овеянные глубоким чувством» стихи Акопяна — «армянского поэта — Горького». ² Издание альманахов было прервано первой мировой войной. Вскоре

¹ Акоп Акопян, Собр. соч., т. 4, с. 189—300 (на арм. яз.). В дальнейшем рецензии и литературно-критические и публицистические статьи Акопяна цитируются по этому изданию без ссылок.

² «Путь правды», 1914, 30 марта.

Акопян стал редактором литературно-критического отдела тифлисской газеты «Пайкар» («Борьба»), возглавлявшейся с декабря 1915 года по июль 1917 года большевиками. По инициативе Акопяна на страницах этой газеты систематически появлялись переводы произведений Горького («Песня о буре», «Сказки об Италии»), рассказы, произведения армянских пролетарских поэтов и писателей, статьи критиков-марксистов Ст. Шаумяна, А. Мравяна, А. Кариняна и других о литературе, культуре, искусстве.

6

После победы Октябрьской революции Закавказье временно было оторвано от Советской России, там властвовали приспешники чужеземного империализма, буржуазно-националистические партии — грузинские меньшевики, азербайджанские мусаватисты, армянские дашнаки. В первых рядах большевиков Акопян принимал энергичное участие в борьбе против контрреволюционных сил за установление Советской власти в Закавказье. Член Тифлисского районного, затем городского комитета партии, казначей Заккрайкома, председатель комитета профсоюзов банковских служащих Тифлиса, участник важнейших совещаний большевиков и ряда демонстраций, организатор дела доставки «Правды» и других революционных материалов солдатам-фронтовикам, член редколлегии органов Заккрайкома «Кавказский рабочий», «Банвори крив» («Борьба рабочего»), «Кармир астх» («Красная звезда»), редактор журнала «Нор уги» («Новый путь»), газеты «Паак» («Страж») — вот вкратце сфера деятельности поэта-большевика. Во избежание ареста летом 1918 года он вместе с другими видными большевиками переехал в Пятигорск, где продолжал свою революционную деятельность до начала 1919 года. Вернувшись домой, был схвачен и брошен в Метехскую тюрьму, затем переведен под домашний арест «до особого распоряжения» и окончательно освобожден лишь после того, как 28 февраля 1921 года, после Азербайджана (апрель, 1920) и Армении (ноябрь, 1920), в Грузии была установлена Советская власть.

В 1917—1921 годах Акопян особо выделялся как публицист. Его целенаправленные политические статьи этих лет почти неизвестны русскому читателю, хотя они представляют огромную ценность и входят в сокровищницу армянской большевистской публицистики. Его статьи печатались в газетах и журналах, часто под псевдонимами — «Credo», «Трибун», «Пролетар», «Демократ», «Ал-Кас». Все они

направлены против антинародной, контрреволюционной деятельности меньшевиков, эсеров, дашнаков, мусаватов и их иностранных покровителей, против националистической желтой прессы и буржуазной идеологии. В статье «Что они празднуют» (1918) публицист Акопян убедительно доказывает, что от противников Советской власти народы Закавказья получили «вместо хлеба — голод, вместо мира — новую войну, новую мобилизацию, вместо свободы — разгромы в Гяндже, Шамхоре, Дзегаме, в Александровском саду (Тифлис. — *Ред.*)... аресты и ссылки товарищей большевиков, вместо созидательного труда — анархию, вместо революционного порядка — страх и террор...». Это была реальная действительность — трагический результат деятельности местных правителей и их иностранных опекунов в лице мирового империализма. По их вине в так называемых «независимых республиках» — Грузии, Азербайджане, Армении — был установлен кровавый режим гнета и насилия. «Кто виноват? В чем секрет? Кто этот шайтан, который навлек столько бед?» — спрашивает Акопян и отвечает: «Этот шайтан — тот самый опекун трех республик, который и натравливает друг на друга эти три народа... Шайтан в одежде Мефистофеля, того самого жестокого, коварного, хитрого Мефистофеля, имя которого — *империализм*» («Шайтан в одежде Мефистофеля», 1920). Публицист-большевик гневно разоблачает всех «сердобольных фарисеев», которые пугали народы тем, что Советская власть якобы угрожает национальной независимости: «Полятика Советской власти — это вовсе не политика завоеваний... Ее миссия — *историческая и священная*... Она не только хочет, чтобы трудовые массы России стали хозяйном своей судьбы, но и стремится увлечь на этот путь все угнетенные нации Востока и Запада» («Беспочвенный страх», 1920). Акопян подвергает уничтожающей критике шовинизм и национализм, авантюризм и антисоветизм меньшевиков, дашнаков, мусаватов и предупреждает их: «Знаете, господа, что Советская власть, правительство Ленина — это ныне тот сказочный *младенец-великан*, который ждет рождения других своих братьев... Как бы вы ни старались помешать ему в ввести в заблуждение массы, вам это не удастся. Ваши старания напрасны — шагает младенец-великан...» («Ваши старания напрасны», 1920). Публицист полностью убеждает своих читателей в том, что единственный путь свободы и независимости народов Закавказья — победа Советской власти («Единственный выход», 1920).

Публицистика Акопяна служила боевым оружием в борьбе против всякого рода врагов Октябрьской революции, за установление Советской власти в Закавказье. И когда последовательно в Азербайджане (28 апреля 1920), Армении (29 ноября 1920) и Грузии

(28 февраля 1921) была установлена Советская власть, Акопян включился в строительство новой жизни и новой духовной культуры.

С победой Великой Октябрьской революции коренные сдвиги совершились в творческой жизни передовых писателей, в том числе армянских — Ов. Туманяна, И. Иоаннисяна, А. Ширванзаде, Ав. Исаакяна, Ваана Тотовенца (1894—1937), Нар-Доса и других. Появились революционные стихи замечательного поэта-лирика, коммуниста, видного советского государственного деятеля Ваана Терьяна (1885—1920). Верным солдатом и пламенным певцом революции стал величайший армянский поэт советской эпохи Егише Чаренц (1898—1937). Звучали голоса талантливых молодых поэтов и писателей — Азата Вштуни (1894—1958), Дереника Демирчяна (1877—1956), Стефана Зорьяна (1889—1957), Аксела Бакунца (1899—1937), Наири Зарьяна (1900—1969), Гегама Сарьяна (1902—1976), Вагаршака Норенца (1903—1973), Ваграма Алазана (1909—1966), Гургена Маарри (1903—1969), Арменака Сармена (род. 1901), Амаяка Сираса (род. 1902), Согомона Таронци (1905—1971), Мкртича Армена (1906—1972) и других. Их совместными усилиями была создана армянская советская литература, в первых рядах которой стояли пролетарские писатели Мовсез Арази (1878—1963), Мадат Петросян (1866—1944), Ан. Варданян, возглавляемые Акопом Акопяном.

Акопян метко сказал о себе в одном из стихотворений цикла «Большевизм» (1932):

На каждой маевке листовка я
Красными буквами — на, прочти!

Да, я из старых большевиков.
Из старых — да новые дни пою!

Всегда чуткий к запросам эпохи, всегда неразрывно связанный с современностью и народными массами, Акопян с удивительной энергией включился в борьбу за строительство социализма и социалистической культуры. Он был членом городского Ревкома и комиссаром банков Тифлиса (1921), организатором и первым председателем ассоциации армянских пролетарских писателей Грузии и редактором ее печатного органа — журнала «Дарбноц» («Кузница», 1922), с 1925 года — участником всех конференций и совещаний Всесоюзной, Грузинской, Армянской ассоциаций пролетарских писателей, членом Международного бюро революционной литературы (1925—1932), членом правления Закавказской ассоциации пролетарских писателей (с 1928) и Союза писателей СССР (1934). По болезни он не

участвовал в Первом Всесоюзном съезде советских писателей, но по предложению Максима Горького был единогласно избран членом Правления Союза писателей СССР. Он был одним из тех писателей, у которых «гражданственность советского художника проявляется прежде всего в характере его произведений, в пафосе, идейной направленности его творчества, утверждающего идеалы гуманизма, социальной справедливости, принципы коммунистической нравственности. Именно гражданственность определяет главное в творческом облике, линии поведения художника. . .».¹ Именно такой яркой гражданственностью отличаются стихотворения Акопяна советского периода, сгруппированные им позднее в разделы «Красная галерея», «Песни коммунара», «Из мелодии моей красной родины», «Из элегии труда», а также его поэмы.

Первое яркое доказательство этого — цикл «Красная галерея», которому присущи идейная острота, политическая насыщенность, искренность и эмоциональность. В него вошло стихотворение «В. И. Ленин» — первенец этого цикла, — написанное в 1919 году. В это время, как известно, вооруженные до зубов империалистические интервенты и внутренние контрреволюционные силы пытались задушить молодую Советскую власть, восстановить свергнутые революцией порядки. Поэт особо подчеркивает неиссякаемую веру Ленина — «гения, борца, вождя» — в окончательную победу, в гибель «врагов свободы»:

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречен,
Уже прочтен твой смертный приговор».

Без пышных эпитетов и трескучих фраз, в ясных и душевных, глубоко сердечных строках поэт славит гениального вождя народных масс, полководца революции, пламенного борца за реальную свободу, мудрого и любимого друга человечества. Это стихотворение по праву заняло место в богатой, многоязычной и многожанровой литературной ленинине, у истоков которой стояли основоположники литературы социалистического реализма — М. Горький и В. Маяковский и в которую вошли поэмы и баллады Егише Чаренца — «Баллада о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог» (1924), «Дядя Ленин» (1924), «Ленин и Али» (1924), «Стена коммунаров в Париже» (1925). В 1924 году Акопян создал яркое, образное стихотво-

¹ «Правда», 1979, 23 декабря.

рение «Ленин бессмертен». Однако его первое стихотворение о Ленине имеет историческое значение: оно положило начало армянской поэтической лениниане и было известно самому Владимиру Ильичу. Профессор Гурген Овнан, который в начале 1930 года в Москве готовил сборник «Поэты мира о Ленине» и встретился для консультации с Н. К. Крупской, рассказывает, что, познакомившись с материалами сборника, Надежда Константиновна сказала: «Стихотворение Акопа Акопяна «Перед портретом Ленина»¹ известно мне, Ленину — также. Машинописный экземпляр этого стихотворения А. В. Луначарский в день пятидесятилетия Ленина дал Владимиру Ильичу и сказал: один армянский поэт прислал и просил передать вам. Но, как мне помнится, перевод был другой. Анатолий Васильевич прочитал его, возможно поэтому хорошо прозвучало. Помню, что оно произвело сильное впечатление».²

Второе стихотворение Акопяна из раздела «Красная галерея» называется «Степану Шаумяну» (1919). В этом глубоко эмоциональном и политически насыщенном стихотворении перед читателем встает обаятельный образ выдающегося революционера-ленинца, стойкого бойца и светлого человека.

Лазурное небо полуденных стран
Синело в глазах у тебя, Шаумян,
А сердце твое, как седой океан,
Не ведало дна, Шаумян.

Не колокол мерный, зовущий во храм, —
Твой голос подобен был грозным громам.
Он гордо звучал, призывая к боям,
Он нес вдохновение нам.

Свежестью образов и сравнений отличается стихотворение «Их было двадцать шесть» (1920) — героический революционный гимн, посвященный бакинским комиссарам — членам Бакинского Совнаркома, предательски расстрелянным английскими интервентами и эсерами 20 сентября 1918 года в закаспийских степях Туркмении.

В «Красной галерее» опубликованы также стихи «Миха Цхакая» (1921), «Смерть коммунара» (1921), «Камо» (1922), «Геворг Атарбекян» (1925), «Памяти героев майского восстания» (1933), «Серго Орджоникидзе» (1935) и другие. В них автор стремился запечатлеть героические черты знаменитых революционеров-большевиков, их исто-

¹ Стихотворение под этим заглавием вошло в сборник «Поэты мира о Ленине», вышедший в Москве в 1934 г., с. 68.

² «Советакан Айастан» («Советская Армения»), 1969, 11 апреля.

рическую деятельность, человеческий характер, духовную красоту, принципиальность, революционную нравственность. Не все эти стихотворения художественно равноценны; но «Красная галерея» в целом является несомненным достижением поэта.

Поэт прославляет героев революции, всех тех, кто «в нашем славном веке» отдал и готов отдать свои силы, умения и жизнь «делу правды и свободы — праведному делу» («Вы счастливы, что живете...», 1920). Он клеймит позором врагов революции и Советской власти, в том числе армянских дашнаков («Дашнак пал», 1920), азербайджанских мусаватистов («Мусавату», 1920), грузинских меньшевиков («Одалиска и дева», 1920).

Пафос освобожденного труда и строительства новой жизни, гармоническое сочетание высокой гражданственности и эмоциональности, свежесть выразительных средств — вот основные отличительные черты поэзии Аюпяна послеоктябрьского периода. В этом смысле прежде всего выделяется стихотворение «Красною весной» (1920) — глубокое по содержанию иносказание.

Жить? ..
Жить только красною весной,
Когда становятся рекой
Потоки с гор,
Когда лугов цветной ковер
Прельщает взор.
Жить только красною весной!

Бороться? ..
Бороться красною весной,
Когда грохочет грозный гром
При блеске молнии шальной...
Через преграды, напролом —
Прекрасной, красною весной!

Умереть? ..
Да, но лишь красною весной,
Когда, стремителен, широк,
Весенний паводок с дорог
Старье уносит навсегда
И от былого нет следа.

Аюпян — один из первых поэтов нашей страны, кто воспел чувство любви к многонациональной Советской родине, тот новый по характеру и содержанию патриотизм, который родился вместе

с Октябрем и развивался, углублялся, укреплялся с развитием социалистического общества. Ростки этого патриотизма мы видим уже в стихотворении «Обетованной земле» (1921). Здесь поэт в искренних, душевных строках убеждает, что «два титана революции» — «Петроград наш красный и славная Москва».

Они нам ныне отданы
Для жизни трудовой.
Они нам будут родиной,
Великою семьей.

В этой великой братской семье, где стала реальной жизнью вековая мечта человечества о свободной, счастливой «земле обетованной», Акопян видит социальное и национальное возрождение, успехи и достижения всех народов Советской родины, в том числе Закавказья.

Пробудился Кавказ, сбросил бремя веков!
И, в нарядном уборе своем,
Блещет Грузия золотом новых плодов
Под горячим полдненным лучом.

В хлопок бело-жемчужный, пушистый, как дым,
Нарядился седой Аястан,
И Баку огненным янтарем нефтяным
Украшает союз наших стран.

(«Пробуждение», 1925)

Величавыми гимнами свободному созидательному труду являются патриотические стихи («Баку», «Гянджа», 1925; «Растем», «На Дзорагэсе», 1930; «Рионгэс», 1932; «Ереван», 1933; «К пятидесятилетию Советской Грузии», 1936; «Солнце и труд», 1935 и другие) и особенно поэмы «Боги заговорили» (1922), «Ширканал-большевик» (1924), «Волховстрой» (1925), «Ленинградская поэма» (1928—1932), «Город» (1912—1931), «Тифлис» (1933), «Красная Астхик» (1934). Героем поэмы «Боги заговорили» выступают массы, совершившие великую революцию и создающие новый мир. Они прошли долгий путь страданий и борьбы, установили в стране власть Советов:

И пафос начался восстановленья.
Могучий гений
Того, кто шел по фронтовым дорогам
Сквозь пламя битв,
Теперь, пылая творческим волнепьем,
Жизнь новую творит.

Этот строитель новой жизни, по образному сравнению поэта, «обрел крылья» и, «отныне ставший богом», творит чудеса:

Ждите, будет миг, ждите, будет час —
Это вам поэт предрекает, боги, —
Будет светлый день, и, крылатых, вас
К звездам поведут новые дороги.
Победили вы голод, жар и зной,
Дали вы толчок к счастью мировому,
Повелите вы — и тогда земной
Повернется шар по пути другому.
Будет на земле, я уверен, так:
Вы янтарный жар выжмете из солнца,
Где царите вы, там бессилен мрак, —
Светом новых солнц вся земля зальется!
Станет ни один вам не страшен враг...

Этой светлой верой исполнены и все другие поэмы А. Акопяна. В статье «Мечта стала действительностью (Ответ на анкету Иностранной комиссии оргкомитета Союза советских писателей)», 12 февраля 1934 года поэт писал: «Обстановка социалистической стройки раскрыла передо мной широкие перспективы... Социалистическая стройка открыла широкие горизонты для творчества, для фантазии...»¹ Об этих стройках и написаны поэмы Акопяна «Ширканал-большевик», «Волховстрой» и другие, в которых «раскрыта красота освобожденного социалистического труда...»²

Ширакский канал (1922—1925) был первой в Армении крупной новостройкой, имеющей жизненно важное значение на пути национального и социального возрождения армянского народа. Строительство канала вызвало бурный всенародный энтузиазм, была создана так называемая «ширканальская поэзия» — народные песни, стихи и поэмы Н. Зарьяна, Г. Сарьяна, Г. Маари, Сармена и других. Лучшей страницей этой поэзии явилась поэма Акопяна «Ширканал-большевик», рассказавшая об осуществлении гениального ленинского завета коммунистами Кавказа: «Орошение больше всего нужно и больше всего переоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».³ Строительство Ширакского канала

¹ А коп А ко п я н, Соч. в одном томе, с. 344.

² «История армянской советской литературы», с. 95.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, с. 200.

поэт рассматривает как великое деяние большевистской партии, слияние мыслей и чувств партии и народа:

О, Ширканал! Он — большевик,
Из мудрой сказки великан! ..
.. Поют селенья о воде,
О радостных ее делах.
Слух пробегает по траве,
Взбегает на вершины скал:
«К нам — большевик Армении —
Уже подходит Ширканал».

Народные предания говорят о том, что у источников воды веками сидели алчные вишапы (драконы), поглощавшие живительную влагу, заставлявшие землю и человека испытывать жажду, а добрые сказочные герои боролись против этих вишапов, совершали подвиги, освобождали воду и считались лучшими сыновьями народа, который в свою очередь заставлял цвести сухую землю, умел выжать хлеб из камня. Большевик в поэме Акопяна — это тот самый «из мудрой сказки великан», добрый и храбрый герой, кто навсегда уничтожил вишапов и освободил воду, которая пришла, чтобы осуществились вековые мечты, заветные желания трудового народа, чтобы безмолвные пустыни превратились в «густые сады и цветники», чтобы зажглись в темных ущельях лучи света, «как звезды в сказочной ночи». Успешно сочетая мотивы национальных преданий с рассказом о новой действительности, используя «своеобразную «монологическую» форму, восходящую к пламенной ораторской речи»,¹ Акопян в этой лиро-эпической поэме создал реальную картину строительства, показал энтузиазм строителей и историческое значение новостройки:

О, Ширканал! Он — большевик.
Ту степь сухую, что гола,
Убога и разорена
И солнцем выжжена была,
Нарядит, как невесту, он
В зеленый бархат, в белый шелк,
Он даст ей серебро росы
И золото жужжащих пчел.

Пафосом преобразования исполнена также поэма Акопяна «Волховстрой». В начале 1925 года автор побывал в Ленинграде, посетил строительство Волховской гидроэлектростанции, беседовал со строи-

¹ См.: Акоп Салахян, вступительная статья к кн.: Акоп Акопян, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта», М. с., 1961, с. 48.

телями, изучал историю новостройки, знакомился с ходом текущих работ. В поэме нарисована живая панорама строительства Волховстроя — одного из первых шагов к осуществлению великих предначертаний В. И. Ленина. Известные слова Ленина из доклада на VIII Всероссийском съезде Советов: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»*¹ — легли в основу идейного содержания поэмы.

Поэма «Волховстрой» овеяна высоким чувством советского патриотизма, проникнута уверенностью в том, что социалистические стройки в разных уголках нашей великой страны принадлежат «всем народам, что живут у нас в республике Труда». В ответе на анкету Иностранной комиссии оргкомитета Союза советских писателей в 1934 году Акопян писал: «Обстановка социалистической стройки дает мне прежде всего бесконечное счастье, волнующую радость, творческое вдохновение, каких до Октябрьской революции я не мог испытывать. . . Бесконечную радость я испытываю еще потому, что социалистическая стройка меняет быт и психологию трудящихся нашей Советской Родины, приближает нас к бесклассовому обществу, к социализму, к коммунизму, то есть к осуществлению всего того, о чем я мечтал и за что боролся почти полвека. . .»² Еще до этого ответа те же радостные, волнующие чувства, те же мысли об историческом значении социалистического преобразования страны Акопян поэтически выразил в поэме «Волховстрой»:

А сколько Волховстроев нам еще воздвигнуть предстоит?
Ведь это первый опыт наш, а путь в грядущее — открыт.
Мосты, плотины, корпуса создаст повсюду вольный труд,
Как золотые пояса, огни отчизну обовьют.
По всей стране десятки солнц сверкнут коронами лучей,
Развеив прошлого туман, уныние былых ночей.
Что наш вчерашний день? Нужда, насилие, ссылка и тюрьма.
Многострадальные сердца окутывала злая тьма.
Сегодня — светел новый мир, сегодня — радости заря
Встает над нами в ранний час, свое сияние даря.

Уже в процессе работы над «Волховстроем» Акопян задумал большую драматическую поэму о жизни, труде и борьбе народов нашей страны с дооктябрьских до советских лет. Почти до конца жизни он собирал материалы и написал сотни страниц этой новой поэмы. Однако опубликовал лишь отдельные фрагменты под общим заглавием «Ленинградская поэма». Остальные отрывки были напе-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, с. 159.

² Акоп Акопян, Соч. в одном томе, с. 344.

чатаны после смерти поэта в академическом издании его произведений. Опубликованные автором фрагменты «Исаакий» (1928), «Петропавловская крепость», «Зимний дворец», «Путиловец» (1929); «В ту ночь» (1932), «Ленинград» (1930) являются законченными, самостоятельными произведениями о памятниках истории русского народа, о его героической борьбе против царского самодержавия, об исторической победе Великой Октябрьской революции. В частности, «Ленинград» — это искреннее, волнующее, идущее от всего сердца слово о славном городе, вдохновенный гимн колыбели Октября и бессмертному вождю победившей революции:

О Ленинград! Люблю тебя, я твой восторженный поэт,
И восхищенью моему, моей любви предела нет.
Тебя люблю я не за то, что ты роскошен и богат, —
Люблю за то, что ты велик и носишь имя — Ленинград;
...Люблю за то, что у тебя на титаническом челе
Рассказ о доблестных делах, дотоль неведомых земле,
Векам на память начертал рабочий класс...

Поэт ставил себе целью широко отобразить и настоящее советских людей, их подвиги в строительстве новой жизни, о которой он сказал: «Чудо! Сказка! Восторг!». Однако поэма осталась незавершенной, и лишь в ее черновиках обрисовывались трудовые будни, подвиги и достижения строителей социализма.

О трудной жизни и подпольной борьбе двух братьев — рабочих-революционеров рассказывает поэма «Город» (1931), во второй части которой эти активные участники борьбы за установление Советской власти с законной гордостью говорят о государстве рабочих и крестьян:

Где народов рознь? Вражда соседей?
Нет ее! Могуч советский строй!
Всей страной стремимся мы к победе,
Движимые волею одной.

Сжатой и яркой художественной летописью является поэма «Тифлис» (1933), где на фоне революционной борьбы пролетариата Закавказья поэт рисует основные этапы своей общественной, революционной и литературной деятельности. Поэма «Красная Астхик» (1934) посвящена духовно-нравственному возрождению вчерашней неграмотной крестьянки, ставшей в советской стране равноправным членом общества, знатным инженером-ученым.

Значительную часть творчества Акопяна составляет его проза, до сих пор малоизвестная русскому читателю. Его лирические рас-

сказы «Свобода» (1916), «Первая любовь» (1932) и другие, очерки «Боржом и его предприятия» (1923), «Беглые заметки» (1924), «Из дневника путешественника» (1927), «Размышления коммуниста» (1928), «Поэзия чисел» (1929), «Днепрострой», «Дзорагэс» (1930), написанные художественной прозой мемуары («Из воспоминаний агитатора», 1927) до сих пор сохраняют свое эстетическое и познавательно-воспитательное значение. Для них характерны свойственные Акопяну революционный дух, пламенная гражданственность, идейно-политическая направленность. В армянской революционно-мемуарной литературе достойное место занимают его рассказы-воспоминания о Степане Шаумяне («Организовались», «Власть»), Сурене Спандаряне («Спандарян-редактор»), Камо («Тепличный огурец»), Михе Цхакая («102-я статья, или Письмо Михи»), о революционной борьбе многонационального пролетариата («Кошмар», «Прерванная речь») и другие. Писателю удалось образно рассказать о революционной борьбе рабочего класса Кавказа под руководством большевистской партии и создать незабываемые портреты Ст. Шаумяна, С. Спандаряна, М. Цхакая, легендарного Камо и других революционеров-большевиков.

Но Акопян — прежде всего поэт, пламенный певец труда и борьбы революционного пролетариата и освобожденного труда строителей социалистического общества. Именно как поэт он обогатил армянскую литературу первыми образцами литературы социалистического реализма. Поэту-трибуну не были чужды и так называемые «вечные мотивы» — любовь, природа, личные переживания, интимные чувства, философские размышления о жизни, смерти и т. п. Он создал глубокие лирические, любовные и пейзажные стихотворения («Твоя любовь», 1925; «Красною весной», 1920; «Сверчок», 1920, и др.), четверостишия («Большее ушло...», 1936, и другие). Вот небольшое стихотворение, в котором «душевная, светлая грусть поэта растворена в природе, пейзаж написан точно и тонко»: ¹

Поет сверчок в дупле глухом,
Спадает зной в саду ночном.
Цветок с цветком, трава с травой
Беседуют между собой
Под голосок сверчка ночной.

(«Сверчок», 1920)

¹ Л. Мкртчян, «Я и сейчас в большевистском строю...». — В кн.: А. Акопян, Мой мир, М., 1974, с. 13.

«Поэт гордых высот», по выражению А. Суркова, Акопян первым в годы Советской власти удостоился почетного звания народного поэта Армении и Грузии (1923), что явилось признанием его больших заслуг и достойной оценкой его революционной и литературной деятельности. «Акопян жил и творил для пролетариата, и победивший пролетариат всегда будет любить своего выдающегося певца. Его песни долго будут служить борющимся поколениям, так как это призывные, воодушевляющие звуки боевой трубы». ¹ Конечно, не все произведения Акопяна, рожденные в революционных боях, равноценны в художественном отношении, однако лучшая часть его наследия навсегда вошла в сокровищницу духовной культуры армянского народа. Его песни, стихи, поэмы переведены на многие языки народов Советского Союза, а также на французский, немецкий, венгерский и другие. В одном из своих стихотворений поэт сказал о себе: «Я и сейчас в большевистском строю». И сейчас его поэзия остается в боевом строю и живет с новым поколением. Об этом прекрасно сказано в стихотворении С. Городецкого «Акопу Акопяну»:

Земля запуталась в окопах,
Земля костями проросла.
Но песня мудрого Акопа
К пути счастливому звала.

...Свершилось всё, о чем звучала
Она в старинные года,
И в годы нашего начала
Она всё так же молода.

Лети же дальше, песнь Акопа!
Туда, где ждет врагов удар,
Где рвется рабская Европа
К свободе! Бари чанапар! ²

Кроме С. Городецкого стихи, посвященные А. Акопяну, создали поэты Азат Вштуни, Ваграм Алазан, Гурген Маари, Сандро Эули, Ованес Шираз, Наталья Кузьмина и другие. В разные годы его оценили крупные мастера Р. Роллан, Л. Арагон, А. Толстой и А. Фадеев, Н. Тихонов и П. Тычина, И. Гришашвили и М. Ибрагимов, К. Симонов и М. Танк, Ав. Исаакян, Д. Демирчян и другие.

¹ Аветик Исаакян, Собр. соч. в 4-х тт., т. 4, с. 136 (на арм. яз.).

² В добрый путь! (арм., написано в армянской транскрипции). — *Ред.*

В увековечение памяти поэта-революционера его именем были названы улицы, школы, библиотеки, колхозы в Армении, Грузии, Азербайджане. В Мурманской флотилии плавает теплоход «Акоп Акопян». В рабочем Ленинском районе Еревана установлен бюст поэта, для которого рабочий всегда был «соратником по борьбе, любимым братом». В год шестидесятилетия Великого Октября в административном центре Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР Степанакерте установлен памятник-барельеф в честь поэта-земляка, пламенного певца и борца революции.

Акоп Акопян считал целью своей деятельности и творчества служение священному делу рабочего класса, большевистской партии и, по его же словам, «воспитанию поколения в коммунистическом духе». Этой великой цели он отдал всю свою сознательную жизнь, весь свой талант и весь жар своего сердца гражданина, революционера и поэта.

С. А. Манукян

СТИХОТВОРЕНИЯ

**1. ЕСЛИ ТЫ БЕДЕН — ЛИШЕН ГОЛОСА,
А ЕСЛИ БОГАТ — КУМИР ЗНАТНЫХ**

Ах, горе горькое тому
И грош цена его уму,
Кто бедняком на свет рожден:
Пред богачом ничтожен он. . .

Богач — как важен он на вид,
Мешок, что золотом набит,
Хоть голова трухи полна —
Монет полна его мошна.

Он толстосум — и оттого
В чести у князя самого,
Хотя осла от лошака
Не отличит наверняка.

Ну а бедняк — он не таков,
Он и умен, он и толков, —
Да толку что! — ум и душа
Не стоят нынче ни гроша. . .

Январь 1886

2. В ВЕЗЕНИИ ЛИ ДЕЛО?

Ты человек, я тоже человек,
Тебе и мне отпущен некий век,
У нас обоих — так уж создал бог —
По паре глаз, по паре рук и ног.

Но почему же весел ты всегда?
Тебя не гнут забота и беда.
Ко мне они спешат со всех сторон,
В груди моей рождая тяжкий стон.

Пусть яствами полны твои столы,
Тесны подвалы, сундуки малы, —
Но почему маячит предо мной
Голодной смерти облик роковой?

Но почему же праздный твой карман
Одною алчной страстью обуян:
Пред золотом он раскрывает пасть —
Чтоб золоту к другому не попасть.

А я тружусь так рьяно, что течет
Кровавый пот со лба, кровавый пот. . .
Однако же. . . не каждый день совсем,
А только изредка лук с хлебом ем.

Но почему, ловя твои слова,
В которых мысль-то теплится едва,
С почтением все внемлют каждый миг
И смысл высокий вкладывают в них?

Но если я о чем-нибудь скажу,
То слушателей я не нахожу:
Хвалю, хую, но голос мой подчас —
Как вопиющего в пустыне глас. . .

Всегда снимают шапку пред тобой,
Отвешивают все поклон земной,
Сажая во главу стола скорей,
Меня же — редко, редко — у дверей. . .

Земля тверда... Но только отчего ж
Меня в смертельную бросает дрожь?
На все вопросы кто мне даст ответ?..
На все — ответ один лишь: звон монет...

17 ноября 1887

3. ОБЕТ ДРУЖБЫ

Розу с твоего чела сорву я,
Чтоб на много лет
Этой розой, вместо поцелуя,
Свой скрепить обет.

Воодушевлен дыханьем розы,
Помня о тебе,
Стану осушать страдальцам слезы,
Выстою в борьбе.

Пусть питает вечно роза милой
Мужество борца,
Чтоб готовность к подвигу хранило
Сердце до конца.

О, позволь сорвать мне розу эту
С твоего чела,
Чтобы силы моему обету
Роза придала.

28 февраля 1889

4. ПОСЛЕ БУРИ

Когда, испытующий взор напрягая,
Гляжу на усталые эти черты
И вижу улыбку твою, дорогая,
В померкшем сиянье былой красоты;

Когда, затаенной наполнены болью,
С усиьем глаза твои вдруг заблестят
И, словно земной утомившись юдолью,
Опять угасает задумчивый взгляд —

Затишье, сменившее гул непогоды,
Лучей отраженье в осенней волне
И кроткой улыбкой согретые воды
Невольно тогда вспоминаются мне,

Как будто в твоём затуманенном взоре,
Который до дна всколыхнула любовь,
Я вижу грозой потрясенное море,
Под солнцем закатным притихшее вновь.

17 октября 1894

5. СОБАКА КУРДА

(ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Когда зима бушует за окном,
Я годы детства вижу, как во сне.
Вот бабушка, нагнувшись над чулком,
Рассказывает тихо сказку мне.
Блестящий снег, взлетая на ветру,
Пушинками ложится по земле.
Дворовый пес, забившись в конуру,
Дивится хлопьев белой мгле.
Вот я дремлю, разлегшись у курси,
Пригревшись на подушке пуховой.
И полог снов таинственных висит
Над детскою моею головой.
Вдруг встрепенусь — на бабушку взглянуть,
На всплески острых спиц в ее руках,
И снова в одеяло прячу грудь.
Мне хорошо. Меня покинул страх.
Я знаю: бабушка тут надо мной
Сидит, не отходя, с своим чулком.
Все будто слышится мне сказ ее родной.
Пускай зима бушует за окном!

Внезапно со двора зловещий крик
Мне слышится, на крик совы похож.
То тише, то сильней. Опять притих.
И к сердцу моему крадется дрожь.
А-а, это — я догадываюсь — кот
С своим соседом вышел на войну,

Когтями острыми скребет и ждет:
С забора, думает, его швырну.
«Бабуся! — я кричу. — Чей это вой?
Кто там ползет? Кто к нам прокрался в дом?»
— «Спи, мой малютка! Голову укрой!
То курдишулин со своим щенком» —
Так бабушка ласковый ответ дает,
Чтоб я ей не мешал вязать чулок.
Но, разозлившись, серенький наш кот
Опять врага на битву поволок.
Он затевает новый жаркий бой
И воеет всё протяжней и страшней.
И этот исступленный хищный вой
Вскипает ужасом в душе моей.
«Бабуся! Курдишулина боюсь!
Вот схватит! Вот уж на груди висит!
Сжимает горло мне и руку рвет мою!
И тащит из-под теплого курси!»
— «Молчи, малютка! Ну, довольно слез!
Я тут сижу с тобою, у огня!
Не то и вправду прибежит к нам пес!»
И сердце замирает у меня.
И видит бабушка — лицо мое бледно.
«Ах, видно, глаз его настиг дурной!»
Молитву надо мной читает шепотком,
Крестами частыми мне голову крестя,
И, скорчившись от ужаса комком,
В ее объятьях замираю я.

Пора невинной юности прошла.
Промчались вереницами года.
Но курдишулина зловещий лай
Я всё ж не забываю никогда.

18 ноября 1894

6. ПАМЯТИ ДРУГА

Акопу Манасяну

Цветы любимых наших гор, где запестрел весенний луг,
К могиле свежей я принес тебе, многострадальный друг!
Да ляжет на печальный холм благоухающий букет —

Цветы и песни сплетены в единый дружеский привет.
Завянут нежные цветы, когда им смерти срок придет,
Но память о тебе, мой друг, вовеки в сердце не умрет,

23 мая 1895

7. КАРТИНКИ

1

Был Каро в богатом доме
Сторожем не первый год...
Охранял он днем ворота,
По ночам — парадный ход...
Он от снега и от ветра
День и ночь дрожал, бедняк,
Хоть тулупом с головою
Укрывался кое-как...
На чужбине, на чужбине
Пострашней ветров тоска...
На чужбине, на чужбине
Сон пропал, а явь горька...
И пока хозяин в спальне
Сладко спал, нырнув во тьму,
И сокровища являлись
В сновидениях ему —
Трясса сторож вьюжной ночью,
Зимний ветер завывал...
...Вспоминал Каро-скиталец,
К богу с горечью взывал:
«Господи! — шептал, — доколе
Мне страдать в чужом краю?
Возвратиться суждено ли
Мне на родину свою?..»

2

Всё вздыхал скиталец бедный,
Что нарушил свой обет...
С той поры, как дал он слово,
Миновало столько лет!..
Дал он слово нареченной,
Что вернется точно в срок,

Очень скоро! .. Но, к несчастью,
Он сдержать его не смог. . .
На чужой земле российской
Он мечтал разбогатеть. . .
Но под грузом непосильным
Можно ль что-нибудь хотеть? . .
Грузчик стал мечтать под ношей
Дни и ночи напролет,
Как Маро — не кучу денег! —
Горстку малую пошлет. . .
Но напрасны все старанья. . .
Дни тянулись чередой,
Под тюками и вьюками,
Осененные бедой. . .
Так и не освободился
Он от вьючного седла —
Как однажды весть лихая
Долетела из села:
Что Маро, его невесту,
Курдский бек забрал в гарем. . .
Можно ль выдержать такое?
Не утетишь тут ничем! . .
Вьючное седло — на шею,
Завершив с судьбой игру,
Тут же бросился несчастный
В сумасшедшую Куру. . .

Середина 1895

8

Соловей простонал, прорыдал, а потом
Вдруг распелся, ликуя, —
И на дремлющей розе раскрылся бутон
Будто для поцелуя.

И ручей, задыхаясь от спешки, бежал
Сквозь жару и ненастье. . .
Вдруг увидел цветы и к груди их прижал,
Задыхаясь от счастья.

Хлынул дождь, освежил, ободрил, напоил
Лист измученный каждый,

Пела славу земля, снова полная сил,
Утолению жажды.

Лишь певец одинокий грустил оттого,
Что всё черным казалось,
Что любимая к песне любовной его
Безразличной осталась. . .

Середина 1895

9. ЧЕСТЬ И ТРУД

Я был еще дитя, когда
Отец, согбенный от труда,
Учил меня, что в мире есть
Одно святое слово — *честь*.

Когда я книги стал читать,
Однажды мне сказала мать,
Что путь мой в жизни будет крут,
Что должен полюбить я *труд*.

Я в школе пробыл мало лет —
Для бедняка там места нет. . .
И по велению отца
Стал подмастерьем кузнеца.

С тех пор мой тяжкий молот бьет,
И жжет чело горячий пот,
И дни тяжелые идут,
Но всё я помню: *честь и труд*,
Честь и труд!

1 октября 1895

10—12. ЭСКИЗЫ

1

Словно зарница от дальних гроз,
Сверкала ты над моей юдолью,
Но влаги желанной не пролилось
На сердце мое, сожженное болью. . .

Ах, то была ты, что в миг слепоты
Крепость души удесятерила!
Сердцу опорой стала ты,
Веру, надежду и свет мечты
Мне подарила,
О муза моя! Ах, то была ты!..

О небо, если б я мог стряхнуть
Гору, давящую мне на грудь!
Мне бы вздохнуть —
И выдохнуть мощно души моей пламя,
Являя его пред всеми вами!
Тогда бы и смерть мне была что прах,
Тогда бы и страх перед ней не мучил,
И, горы кипящих страстей поправ,
Я шел бы спокойно к ней, неминучей.

Март 1896

13. ПЕСНЯ

Я на рассвете юных дней
Запел однажды о любви.
Та песня родилась в крови,
Тоска и боль звучали в ней... .

Но ты молчала. Не пришлось
Душе услышать отзыв твой.
Лишь эхо гор отозвалось
И полетело над землей.

Ах, этот отзвук будет жить
В моей груди до склона дней.
Соединила эта нить
Меня с отчизною моей.

13 мая 1896

В непроглядности дней, в безотрадности лет
 Что воспел, чем народу помог ты, поэт?
 Ты сирот ограждал ли от горя и бед,
 Одарял ли, богач, их горстями монет?

В безотрадности лет, глядя в скорбную тьму,
 Вы, святые отцы, помогли ли кому?
 Скольких беженцев вы приютили в дому?
 Положили ли путнику хлеба в суму?

Миновала весна, и вернулась весна,
 Чинят ласточки гнезда с утра дотемна.
 Каждый цели достиг — достижима она!
 Жаждой жизни живой вся природа полна.

Но повесил на грудь себе камень певец,
 Возмущенную лиру молчанью обрек. . .
 И сундук свой тяжелый захлопнул скупец:
 Что стенают сироты — ему невдомек. . .
 Запершись в своей келье, духовный отец
 В бесконечной ленивой дремоте залег. . .

*20 февраля, 15 июля 1896
 Тифлис*

15. БЕЖЕНЦЫ

Мы по камням чужой земли,
 Скитаясь, к вам сюда пришли.
 В горах ущелья прорывая,
 Брели без троп в недобрый час.
 Без отчего оставшись края,
 Армяне-братья, ждем от вас
 Защиты, хлеба и приюта, —
 Где испытаниям предел?!
 Жизнь с нами обошлась так круто,
 Дав нам гонения в удел,
 Смерть, и отчаянье, и муки. . .
 На раны дайте нам бальзам!
 С детьми и женами в разлуке
 В надежде руки тянем к вам:

Как ждем от вас мы утешенья
В наш черный, непроглядный час! ..
Безлюдье и опустошенье
Царят в Армении у нас...
И дом и родину утратив,
Мы молим: помогите, братья,
На нашем горестном пути
Вновь родину нам обрести... .

1896

16. ТЕТУШКА САПЕТ

(Быль)

Я этот случай помню с детства,
Как будто вижу сад и двор:
С отцовским домом по соседству
Садовник жил — Булды-Ягор.

Жена его слыла бой-бабой,
Верхом скакала, как джигит,
Была и доброю и храброй,
За бедняка горой стоит.

... Ягор охотиться собрался:
«А ну, подай ружье, Сапет!»
— «Ружье? Ты что — с цепи сорвался?! —
Жена кричит ему в ответ. —

Теперь и днем-то беспокойно,
А тут уж вечер, глушь и тьма,
Шалит в округе люд разбойный... .
Какой храбрец! Сошел с ума!

Сидел бы дома да за садом
Глядел бы! Надоела жизнь?
Ему добычи, дичи надо!
Ты лучше сразу в гроб ложись!»

Но он сдаваться не намерен:
«Я, мол, потачки ей не дам».
Оседлан колченогий мерин —
И едет наш Ягор в Агдам.

«Ах, так! — Сапет кричит Ягору. —
Смотри, охотник храбрый мой!
Хоть срежу волосы, а скоро
Ни с чем вернешься ты домой!»

Сказала — и, схватив лопату,
Покамест не взошла луна,
К садам, где днем-то темновато,
Задворками бежит она.

Там, за бугром у поворота,
Она в тени укрылась, ждет:
«Устрою муженьку охоту!»
А муж подъехал — знай поет.

Сапет, наставивши на мужа
Своей лопаты черенок,
Кричит: «Бросай коня, оружие,
Не то сейчас спущу курок!»

Игру хитро играла, с толком —
Мужской гремит разбойный крик.
Ягор и лошадь и двустволку
Бросает, удирает вмиг.

Сапет двустволку подбирает,
Садится быстро на конька,
Задворками опережает
Напуганного муженька

И дома ждет спокойно, тихо.
Ягор приплелся сам не свой.
«Где дичь твоя? Ой, горе, лихо!
Ты весь дрожишь! Да что с тобой?»

«Сапет, совсем не время шуткам! ..
Дай мне войти сначала в дом.
Чуть не лишился я рассудка.
Потом поговорим, потом...»

«Нет, нет, сейчас!»
— «Ну, окружили
Всей шайкой... звери-мужики!

Кричат: «Ружье и лошадь — или
Мы выпустим тебе кишки!»

Ах, душегубы-людоеды!
Я весь избит. . . ах, как страшны!
Да, правду говорили деды:
Иной раз слушайся жены!»

1896

17. МОЕМУ РУБЕНЧИКУ

Дитя, ты — цветок, небесный букет,
Целуют тебя, ты лаской согрет.
Все дышат тобой, зовут «дорогой». . .
Неужто такой ты счастлив судьбой?

Тебя обниму — и жизнь хороша,
И горю конец, ликует душа,
Я нежно «бай-бай» пою над тобой. . .
Неужто такой ты счастлив судьбой?

А мать до утра над сыном сидит,
Не спит и глядит, себя не щадит,
На плач, на каприз твердит: «Дорогой». . .
Неужто такой ты счастлив судьбой?

Как детство твое беспечно всегда!
А бархат руки — не знает труда,
Твой лобик блестит под сонной росой.
Спокойной такой ты счастлив судьбой?

Нет, миленький, нет, не вечны они —
Безбурные дни, беспечные дни:
Наступит пора тревог и забот,
И солнце свою улыбку сотрет.

Когда подрастешь, мой милый малыш,
И делом большим чело озаришь,
И люди вокруг, отчизну любя,
Потомкам в пример поставят тебя —
Тогда пред тобой склоню я главу,
Счастливым тебя тогда назову!

1897

Мне думы сердце тяжелят,
 Меня оставьте хоть на час.
 Веселой песне буду рад —
 Такую спеть бы мне хоть раз.
 А боль кричит, а вздох глубок
 В израненной моей груди.
 Тоска, хотя б на малый срок
 Свои удары прекрати.
 Мне муки сердце тяжелят,
 Меня оставьте хоть на час.
 Веселой песне буду рад —
 Такую спеть бы мне хоть раз.
 Хотя б мгновенье отдохнуть,
 Хотя б на миг тоску сломить,
 Чтоб с верой продолжать свой путь,
 Чтоб жизнь ценить, чтоб жизнь любить.

23 марта 1898

19. СЕЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Бохар завывает, Бохар изнывает,
 Не ест и не спит.
 Ишь морду задрал! Душу всю надрывает.
 Чего он скулит?
 Казалось, земля изнутри разорвется,
 А либо сойдет
 Антихрист, и, гибель почуя, весь мир содрогнется,
 И всё пропадет...
 Скулил он по-старчески, долго и глухо,
 Мучительно выл,
 Отчаянно, невыносимо для слуха,
 И сердце томил.
 И в ужасе люди тряслись — суеверных
 Немало у нас.
 Да всё это было еще в беспросветный,
 Полуночный час.
 И дяде Огану не спится... Во мраке
 Страх душу объял.
 Ох, что там во тьме?.. Как не верить собаке...
 Не смерти ль оскал?

«Хатун, — говорит он, — дурная примета!
Всё знать ты должна:
Конец мне... Собака сживает со света...
Бедняжка жена!
Коль пес, мол, заплачет —
Учил нас отец —
Хозяину, значит,
Подходит конец».
Бохар завывает, Бохар изнывает,
Всё бродит как тень.
В тяжелом раздумье Огана встречает
Проснувшийся день.
Однажды несчастный остался в постели —
И больше не встал.
И вскоре Оган — не прошло и недели —
Дышать перестал.
Потом, на рассвете, из дома убогий
Гроб вынес народ...
И вправду принес огорчения много
Постылый тот год!

25 мая 1898

20—21. ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

1

Вокруг пахнуло вновь весной,
О счастье вспоминаем мы,
И вновь душа поет струной,
Освобожденной от зимы.

Будь гостьей мне, краса-весна!
Мне сердца боль не побороть.
Так, может, ты вдохнешь сполна
Жизнь в истомившуюся плоть!

2

Щебечешь, ласточка моя,
И о весне вещаешь ты.
Полна простая песнь твоя
Невинности и красоты.

Ты день-деньской в трудах снуешь,
Ты обновляешь домик свой,
Птенцов ты кормишь и поешь
О том, как хорошо весной.

А я, гляди, уж сколько лет,
Судьбу невзрачную кляня,
Пою без усталы, но нет
Весенней розы для меня.

Уютный кров найтн себе
Мне так и не дал грубый мир,
И в грозной жизненной борьбе
Я подневолен, мал и сир.

Так что за мысль меня томит,
Когда я слышу щебет твой,
А праздник жизни тяготит
Мой дух, как холод гробовой? . .

1898

22. ПЕРЧУ ПРОШАЮ

ДАР В ЧЕСТЬ Сорокалетнего юбилея

Не виденье в воздухе возникло:
знаю, это — ты,
Образ твой, великий наш учитель,
вновь передо мной —
На кулак оперся подбородок,
так добры черты. . .
Вниз глядишь и ласково и кротко,
как отец родной:
Первый твой воспитанник, любимый,
там, в кругу друзей,
Свой сорокалетний отмечает
славный юбилей —
Романиста старого сердечно
хвалит молодежь. . .
Вдруг какой-то теплый голос слышу —
словно ветра дрожь,
Словно отдаленное журчанье
в зарослях реки:

«Ты похвал, воспитанник, достоин —
новые ростки
Ты лелеял. . . Я тебя сегодня
рад благословить,
Потому что ты мои заветы
смог осуществить
И тропой, намеченною мною,
проходил ты, смел. . .»
Голос стих — но голубем в эфире
светлый дух летел.
В лоб ученика поцеловал он,
вспыхнул и погас. . .
Знаю, это мне не показалось:
вижу сквозь туман —
Не забыл прийти на этот праздник
Агаси создатель, Абовян,
Сорок лет Соса и Вардитера
рад он был отметить в этот час!

1898

23. СТРАХИ КРЕСТЬЯНИНА

Кружа над кровлею худой,
С какою новою бедой
Ко мне опять ты прилетел,
Несчастий вестник, ворон злой?

Что день — тревогу сердце бьет:
За горем горя пахарь ждет.
Твое мне карканье всегда
Беду несет:

Подует ветер — сохнет сад.
На небе туча — ливень? Град?
Или несется саранча?
Повсюду беды сторожат.

Кружа над кровлею худой,
С какою новою бедой
Ко мне опять ты прилетел,
Несчастий вестник, ворон злой?

18 июня 1899

24. ТВОЕ ГОРЕ ОБЛЕГЧУ

Матушка моя ласкова была,
Никому она не желала зла,
Просыпаясь и отходя ко сну,
За меня молилась, как день светла.

Если заболею я иногда,
Если приключится со мной беда,
Нежно и заботливо спросит мать:
«Что с тобой, сынок? Где болит, бала?»

От обид тебя я уберегу,
Горю твоему, милый, помогу!»
Был я слишком мал и не мог понять,
Что от бед меня охраняла мать.

Детства моего светлая пора,
Матушка моя так была добра!
Но меня сберечь не смогла от бед —
Сиротой оставила в цвете лет.

27 июля 1899

25. ВЕЛИКО НАШЕ ГОРЕ

Велико наше горе, печаль беспредельна.
Подойди, и поделим их, страждущий брат!
Мы не трусы, к тому же и плакать бесцельно —
Перед нами другие дороги лежат.
Станем рядом, тверды, как гранитные скалы,
Нет! Бояться не нам разразившихся гроз!
Вся душа у народа вконец исстрадалась —
Только пользы ни разу нам плач не принес.
Велико наше горе, печаль бесконечна...
Так поделим их, брат, — и задышится легче.

Много горького терпит народ наш любимый —
Примем горе народное в сердце свое.
У народа и нас скорбь да будет едина,
И единой слезой оросим мы ее.
Нашей лире народную вверим заботу —
Пусть отважно добро отделяет от зла,

Чтобы смолк от той песни отчаянья ропот,
Чтоб душа горемыки воспрянуть могла,
Чтобы счастьем народная жизнь озарилась,
Чтобы сердце народа для битв укрепилось,
Чтобы песня в народе надежду зажгла!

Наше сердце широко, душа терпелива,
Словно губка набухшая, горя полна.
Что же! Выдержим всё, переждем молчаливо,
Перетерпим — иные придут времена.
А сегодня у сердца иные волненья:
Жизнь кипит, призывают большие труды.
Возникают и скорого ждут разрешенья
Роковые вопросы насущной нужды.
Брат, настроим скорей нашу честную лиру,
Чтобы каждая песня, как пламенем, жгла!

С этой песней пройдем мы по скорбному миру,
Чтоб душа горемыки воспрянуть могла,
Чтобы счастьем народная жизнь озарилась,
Чтобы сердце народа для битв укрепилось,
Чтобы нам устоять под ударами зла!

1899

26. РОДНИК СЛЕЗ

Здесь некогда светлый родник протекал,
Прозрачный, прохладный, шумливый.
С веселою песнею с каменных скал
Сбегал он на тучные нивы.

Задумчиво женщины шли из села
За чистой, хрустальной водою.
Кувшин наполняя, кого-то ждала
Красавица с пышной косою.

Стада приходили на водопой.
Сады меж оград расцветали —
Поил их родник живою водой,
И птицы в садах щебетали.

Шло время и ткало года и века,
И черное время настало —
Замкнулись навеки уста родника,
И песни веселой не стало. . .

По капле, как слезы вдовы молодой,
Вода из утеса сочится.
Умолкли кувшины. Привычной тропой
Пастух к роднику не стремится.

Забилось, как некогда звался утес,
Нет славы былой и в помине.
Зовется в народе «Источником слез»
Родник, иссыхающий ныне.

1 марта 1902

27. ДРУГУ ДЕТЕЙ

ПОДАРОК Г. АГАЯНУ К СОРОКАЛЕТИЮ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пламенно любя родное слово,
К знанию тяготeya с малых лет,
Нам под сенью дуба векового
Довелось познать ученья свет.

Детям став советчицей и другом,
Речь родная, воспевала ты
Труд отца, идущего за плугом,
И любимой матери черты.

Речь родная сыновей вскормила,
Бережно взлелеяла, как мать.
Годы шли, и молодая сила
Возмужала, смело в мир вступила,
Выросла борцов отважных рать.

. . . Вижу дуб иной, могучий, статный.
Лоб, венком обвитый, узнаю.
«Дети, — говорит нам голос внятнй, —
Помните родную речь свою!»

25 мая 1902

28. ЗОВ НАРОДА

Поэт, ты слышишь ли, поэт,
Народа вопль, его рыдания?
Неси во мрак надежды свет,
Скажи, что кончатся страдания!

Не надо слез — уже по край
Полны сердца тоской и мукой.
Нет, не голубь и не ласкай,
Не утешай нас, не баюкай!

Бичуй невыносимый гнет
И, полон страсти неуемной,
Греми грозой, зови вперед,
Будь молнией средь ночи темной!

Поэт, ты слышишь ли, поэт, —
Спой песню о великой цели!
Да будет песнь твоя как свет,
Что проникает в подземелье!

1902

29. ВСЯКИЙ РАЗ

Всякий раз, как встречается мне на дороге
Потерявший надежду страдалец убогий,
Искалеченный жизнью безумец несчастный,
Что бредет стороной, ко всему безучастный, —
Всякий раз, захлебнувшись от скорби и муки,
Подойти я хочу, протянуть к нему руки,
Обласкать, тихим словом любви, сострадания
Облегчить его боль, пробудить в нем сознание.
Опаленное жалостью сердце живое
Из груди своей вырвать хочу для него я,
«Бедный брат мой, — сказать, — не побрезгуй, возьми!
Да падет твое горе на плечи мои!»
Я хочу, чтоб тоской затуманенный разум
Прояснился, излив свои беды рассказом!

«Скорбный брат мой, — хочу у бедняги спросить, —
Кто решился с любимой тебя разлучить?»
Но боюсь, отогрев охладелую душу,
Безмятежность ее понапрасну нарушу;
От глубокого сна пробудив ее, снова
Возвращу ее к ужасам пережитого,
Отравлю, содрогнуться заставлю вторично
От превратностей доли ее горемычной
И, как знать, растревожив давнишнюю рану,
Еще худших страданий виновником стану?!
Всякий раз, как встречается мне на дороге
Стороною бредущий страдалец убогий,
Молчаливый, затравленный, всеми гонимый, —
С тяжким чувством иду я, взволнованный, мимо.
Опаленное жалостью сердце живое
Из груди своей вырвать хочу для него я,
«Бедный брат мой, — сказать, — не побрезгуй,
возьми!
Да падет твое горе на плечи мои!»

1902

30. ЗВЕЗДЫ

На одиноком гребне скал
Один я в тишине лежал.
И в небе первый звездный свет
Еще был слаб и мал.

Но вот звезда уже чуть-чуть
Поярче пробует блеснуть
И, наливаясь серебром,
Свой начинает путь.

В молчание погружена,
Великим замыслом полна,
Неукоснительно вперед
Свой бег стремится она.

Внезапно тучи злая мгла
В пути звезду подстерегла.

Но та, преодолевши мрак,
По-прежнему светла.

И вот — за первую звездой,
С ее лучистой бороздой,
Другие звезды потекли
Послушной чередой.

В ночного неба океан
Уходит звездный караван.
И каждой из идущих звезд
Как будто факел дан.

«О звезды! В сумраке ночном
Чего вы ищете с огнем?
Какую тайну скрыли вы
В молчании своем?»

И звезды мне ответ дают:
«Сияем для того мы тут,
Чтоб люди истину нашли, —
Они ее найдут».

1903

31. ЧИ-ЧИ¹

Ничтожный, ростом с ноготок,
На ветку влез жучок.
Откуда взялся он на свет —
Никто б сказать не мог.

Но он высокомерен был
И возомнил, что смел,
И, чтоб узнал о нем весь мир,
Бедняга захотел.

¹ Ч и - ч и — жучок, который, по народному поверью, вершит весь день, а к вечеру падает замертво.

А тут рассыпал соловей
Рулады и ключи,
И, лапкой расчесав усы,
Надулся наш чи-чи.

Решил он, завистью томим,
Поспорить с соловьем
И всей природе заявить
О торжестве своем.

«Чи-чи, чи-чи, — едва дыша,
Кричал он соловью, —
Чи-чи, чи-чи, — пусть слышат все,
Как лихо я пою! . . .»

И накричался за день так
Завистливый жучок,
Что лопнул к вечеру. И вот
Валяется у ног.

1903

32. БАБУШКА САНДУХТ

Чуть свет уж бабушка Сандухт
Торопит деда: «Ну-ка, дед,
Беги на рынок во весь дух,
Муки ни горсти в доме нет!»

Поднялся охая старик,
Стянул потуже ремешок
И, взяв заплатанный мешок,
Побрел на рынок напрямик.

Мука на выбор там. И вот
Домой плетется старина.
С морщинок лба стекает пот,
Вспотела под мешком спина.

Муку старуха сыплет в таз:
Соль, дрожжи, не забыть чего. . .

И, тесто вымесив, на глаз
Дробит, чтобы испечь его.

Собрала хворост, угольком
Огонь в тонеуре разожгла.
А старичок знай чубуком
Попыхивает из угла.

К тонеуру близко примостясь,
Прикрыла бабка щеки, лоб
И по два кома теста враз
С размаху к стенкам шлеп да шлеп.

Но изменила вдруг рука. . .
Ну как помочь такому злу!
Два пухлых золотых комка,
Отлипнув, падают в золу.

«Ослепнет пусть Маян-Ази! —
Старуха на весь двор орет. —
Сегодня, гром ее срази,
В пекарне печь был мой черед!

Хлеб превратился в угольки,
Сгорел в золе, совсем пропал!
И всё из-за плохой муки,
Ты, дед, хорошую проспал.

Пускай обрежут косы мне, —
Что за муку ты в дом принес?
Хлеб гибнет по твоей вине.
То не мука — ячмень, овес!»

Кто это, господи спаси,
Не во время стучится в дом?
Заходит пономарь Моси,
Хурджин расшитый за плечом:

«Хвала небесному царю!
Я прямо к вам из церкви, мать.
Дай хлебушка пономарю,
Пошли господь вам благодать».

Вздыхает бабка, — день хлопот!
И в церковь не смогла пойти.
«Хоть этим душеньку спаси!» —
И лучший хлеб в хурджин кладет.

1903

33. НАЧАЛО ВЕСНЫ

Всюду снег...
Под его голубой пеленой
Ждут весеннего солнца уснувшие зерна...
Всё бело...
Лишь кусты и деревья порой
Над сугробами тенью вздымаются черной.

Всюду снег...
Но весна уже бродит вдали
И тревожит дремоту спокойного снега.
Почернеют поля,
И сквозь поры земли
Просочится блестящая зелень побегов.

И всё ближе весна.
Всё теплей и теплей...
И в бессмертной надежде и рвенье высоком
Корни в землю уходят глубоко,
Чтоб в ней
Напиться живительным, сладостным соком.

Пестрых красок игрою сверкает весна!
Стал багряным гранат,
И миндаль стал зеленым.
И цветы и деревья, очнувшись от сна,
Торжествуют весною, подобно влюбленным.

И для нас этот радостный день настает —
Новых сил и весенних надежд пробужденье.
Мы отпраздновать рады, весна, твой приход:
Ты для нас
Вечно новый исток вдохновенья.

1904

34. ЧУЖОЙ И СВОЙ

Любопытный, по базару
Побродив, у лавки стал.
На очаг подбавив жару,
Там серебряник ковал.

Там под молотом упругим
Извивалось серебро,
Горько плакало в испуге
И ложилось на ребро.

Любопытный к новой лавке
Подошел — к другим дверям.
Над металлом легкоплавким
Ювелир трудился там.

И под молотом железным,
Плача, золото тряслось,
Горе стоном бесполезным
К любопытному неслось.

И прошел он дальше к кузне,
Громкий молот там ковал,
Но кусок железа грузный
Горячо протестовал.

И под взмахами тугими,
Под тяжелым молотком
Молниями огневыми
В гневе сыпал он кругом.

«Что же это, братец, значит? —
Любопытный так спросил. —
Серебро, я видел, плачет,
Выбивается из сил.

Ныло золото, как резал
Златомастер грудь ему.
Ты же, сильное железо,
Негодуюшь. Почему?

Ты грубее, ты чернее,
Та же в кузнице жара.

Разве боль твоя сильнее,
Чем у злата-серебра?»

«Я словам твоим правдивым
Дам ответ свой подобру!
Мне больнее, чем плаксивым
Золоту и серебру! —

Так железо отвечает. —
Ведь у них удел иной!
Их чужой металл терзает,
А меня — мой брат родной!»

Гражданин честной, заметьте:
Нет больнее ничего,
Чем когда на этом свете
Свой ударит своего!

1904

35. ЭСКИЗЫ

1

Гордый сокол парил над землей
И кружил в поднебесье над кручей.
Гром и молния вышли на бой,
И надвинулись темные тучи.
Понял сокол, что схватка близка,
Но опасность его не смутила.
Он отважно взлетел в облака,
Презирая враждебную силу.
Молния полоснула кривая,
И встра загудели над ним,
И, последние силы теряя,
На скалу он упал, недвижим.

2

Розе, сорванной в полдень с куста,
Показалось, что очарованье
Сохраняет ее красота
И не кончится благоуханье.
Нет предела для жизни, сейчас,

Может быть, только счастья начало:
Слез и страсти пленительный час
И любви, о которой мечтала.
Но, прекрасным мечтам вопреки,
Продержавшиеся до заката,
Опадали ее лепестки. . .
Ветер с пылью унес их куда-то.

3

Истомившись во мраке, поэт
В ночь с пылающим факелом вышел.
Погасили враги его свет,
Налетев, как летучие мыши.
«Не привыкли мы к свету!» — кричат. . .
Но бесстрашно он взял свою лиру —
Скорби голос гремел, как набат,
Как проклятье враждебному миру.
И, родившийся в горе, в мученье,
Гневной силой дышал его стих.
В этой песне нашло отраженье
Столько бед и страданий людских! . .

1904

36

Блажен, чей дух высокий не убили
С младенчества лишенья и нужда,
Тот, для кого вся роскошь изобилья
Была обременительно чужда.

Блажен, хранящий словно росчерк горя
Рубцы и шрамы в сердца глубине,
Их заработавший в смертельном споре,
В жестокой схватке, в яростном огне.

Борьба с насильем — в ней исток движенья,
В ней смысл мое находит бытие. . .
О жертвы схваток, знайте — лишь в сраженье,
В борьбе найдете счастье вы свое! . .

1904

37. КОЧЕГАР

Дрожа, как разъяренный лев,
Котел кипит, рычит, клокочет;
Огонь дрожит, осатанев,
И горн, как гром в аду, грохочет.

И перед горном кочегар
Стоит, в жару изнемогая,
В котле поддерживает пар,
Глаз с водомера не спуская.

Он жаром дышит круглый год —
Прохлады не подарит небо,
И за тяжелый труд и пот
Ему наградой — корка хлеба.

Котел взорвется в черный час,
И кочегар умрет безмолвно.
Блажен, кто жизнь свою отдаст,
Чтоб с угнетенных сбить оковы.

1904

38. НОВЫЙ ГОД

Сейчас на курантах целой страны
Двенадцать пробьет.
Последний удар, удар роковой —
И прожитый год
Уйдет без следа и в бездне времен
Навек пропадет.
И с мест повскакав, бокалы подняв,
Все крикнут: «Итак,
Настал Новый год! Приветствую вас!
Желаю всех благ!»
Потоп поцелуев, общий восторг,
И всякому всяк
И счастья сулит,
И взор веселит. . .
Рояли звучат, каблуки стучат,
Радость у всех.

Пошутишь — тебе пошутят в ответ
 Под песни и смех.
И думаю я про этих людей,
 Что возле меня,
Целуясь, кричат о братской любви,
 Год старый гоня:
«Ведь завтра забудете вы слова
 Этого дня!
Ведь в прошлом году в такой же вот день,
 Средь тех же людей
За будущий год — он прошлый сейчас —
 Ничуть не хмельней
Вы пили, вставая
 И тост возглашая
 В честь будущих дней.
Но выпит бокал, и праздник увял,
 И маска снята,
И в этот же час воспрянула в вас
 Души чернота.
Корыстью, спесью, алчностью и мезью
 Вскипела кровь,
Забыты лобзанья и обещанья,
 Прощай, любовь!
Напрасно поете, напрасно ждете,
 Что Новый год
Вам, криводушным, злобным и скучным,
 Счастье несет! . . .»

1904

39. ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Товарищ, бей, ударь плеча!
 Ударь со всею силой,
Чтоб сталь, светла и горяча,
 Согрела мрак унылый.

Чтоб не напрасно пот бежал,
 Рождая крепость стали,
Чтоб день над тьмою ночи встал,
 Чтоб искры солнцем стали!

Ударь, товарищ, крепче бей!
Смотри: уходят беды —
Навек уходит тьма ночей,
Куется день победы!

29 мая 1905

40. РАБОЧИЙ ОН И — ВЛАСТЕЛИН

Спины не разгибает он в цеху весь день-деньской,
Где не смолкает шум машин и паровых котлов.
Неустрасим и терпелив он в битве трудовой,
И смело с песней на борьбу он выступить готов.
В дыму и саже у станка он проливает пот
И в песнях прославляет то, что гордо сознает:

В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин.

Пуская жизни колесо уверенной рукой,
И в стужу и в жару трудясь, рабочий убежден:
Основы жизни положил он и никто другой!
Тому, что создано трудом, придал все формы он!
Станки умолкли б, если б он не приложил труда,
Остановился б жизни пульс и замер навсегда.

В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин.

Бросают крохи богачи ему за тяжкий труд.
Все блага, созданные им, другим принадлежат.
На вечный голод обречен, раздет он и разут,
А тот, кто обобрал его, и весел и богат,
Пирует, в роскоши живет... Но, долго голодав,
Сегодня пасынок труда решил добиться прав.

В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

Оковы рабства проклял он и вековечный гнет,
Эксплуататорам труда суровый даст отпор,
Он поднял знамя, молот взял и двинулся вперед.

Чтобы свалить прогнивший строй, на битву он идет.
Все те, что пили кровь его, от страха задрожат.
Буржуазию сокрушит он, пролетариат. . .

В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

Величественный час настал — рабочий класс готов
Восстать, стереть с лица земли тиранов, палачей
И, став хозяином труда и всех его плодов,
Судить жестокого царя и свору богачей.
«Кто не работает — не ест!» — под лозунгом таким
Он вышел в бой за новый мир, и он непобедим.

В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

Июнь 1905

41. ЕЩЕ УДАР

Рабочие, сегодня — в бой!
В борьбе пожертвуем собой!
Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

Царь убивал и вешал нас.
Пришел его последний час.
Но, если пошатнулся трон,
Тиран еще не сокрушен.

Царь о пощаде молит нас?
Не стать бы жертвой нам сейчас!
Теперь, когда борьбы разгар,
Еще удар, еще удар.

Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

17 октября 1905

Wish to be...

to, the summer. Further north,
wish to be to the north north
with north north north north,
my impression is to be...

... in the north.
... the north north north
... the north north north north.
... the north north north north:

Wish to be to the north,
my impression is to be...
Wish to be to the north,
Wish to be to the north north
with north north north north
my impression is to be...

17 June.
1905

Wish to be

42. МОЙ МИР

О горы, величавые, немые,
Как вы свободный дух мой ни влекли,
Как ни сверкают шапки снеговые —
Мне не уйти от матери-земли.
Пусть я мечтал орлом парить в высотах
С белеющей вершиной наравне —
Мир скорби, мир страданий и заботы,
Мой мир земной вовек не бросить мне.
Мне место здесь, где горе и невзгоды,
Где человек, тоскуя, ждет исхода.

Зов дальних звезд мой дух влюбленно
слушал...

Прозрачная, хрустальная краса,
Как ни манишь мечтательную душу —
Она не унесется в небеса.
Я связан навсегда с моим народом,
Земная боль мою пронзает грудь,
Меня зовут: поэт, воспой свободу,
Товарищем и другом нашим будь!
Не надо мне заоблачного рая,
Тебя, моя земля, я выбираю.

Приятно в выси неба подниматься
И горькой жизни нужды забывать,
В серебряных лучах луны купаться
И золотые звезды воспевать.
Приятно, да... Но беспощадно, грозно
Велит земля, дает народ наказ:
Спускайся к нам, приди, пока не поздно!
Ты должен жить для нас и петь для нас!
Небесный мир твой ничего не стоит,
Пока народ земного не построит!

Спускаюсь я, чтоб жизнь отдать земле,
Спускаюсь, чтоб принять земные раны.
С тобой, народ мой, стонущий во мгле,
Гореть в борьбе и песни петь я стану.
Моя душа — одно с твоей душой,
Другого нету у меня пути,
Твоей дорогой трудною, большою,
Путем тернистым должен я идти.

Как ни чаруют голубые дали,
Есть близкий мир — мир скорби и труда,
Страдания его моими стали,
Ему я отдал сердце навсегда.
Я там, где горе и нужда народа,
Где человек, тоскуя, ждет исхода.

1905

43. РЕВОЛЮЦИЯ

Товарищ! Видал ли ты бурю на море?
Вот с пеною в пасти, как злые пантеры,
Могучие волны взлетают на шхеры,
Ревут и сшибаются, яростно споря,
И рассыпаются,
Как песок.

А после волна беззаботной улыбкой
Приветствует солнце, и небо, и свежесть,
Воркует, как флейта, смеется, как скрипка,
Вздыхает, как девушка, нежась
У ног.

Товарищ! Слышал ли ты грома раскаты?
Вот в небе пальба и слепящие взрывы,
И дикие молнии нетерпеливо
Мечами вонзаются в черные латы
Туч.

Мгновенье — и хлынул ликующий ливень,
Гроза умирает в стенаньях и реве,
И вот уже мир, голубой и счастливый,
И вот уж вплетается в кудри деревьев
Сияющий луч.

Товарищ! Слышал ли ты вопль роженицы?
Когда, извиваясь и корчась на ложе,
Стенает она, как сраженная львица,
Стенает и хочет сдержать, но не может
Неистовый крик.

Но муки проходят своей чередою, —
Вот вскрикнул впервые ребенок румяный,
И, полная счастья и негой покоя,
Мать встретила радостный миг.

Так было, товарищ мой, в час революции:
Два моря столкнулись, и буря взыграла.
Две силы столкнулись — и вот они бьются.
И молнии света стучатся в забрало
Тьмы.

Но вот отгремели и бури и грозы,
Нам ливень очистил небесные своды,
И в муках родился, и весел и розов,
Могучий ребенок — Свобода! Свобода! —
На прахе разбитой тюрьмы!

Товарищ, запомни, победа — в движенье.
Свобода — дитя. Революция — мать.
Товарищ, клянись же в борьбе и в сраженье
Грудью,
Грудью ее защищать!

1905

44. ДВА СОПЕРНИКА

Раздался с рассветом их голос окрест,
Как вызов, как тысячеустый протест.
То звали заводы, на полном ходу,
Рабочих к труду.
Гудки нефтепромыслов звали к труду,
Со сном не в ладу...

Гудки постепенно сдавались, робели,
Один за другим покидали свой хор.
И только лишь два всё гудели, гудели,
Как будто навечно затеяли спор.

Один был охрипший, чахоточный голос,
Сочувствие слышалось в нем и печаль.
Другой — так, что небо над ним расколосось,
По-львиному грозно и властно рычал.

Один говорил: «Мой товарищ, рабочий,
Не выспался ты, но спеши на завод,
Я тоже под гнетом тружусь дни и ночи.
И кровь мою тоже хозяин сосет! . . .»

Другой — кичливый и грубый — как будто
Не звал, а грозил: «Собирайся живей!
Попробуешь мне опоздать на минуту —
Оставишь без хлеба жену и детей!»

От холода лица людей посинели,
И утро над городом гасит звезду,
И синие блузы бегут по панели,
Краюху под мышку заткнув на ходу. . .

И первый закончил упрямо и смело:
«Эй, будьте готовы! Тот день не далек,
Когда призовет нас к великому делу
Тревожный и радостный третий гудок!»

1905

45

Я вам говорю: близко время, когда
Рабочий, повсюду бесправный сегодня,
Сам станет хозяином гордым труда
И жизнь его будет светла и свободна.

И люди не будут у злобы во власти,
Исчезнут бесследно коварные страсти,
Себя устыдится надменное «я»,
В едином порыве сольются друзья.

С владыки червонца корону сорвут,
Врагом человек человеку не будет,
Свободный и честный прославится труд,
Народов семья свои распри забудет.

Я вам говорю: недалек этот час,
И пусть он вам кажется ныне мечтою —
Его наш рабочий добьется, борясь. . .
Вот гордая дума борца и героя!

1905

46. БУРЖУЯМ

Итак, проносятся ночи и дни. . .
А вы, погрязшие в тине,
Презренным червям и гадам сродни,
Болотом стали отныне.

Вам кажется, будто вокруг аромат,
Что амброю всё объято.
А это гнусный медленный яд
Безделия и разврата.

И разлагается ваша душа.
Но скоро грянет возмездье!
Вы копошитесь, отравой дыша,
Не чуя великой вести.

Народу великая воля нужна,
Народ расправляет плечи.
Глядите: встает вековая нужда,
Стокрылою силою плещет!

И вам этой силы ничем не сдержать.
Придется ответ пред грядущим держать.

1905

47. ГРЕЗА

Из света соткана была
Душа в вуали алой,
И дымкой алою плыла,
И руки простирала. . .
В одной держала меч, в другой
Цепей сжимала звенья:
Летели искры над землей
И молний озаренья. . .
В эфире легче, чем туман,
Богиня та летела
И — «Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь!» — пела. . .

1906

48. ДАР ДЕВИЦЕ АЗ

Когда в лице твоём ума и простодушья
Сквозит живая смесь,
Я голос внутренний с волненьем жадным слушаю
И замираю весь.
Когда в глаза твои, наивные, глубокие,
Красавица, гляжу —
Стремленья чистые и помыслы высокие
В себе я нахожу.

Поникшему цветку и птице обессиленной
Жизнь возвратив сполна,
Блеснет полдневный луч. А ночью туч извилины
Осеребрят луна.
И у меня в душе избыток сил появится,
Когда в заветный час
Ты озаришь ее задумчиво, красавица,
Сияньем светлых глаз.

1906

49. ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

В первый день весны, в ясный, теплый день
Ты, рабочий люд, не сиди в домах!
Пусть плывет в луга да в ущелий тень
Вольной песни звук, звонкой песни взмах.

Гром победных слов, отзвук песни той
Пусть в сердцах врагов поселяет страх,
Чтобы царь забыл навсегда покой,
Чтоб объяла дрожь богачей в дворцах.

На заводах пусть умолкает шум —
В этот майский день пусть затихнет он.
Ныне праздник наш — взлет созревших дум!
Пусть хозяева свой утратят сон!

1906

50. УМЕРЛИ, НО НЕ ПРОПАЛИ

Какие герои — товарищи пали,
Умерли, но не пропали! . .
Гневный огонь полыхал в глазах,
Молния билась в устах.
В океане толпы говорили везде
О горе и о нужде.
Гнев и отмщение сердца полонили,
Они на трибуны всходили —
Жертвенниками высоты трибун,
Облитые кровью, стали. . .
И вот я кричу вам, кто честен и юн:
Какие товарищи пали!

Утром вели их в тюремный двор.
Но слышно: ближайшей ночью,
Готовясь к казни, без усталости точит
Палач свой суровый топор.
Проклятий не слышно. Герои идут,
Упрямые, стиснув зубы.
И перед помостом, раскрашенным грубо,
Вино возрождения пьют
И гимн Революции гордой поют! . .
Их победили? Едва ли! . .
Какие герои — товарищи пали! . .

Эй вы, бессмертной свободы бойцы,
Вы, кто свободой жили!
Вы стены заводов и улиц торцы
Кровью своей оросили. . .
Найдите, что нынче бушуют юнцы
Там, где вы первыми были.
Вам славу поет молодежь и растет,
Бессмертием вашим клянется,
Что так же, как вы, она честно идет
За истину нашу бороться,
Помня, что вы за нее воевали! . .
Вы пали! . .
Но не пропали! . .

1906

51. ПРОЛЕТАРИАТУ

Предвестник утра среди темной ночи,
Ты на борьбу повел — ты подал знак,
Поднявшись из низов, где вечный мрак,
Ты начал Революцию, рабочий!

Ты жизни колесо вертел века,
И забастовки понял ты значенье:
Едва опустится твоя рука,
Приходит всё вокруг в оцепененье.
Пред силою твоей дрожал не раз
 Богач в тревожный час. . .
Хвала твоей руке, рабочий класс!

Воочью увидав, как ты силен,
Тебя сразить решил кровавый Молох.
Ты поднялся на бой и, разъярен,
Ценой глубоких ран и мук тяжелых
Основы мира старого потряс
 Борьбой восставших масс.
Тебе хвала и честь, рабочий класс!

Сквозь голод, гнет, сквозь душный каземат,
Где мужество тебе не изменило,
Соратник по борьбе, любимый брат,
К победе ты придешь, как сквозь горнило,
И наше Завтра славлю я сейчас. . .
 Грядущее за нас!
Так верь и побеждай, рабочий класс!

1906

52. ПРИВЕТ ТЕБЕ, СОЛНЦЕ!

Смотрите — за этой горбатой горой
Уже подымается ясный рассвет.
Веселое солнце еще не взошло,
Но розы немеркнувшей жизни цветут. . .
Свершается таинство нового дня —
Над миром пылает прекрасный пожар.
Шагает с востока по скату небес
Веселый и юный властитель земли.

Он счастлив и бодрого полон огня,
Восторгом и свежестью дышит лицо.
Свободно и дерзко раскинув лучи,
Вперед устремляется светлый гигант,
На мир он бросает пылающий взгляд.
Он гордо стоит у горбатой горы,
Которая молча склонилась пред ним
И не разгибает сутулой спины.
Гора неподвижна, угрюма, черна,
И вот она словно сжимается в ком.
А солнце, спокойно поднявшись над ней,
Уже развернуло свой пламенный стяг.
Мне чудится солнца могучий призыв,
Мне кажется, радостный этот сигнал
Вселенную будит и к счастью зовет.
Встречая рождение нового дня,
Вселенная вся, просыпаясь, поет:
 «Привет тебе, солнце,
 Владыка земли!
 Привет тебе, день!»

1907

53

И снова я встаю. . .
Я, опаленный яростью страданий,
Я, закаленный пламенем восстаний,
Опять в бою.
Я обращаюсь к тем,
Кто был в тюрьме и в ссылке,
К друзьям своим, к соратникам своим,
Кто, как и я, в борьбе неколебим,
Кто, как и я,
Объят мечтою пылкой.
Есть сила на земле,
Что рано или поздно
Сметет насилье
Всюду
И навек.
Оковы тьмы

ԳՐՈՒԵՍԱՐՆԵՐ ԲՈՂՈՐ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ՄԻԱԾԷՔԻ

ԿՐՈՒԵՏԵՐ

ՅԵՂԱՓՈՒԱԿԱՆ

ԵՐԳԵՐ



Հրատարակողն Անգրիկականան
:Իջանային կոմիտեի Ռ. Ս. Դեմ Յ. Կ.

Вот этой силой грозной
Испепелит
Рабочий человек.
Той силе нет конца, предела, меры.
Ее накал невиданно велик.
Ее душа и знамя — большевик.
Ее победа — вот мой символ веры!
Рабочий класс, что в бой ведет народы,
Добьется Правды,
Света и Свободы.
Всей силой
Сердца моего
Я верю в это торжество.

1907

54. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Товарищи! Скорей вливайтесь
В поток стремительный людской!
Чем можете вооружайтесь —
Зубилом, молотом, киркой!

Ломайте старые ограды,
И мостовые, и столбы
И воздвигайте баррикады,
Чтоб укрепиться для борьбы.

И, как не раз уже бывало,
Когда, как туча, хлынет враг,
Над баррикадой по сигналу
Взовется наш багряный флаг.

Врага отбросим мы, едины
И славою озарены.
Заплатят дорого враги нам
За всех убитых без вины.

Кто храбр — на улицу, в сраженье!
Ты победишь, восставший труд!
Тебе свободу и спасенье
Лишь баррикады принесут.

Товарищи! Скорей вливайтесь
В поток стремительный людской!
Чем можете вооружайтесь! —
Враг перед нами! Близок бой!

1907

55

Мне во сне приснился луг зеленый,
Вешний небосвод над ним высок.
Я же — малый мотылек влюбленный —
Всё с цветка летаю на цветок.

Верьте, сон подобный правомочен
Для поэта — этот странный сон. . .
Как цветок, душой он непорочен,
И душой с цветами дружен он. . .

1907

56. БРАТУ РАБОЧЕМУ

Брат рабочий, ты и я —
Тяжкой доли сыновья.
Знал и я плохие дни,
Горести у нас одни.
Я нуждался, я страдал,
Но отчаянья не знал.
Твердость мне отец внушил:
Он чернорабочим был.
Видя, как страдаешь ты,
Не страшусь любой беды.
Увлечен твоей борьбой,
Восхищаюсь я тобой.
А уверенность свою
Ты начнешь терять в бою —
В трудный миг скажу тебе:
Будь решителен в борьбе
И не думай отступать,
Наступай опять, опять.

1908

57. ЗАВОД

Чудовищем безглавым
Шипит ночной завод,
А трубы, как удавы,
Небесный душат свод.
Его я скован властью,
Гляжу, дрожу без сил:
Он раскаленной пастью
Рабочих проглотил.
Десятки, сотни, тысячи —
Совсем потерял счет.
Чудовищем рычит он
И требует еще.
Затерян жалкой крошкой
Здесь каторжник труда,
Здесь человек — как мошка.
И бьется в дверь нужда.

Огнем его палимый,
Гляжу я на завод,
Он паутиной дымкой
Заткал небесный свод.
Жужжат приводы глухо
И проводная медь.
Рабочий, словно муха,
В стальную бьется сеть.
Он в огненные бездны
Руду и кокс несет.
Завод — паук железный,
Все мускулы сосет. . .

Завод мне ночью снится,
Когда он весь горит,
Гигантскою гробницей,
Светящейся внутри.
Я к думе скорбной склонен
Под похоронный дым,
Что человек схоронен
Навеки в нем живым.
Он в юности любовью
Не цвел, а так угас.
И харкает он кровью
В последний, смертный час. . .

Смертельные проклятья
И искаженный лик,
Когда в стальных объятьях
Сжимает маховик.
Высасывая силы,
Чтобы ожить не мог,
Швыряет под стропила
Кровавый он комок.
Оттуда в лоб машины
Упал, спокоен, тих,
На согнутые спины
Товарищей своих. . .

Завод мне ночью снится,
Когда он весь горит,
Гигантскою гробницей,
Светящейся внутри.

1908

58. МУЧЕНИКИ

Идут, всё идут казненных ряды
Вдоль горной гряды,
Идут без конца безликой толпой,
Цепями звеня,
Идут, как в прибой, волна за волной,
Бурля и стена.
Глаза у одних навывкате — так
Петля им туга.
На лбу у других зияющий знак
От пули врага.
Несчетные раны у тех на груди —
О, как они жгут!
У этих кровь на губах, погляди —
Их полчища тут.
Идут, идут. . .
Как тучи, идут сшибаясь, теснясь,
Гневом курясь,
Мщеньем ярясь.
Их вид сотрясает холодную высь.
Но вера крепка:

«Эй вы, палачи, теперь берегись!
Расплата близка».
В горах ураган, утихший едва,
Крылами взмахнул,
Шлет море со дна девятый свой вал,
Смятенье и гул. . .
От искры одной шар вспыхнет земной —
Восстанет народ,
И тех, кто несет бесправье и гнет,
Возмездие ждет!

1909

59. ЛЮБЛЮ ВСЕЙ ДУШОЙ

Ручьев говорливых студены́й поток,
Бурлящий во мгле, под корой ледяной,
И первой травинки зеленый росток,
Омытый последней водой снеговой,
Взлелеянный солнцем весенний цветок,
Что спорить с небесной готов синевой
И, словно дитя, протирает глазок
С улыбкой живой, —
Люблю всей душой!
И маков семейство, что, склоны укрыв,
На них разостлало ковер огневой,
Плодов созреванье, колосьев налив,
И солнца восход над могучей грядой,
И жаворонка над просторами нив,
Звучание трели его молодой,
Пернатых друзей, что на вольный призыв
Летят чередой, —
Люблю всей душой!
Тот час, когда неба померкнут края
И где-то, над северною стороной,
Стремительной молнии сверкнут остря,
Раскатится гром благозвучной волной,
И сразу душа всколыхнется твоя,
И пахнувший свежестью дождь проливной
Весну принесет нам, веселье тая, —
Тот час грозовой
Люблю всей душой!

1909

60. СЛОВНО ПТАШКА

Словно пташка, ты под моим окном
Щебетала ласковым голоском.
Не слышать тебя — упорхнула прочь.
И печалюсь я. Опустел мой дом.

О напевы птиц, мимолетны вы,
Забываешь вас, как напев листвы, —
Нежной песенки я забыть не смог,
Нет, нейдет она прочь из головы.

Всё мне помнится: под моим окном
Серебристым, ласковым голоском
Щебетала ты. Поманив меня,
Улетела прочь. Опустел мой дом.

1909

61. УМОЛК СОЛОВЕЙ

В росистых кустах замолчал соловей,
Как вздох затаенной печали,
И сразу увяли все травы полей,
И замер в лесу говорливый ручей,
И дымкой окутались дали.

Любовь, что металась безумным огнем
И сердце мое обжигала,
Любовь, что вела меня счастья путем,
Касалась чела светлой мысли крылом,
Хладеющим пеплом опала!

Отныне куда бы нетленный тот прах
Ни падал под ветром ненастья,
Он слезы повсюду исторгнет в сердцах —
И горечь разлуки и тягостный страх
Охватят избранников счастья.

И слушает эти рыдания сад.
Деревья мрачнеют, как тени,
А слезы, в ручей упавая, как яд,
Дыханием смерти струю леденят. . .

И нет соловьиного пенья.

1909

62. НА РАССВЕТЕ

Я снова посетил завод —
Кирпичный цех, железный свод,
В былые годы в песнь мою
 Вдохнул он жизнь,
И я с тех пор о нем пою.

Едва я перешел порог,
Меня приветствовал гудок.
Машины, в радости, на миг
 Сошли с ума! —
Железный вдруг раздался крик.

Заволновались шестерни,
И веретена, и ремни,
Поднялся молот и упал,
 Прогрохотал:
«Я не устал! Я не устал!»

И тысячи весельчаков —
Кующих звонко молотков —
Звенеть и щебетать взялись,
 Со всех сторон,
Как канарейки, залились.

Что за концерт! И шум и крик!
Вдруг искорка из горна — прыг!
Скакнула — ей не утерпеть
 На утре дня
Об утре жизни песню спеть!

1910

63. ПЕСНЯ ТРУДА

Песню знаю бесподобную,
Звону молота подобную,
Словно гром простую, грозную,
Песню знаю бесподобную.

Эта песня зародилась
В темной бездне рудника —

Оттого она звонка,
Как горячая кирка.

В ней и музыка и слово —
Плоть и кровь рабочих рук.
В ней — от цеха заводского
Вдохновенный гром и стук.

Если ты такую песню
В час унынья пропоешь,
Вся печаль твоя исчезнет,
В ней опору ты найдешь.

Лейся, песня бесподобная,
Звону молота подобная,
Громовая песня, грозная, —
Наша песня бесподобная!

1910

64. ТВОЙ ВЗГЛЯД

В былые времена,
Томясь любви тоской,
Ты утром из окна
Мне взор послала свой.

С тех пор немало дней
Ушло в немую даль,
А всё в душе моей
Живет твоя печаль.

Я вижу листьев дрожь
В распахнутом окне...
И снова ты поешь
Родные песни мне.

Ты словно свет зари,
Далекая звезда...
Мне в сердце посмотри,
Как прежде, как тогда!

1910

65. ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Кудрявых вершин вереница
В закатном венке,
Над листьями пыль золотится,
И предо мной, вдалеке,
С фабричными трубами споря,
Средь нив, без числа,
Вздываются в ясном просторе,
Горят купола.
Повитые дымкой, на мили,
Средь влажных лугов,
Коленопреклонно застыли
Громады стогов.
И в мантии раззолоченной,
Торжественно ал,
На землю с высокого трона
Сошел небосвод, и обнял
Равнины, и слился с простором,
Внимая молитвенным хорам,
В равнинах нарядные села,
В садах наливные плоды,
И в зелени свежей, веселой
Дунайские волны, горды,
Играя и пенясь в прибое,
Несутся гурьбой голубою.
Душа оживает, юнея,
И радостью сердце цветет:
Всё кажется — долей своею
Здесь, верно, доволен народ,
Но только в пути пред собою
Увидишь нужды сыновей,
Бредущих угрюмой толпою
С заводов, с полей,
В бряцании фляг оловянных,
Качающихся на боках,
В худых башмаках деревянных,
С узлами в руках, —
Как снова в тоске восклицаешь:
О, как же сильна ты, нужда!
Трудящихся хлеба лишаешь
Ты всюду, всегда!

1911
Зальцбург

66. В НИЖНИХ ЭТАЖАХ

Ты стоишь у тучи на виду,
Ни морщинки на высоком лбу,
Чердаки твои в грозу ведут
С молниями тяжкую борьбу.

Кровью кирпичи напоены,
Краснотой пугая облака,
Пóтом кирпичи обожжены,
Чтобы крепче выросли бока.

Этажей твоих высокий рост!
Кто на крыше с вихрем воевал?
Кто вскормил тебя? В ненастье и мороз
Кто, скажи, на стройке изнывал?

Ты стоишь, обжора, предо мной,
Кровью сыт и пóтом напоён,
Верхних этажей голубизной,
Блеском их пугая небосклон.

Кто вознес их пышно в небеса?
Наклони же каменное ухо
И услышь, как в нижних этажах
Каменщик, что изнемог в трудах,
Кашляет размеренно и глухо.

1911
Брюссель

67. ГОРОД

Огромный город. Толпа гигантов. То башен ряд
Иль это горы из крепкой стали вокруг стоят?
Неутомимо сеть телефонов, трамваев сеть,
Как сеть сосудов кровеносных, должны шуметь.

Проспект широкий... Он как огромный разлив речной,
И в нем сплошная толпа людская течет волной;
А там, высоко, касаясь неба, громады крыш
Своей незримою тропой уходят в лазурь и тишь.

Как бык свирепый, мычит и мчится автомобиль,
Гудит автобус, звенят трамван. И дым как пыль...

И ласточками велосипеды летят, скользя,
И мчится юность, которой шагом брести нельзя.

Бегут машины, бегут трамваи, повсюду бег...
Как будто кто-то рукой волшебной завел навек
Весь этот город, подобный точным большим часам.
Сверкает город и стелет дымы по небесам.

Здесь правит сильный, стяжатель жадный. Он пьет,
жесток,
Припав губами, обильной жизни пьянящий сок;
Все блага мира к его услугам, он ими сыт,
Но и насытятся, еще он жаждет, забывши стыд.

Грохочет город, и в этом шуме, под гул и звон,
В безумье улиц идет сторонкой один лишь он —
Тот, кто построил все эти зданья и город весь,
На этом пиршестве бесправен — чужой он здесь!

Но там, в предместьях, надежды светом вдали горя,
В домах рабочих уже сверкает, встает заря!
Там сердце будущего бьется... О, слушай, мир!
Там зреют думы, там крепнут силы, там цель ясна.
Нахлынет буря, и рабство смоеет ее волна!

1911
Париж

68. ЖУРАВЛИ

Клин журавлиный в поднебесье
Летит, летит над головой.
Его торжественная песня
На марш похожа боевой...

Шумят, курлычат на просторе,
Тревогой полня всё окрест...
Но кто же причинил им горе?
К кому их обращен протест?

Похоже, птицы с этим криком,
Летя сквозь воздух голубой,
В одном стремлении великом
Единым взводом рвутся в бой.

1911.

69. ЖИЗНЬ

Сияя, как солнце в утренний час,
Кипучая жизнь свое дело движет.
Ее не удержишь, у ней из глаз
Бодрящая сила молнией брызжет.

Кипучая жизнь вторгается в ночь,
Землю омыв от смертного срама,
И всякий мусор стремится прочь
Забиться в щели, укрыться в ямы.

В бурном движенье, в пренебреженье
 Ко всем гробам,
Где жизнь проходит, там травы всходят
 К ее стопам.
Куда заглянет, там солнце встанет
 И праздник там!
И коль в грядущем время положит
 Жизни пределы,
Земля тоскою себя изложет —
 Ведь столько дела
Дать жизни умной, кипучей, шумной
 Земля хотела!..

1911

70. В ЧАС БОРЬБЫ

В разгар борьбы, в решающие дни
Над наковальной молотом взмахни.
Без колебаний гневно сжав кулак,
Ударь сплеча,
Пока железа глыба горяча.

Позор тому, кто, с нами в строй включась,
Отступит вдруг, в борьбе покинет нас,
Уйдет, изверясь в силе рук своих,
В последний час.

Железо докрасна раскалено.
Остынет, чуть помедлите, оно.

Горн разжигай, все силы напрягай
Опять, еще. . .
Нет, куй, пока железо горячо!

Не выпускайте молота из рук.
От малодушных мы не ждем услуг.
Услышь наш зов, кто для борьбы готов.
Настало время, распрямись, плечо,
Бей, бей, пока железо горячо!

1911

71. ЭТАП

Скованы, идут на край земли.
Гордый взор их устремлен вперед.
Сколько б верст герои ни прошли
В знойный день в удушливой пыли,
Взор вперед!

Катится жемчужным градом пот
С их открытых лбов и впалых щек.
И от каждой капельки цветок
Вырастает, и земля цветет
Вдоль дорог.

Кто прошел по ним, тот твердо знал —
Грозен и непобедим народ!
Остановка и привал — Урал.
Всё вперед несется красный вал,
Всё вперед!

1911

72. БЕЗРАБОТНЫЙ

Он один из очень многих. . .
Не в сорочке он родился.
Хоть в отрепьях он убогих —
Перед сытым не склонился.

Он рожден сказать обжорам:
«Не пугайте нас могилой,
Вы увидите, что скоро
Свергнем вас своею силой».

Тщетно он работы ищет,
Тело голод разъедает.
Безработный, но не нищий —
Молчаливо он страдает.

За товарищей, поверьте,
Отдал жизнь он.
Так бывает:
Человек до самой смерти
Духом не оскудевает.

1911

73. НА ЗАВОДЕ

Тяжело дышать, шум и гам кругом,
Не прибой морской плещет день-деньской:
Песня и протест, молния и гром,
Лязг и гул сплелись в говор заводской.

Поднялись, как львы, жадные станки,
Лапы водрузив, как на пьедестал,
Скалят на людей острые клыки
И вонзают их в стонущий металл.

Сталь, чугун и медь — всё грызут, рыча,
Сердцевины плит и края листов.
Стружка с их клыков льется, горяча,
И течет, струясь, медленно, как кровь.

Ну, а кузня — та целый день в огне.
И могучих рук пляшущая тень
По одной бежит, по другой стене,
Будто чтоб слизать копоть мрачных стен.

Вот опять над всем молот занесен,
И гремит удар, и еще удар!

Наковальни крик и железа стон,
Брови кузнеца опалил пожар.

А заводский двор, как огромный склад,
И когда сгружать настает пора —
Лязгают листы, сотни ртов кричат,
И сквозят возы посреди двора.

Вон рабочий там стал с другими в цепь.
«Разом!» — и запел, завизжал металл.
Жил тугая сеть вздулась на лице.
Сполз с телеги лист и на землю стал.

Где-то колесо вертится, искря,
Точит про запас старый клык резца,
Чтоб не ждать станкам и рабочим зря,
Чтоб строгать, сверлить, резать без конца.

Где-то провезли уголь и мазут,
Чтобы накормить печи и котлы,
Где-то стонет сталь, где-то лес везут,
Где-то звон сверла, где-то плач пилы. . .

И шумят, гремят, как морской прибой,
Песня и протест в пламени, в дыму. . .
Вызовем на бой, спором и борьбой
Этот гром сродни сердцу моему!

1911

74. КОНЦЕРТ

«Споете, споете! — сказали станки, —
Уж тьма исчезает, уж день наступает,
А песня поутру сердца закаляет.
Споете, забудем заботы тиски!»

«Постойте, постойте! — котел заворчал. —
Споем, но сначала подам я сигнал». —
Он выпустил пар — и взвился, голосист,
Из медного горла пронзительный свист.

И сразу гигантское сооруженье
Спросонья лениво приходит в движенье.
Колоссы колеса, цилиндры, вальки —
Всё стало кружиться наперегонки.

И строго движенье, и ритм его чист,
И звонкая песня полна вдохновенья!
С работою бодрой в живом единенье
Концерт энергично ведет машинист.

1911

75. БОЛОТО

Болото кипит,
Червями кишит;
Тут сборище жаб,
Паучий тут штаб,
Собранье мокриц,
Ни звезд, ни зарниц...
Лишь плесени слой,
Слой ряски гнилой.
Болото кипит,
Болото шипит:
«У солнца нет сил
Мой высушить ил.
Поток обмелел —
Зимой стал несмел.
Весна далека —
Везет мне пока.
Хоть жизнью червей
Живешь, ну а всё ж
Вся сила сейчас
И власть вся у нас!»

Трясет его смех:
«Нет гадам помех!
Надолго такой
Блаженный покой!»

Эй, топь, ты слепа,
Не видишь снопа
Лучей над собой!

Всё ближе прибой,
Всё выше волна,
Всё звонче весна.
Дни спячки прошли.
Смотри, там вдали
Взыграла река,
Шумна, широка.
А если б сейчас
Гроза пронеслась,
Бич молний хлестнул,
Да ливень плеснул,
Да гром прогремел —
Вновь, грозен и смел,
Поток бы размыл
Прогнивший твой ил.
Час близится тот,
И речка снесет,
Мча к морю струю,
Всю плесень твою.

Скор времени бег —
Твой короток век!

1911

76. ДРУГ, НЕ ПЛАЧЬ

Не плачь, ах не плачь, что рано познал
Ты холод и зной,
Что столько цветов твоих отцвело
Прошедшей весной.
Хоть мертвым цветам твоим нет числа,
Не плачь, не грусти,
В родимой земле твои корни, друг:
Ты будешь цвести.
Ты вновь расцветешь и вновь зашумишь
Листою густой,
Наденешь наряд из красных цветов
Грядущей весной.

1911

Сказал я: трону лиру осторожно...
 Как зазвучит струна?
 Что случилось с ней? Мне грустно и тревожно:
 Что скажет мне она?

Я лиру взял, и вот певунья снова
 Звенит в моих руках.
 Она запеть по-прежнему готова.
 Напрасен был мой страх.

Спросила лира: «Где же ты скитался?
 Истосковалась я,
 Уже другой на мне играть пытался —
 Чужой! А я твоя.

С тобою снова стану я певучей,
 Мне тяжело у чужих.
 И лишь с тобою голос мой созвучен,
 Легко в руках твоих».

И, как друзья, мы с лирой в лад запели,
 И голоса слились.
 В разлуке долгой мы не огрубели —
 Взлетели звуки ввысь.

Живая песня зазвучала смело,
 Наверно, потому,
 Что из глубин души она летела
 К народу своему.

Сегодня я с моим народом снова,
 Друзья ко мне пришли.
 Заслушались они певца родного,
 Певца своей земли.

1911

Она, я знаю, возвратится,
 Из клетки вырвется, как птица,
 Опять гнездо свое найдет.

Она — цветок, что увядает,
Заброшенный в чужие дали,
И лишь на родине цветет.

Куда бы челн ни уносило —
Вернется он на берег милый,
Пройдя сквозь бурь водоворот.

Она когда-нибудь вернется,
От беспокойных снов очнется,
Опять к моей груди прильнет.

Пускай томлюсь, мечусь, любя,
Но я дождусь, дождусь тебя.

1911

79. ТОСКА

Ноет сердце мое, от горькой тоски погибая,
Но лишь этой тоской я одной и живу, дорогая.
Пусть же всех убедит напевов моих вдохновенье,
Что нашей прежней любви нет и не будет забвенья.

Нет, никогда ты не полюбишь другого,
Так же как я никому не скажу сокровенного слова.
Новая страсть из души не вытеснит воспоминанья —
Радости нашей былой, нашей любви и страданья.

Птичка в родное гнездо, где б ни скиталась, вернется,
К солнцу цветок полевой венчиком вновь обернется.
Ты возвратишься ко мне, будешь, как прежде, со мною,
Связаны мы навсегда — не позабыто бывшее!

20 марта 1912

80

Работай, рука! Ты — надежда моя.
Куешь ты победу сияющих дней.
Пусть льется горячего пота струя —
Я бодр и силен. Ударяй же сильней!

Рождает энергию каждый удар,
Борьбы нашей почву твой пот напитал.
Ты — вечно творящий, не гаснущий жар.
Ты копишь свой опыт — куешь идеал.

Будь крепкой, рука! На работу твою
Прольется когда-нибудь света струя.
Грядущему жизнь отдаешь ты свою.
Трудись же, рука! Ты — надежда моя.

1912

81. МОИМ ТОВАРИЩАМ

Где б ни были вы, дорогие друзья,
О вас мои помыслы, сердцем я с вами.
Живет вашей дружбою песня моя,
Звенит вашей славой она и делами.

О нет, я не птица, чтоб, праздно взлетев,
Залиться беспечной, бессмысленной трелью
И, думы в сердца заронить не успев,
Замолкнуть, умчаться, исчезнуть без цели!

Нет, жизнь, как и вам, мне была нелегка.
Навеки мы связаны общей судьбою —
Тернистой судьбою борца, бедняка,
В подвале вскормленного коркой сухою.

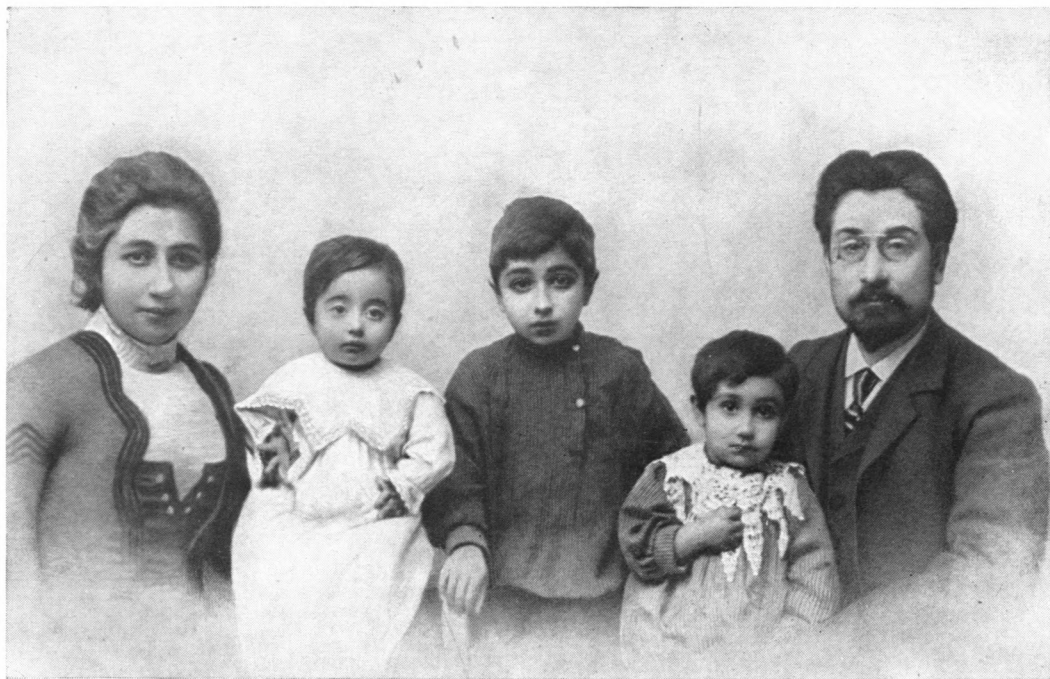
Где б ни были вы, дорогие друзья, —
Покуда я жив, наш союз не нарушу.
О вас безыскусная песня моя —
Ей отдал всю верность, всю нежность, всю душу!

1912

82. СТРАЖ

Павшим духом, слабым, робким — скажем:
Исчезайте в бездну пустоты! . .
До зари стою я гордым стражем,
Гордым стражем нашей высоты.





Если враг внезапно в сети смерти,
В сети смерти завлечет меня,
Знайτε — на устах моих засветит
Свет улыбки завтрашнего дня!

И за мной большой волной нахлынет
Сила, что размочет берега,
И неисчислимые твердыни
Безвозвратно вырвет у врага;

Мы в порыве творческом покажем,
Что бессмертно дело наших лет...
До зари стою я гордым стражем,
Юности грядущей — мой привет!

1913

83. КУЗНЕЦ

Пылает горн — товарищ мой,
И реют искры, словно птицы.
И молот я держу стальной
Руками в плотных рукавицах.

В мой горн я опущу металл —
В огонь бурлящий, мне покорный, —
Железо здесь пройдет закал,
Чтоб сталью сделаться упорной.

От зноя стали огневой,
Как от багряного рассвета,
Растаял сумрак мастерской,
Вдруг озаренной и согретой.

На наковальню брось скорей
Трепещущую сталь — живую.
Теперь, кузнец, сильнее бей
И форму ей придай люблю!

9 мая 1914

84. ТРУД

Одним я в жизни дорожу:
Ребята, ничего
Нет выше, радостней труда —
Любите же его!

День без упорного труда
Не в радость будет вам,
В работе — к будущему путь,
К счастливым временам...

Проснулась жизнь, широк рассвет,
Дни новые грядут...
Ребята, добрый вам привет,
Всегда любите труд!

1915

85. ИЗ ПЕСЕН ЖИЗНИ

Из славных гнезд трудящихся орлов,
Из града стольного, бушующих краев,
Привет я вам принес, раскрыл объятья,
Друзья и братья!

И грозная гармония слышна
В привете том — из тысяч уст она
Слилась в единый глас любви взаимной,
Подобный гимну.

В нем звоны новой жизни рождены,
Они — в свободном воздухе весны,
Клич боевой, фанфарный рад принять я,
Друзья и братья!

1915

86. НИКОГДА НЕ УСТАЕТЕ

Вы в шахтах стонете и в рудниках,
Вы задыхаетесь и спины гнете,
Вы тяжело дышите в моих стихах, —
Но никогда, вы никогда не устаете!

Змеится сталь под вашей рукой,
Железо корчится, когда его куете.
Свершаете вы подвиг трудовой,
И никогда, вы никогда не устаете!

Вы — к новой жизни путь, открытый вновь.
Вы вечно движетесь, творите и растете.
Вы — счастье мира! Слава и любовь
Всем вам за то, что никогда не устаете!

1915

87. ВОСПОМИНАНИЯ

Память душу мне обожгла лучом,
От того луча запылала кровь,
Пробежал грозы вдохновенный гром,
И для дней борьбы я воспрянул вновь.

Миновавших лет возрожденный гром
Поднялся в душе, прежней силы полн,
Вновь услышал я и призыв бойцов,
И движенье толп, словно рокот волн.

И вернул меня к прожитым годам
Гордый плеск знамен над людской толпой,
Наш победный гимн на позор врагам,
Голоса друзей, уходящих в бой.

О прекрасный день, день весны моей!
Возвратил меня ты к сердцам живым.
Всё идут, идут тени прежних дней
И зовут меня. . . Слава, слава им!

1915

Не тверди, что юность мелькнула сном,
 И любовь нашу выдумкой не зови.
 Не тверди, что в пышном расцвете твоём
 Умирает нежная прелесть любви.

Погляди, в дождливый осенний день
 На деревьях листья как жар горят,
 Так прекрасна листьев багряных сень,
 Точно свадебный ветви надели наряд.

Величавый пурпур листвы сухой
 Не красивей ли зелени летних дней?
 Осеннюю песню сегодня спой,
 Зашумит весной лес еще нежней.

1915

89. НЕ ГРУСТИ

Не грусти, мой друг, наш день еще придет,
 Нас заря, нас солнце юной жизни ждет, —
 Солнце чуть сверкнет, и злобной тьмы титан
 От него растает, как весной туман.

Пусть покрыто небо мрачное свинцом,
 Не грусти, мой друг, пред радостным венцом,
 Первым громом грянет первая гроза,
 И весна нам взглянет весело в глаза.

Пусть рыдает тот, кто духом рабски пал,
 Унывает утративший идеал.
 Будущее наше — вешний сад в цвету, —
 Будь готовым встретить эту красоту.

1915

90. НЕ БЕДА

Не беда, что сегодня туман непроглядный
Ничего различить не дает,
Брата брат и соратник соратника
Не узнает.
Не смущайся, товарищ, иди неуклонно вперед!

Это всё ненадолго, и в этом —
Испытание, средство
Проверить, надежно ли наше соседство,
Узнать, кто меж нас, как стекляшка, сверкал,
Кто горел дорогим самоцветом.

Скоро, скоро туман разойдется
И станет легко.
Склоны гор оживятся
Дыханьем цветов всевозможных...
И мы будем с тобою тогда далеко
От «товарищей» ложных.

1915

91—92. ИЗ ЭЛЕГИЙ ТРУДА

1

В МЕДНЫХ РУДНИКАХ

Трепетала ночь,
И дрожала тьма,
Предо мною шахта
Раскрыла пасть, —
В ней бы сам сатана
Сошел с ума,
В ней бы дьявол мог
Без следа пропасть.

Я не мог закрыть
Воспаленных глаз,
Страх схватил и звал
В глубину меня.
Я спускался вниз,
Каждый тяжкий пласт,

Словно мошку, мог
Раздавить меня.

Фонари несли
Свой предсмертный свет,
Из-под сводов
Всхлипывала вода.
Словно страшный сон,
Словно черный бред,
Обступила,
Схватила меня руда.

Сквозь сырую мглу,
Сквозь неверный свет
Я услышал голос
Из глубины:
«Дорогому гостю
От нас привет!
Мы с тобою вместе
Погребены!»

Отныне ты будешь
Жить под землей,
Ты жизнь и молодость
Шахте отдашь,
За корку хлеба
Стучать киркой
Ты будешь!
Ты слышишь? . .
Отныне ты — наш!»

1915

2

Легко шагает наш ага шестидесяти лет,
Всегда подвижен, как паук, — а смерти нет как нет.
Он быстр и бодр, он быстр и бодр, —
Как резвый юноша, ага забыл про смертный одр.

А мне пятидесяти нет, но как я стар и хвор, —
Как шаткий деревянный мост, я сгорблен с давних пор,
Едва дышу, едва стою, едва дышу, едва стою, —
Как будто весь тяжелый мир лег на спину мою.

Тепло одет, тепло обут сын нашего аги,
Бежит он в школу на заре под присмотром слуги,
Сыт и умыт, сыт и умыт,
Как олененок на скале, резвится и шумит.

А мой сынишка не знавал и в детстве молока,
Он в школу больше не пойдет — там плата высока.
Он тяжким молотом давно по наковальне бьет,
Он скоро легкие свои с натуги оборвет.

1916

93. СЕЙФЫ

Угрюмый мрак в подвалах банка. Здесь словно склеп.
Войдешь: дохнет могильный холод из страшных зал.
Мерцанье ящиков, решеток, и стен, и скреп.
Мерцанье тусклой мертвой стали... Угрюм подвал.

Лежит, в стальном гробу скрываясь, клад золотой.
Миллионы там, монет звенящих там океан.
Чей плач звенит, чья кровь сверкает в монете той?
Народа плач и кровь рабочих всех наций, стран...

Награбив золота, в подвалы его несут,
Запрятать выручку дневную спешат сюда.
Страх душит дома богачеев — спокойней тут.
Боятся вор другого вора везде, всегда.

И каждый день в холодных залах гремят ключи —
Свои богатства проверяют, едва дыша,
Мужчины, женщины, как тени, в дневной ночи.
Порывшись в золоте, уходят прочь богачи.
И вновь от страха воровская дрожит душа...

1916

94. ПАЦИОНАЛИСТАМ

На поэтов ваших любимых я не похож.
Жрецам вашим песнь моя чужда — звук не родной.
Я не желал угождать, вызывать сердец ваших дрожь
В вашем мещанском бреду, ядовитом и жалком заодно.

Воспел я завод, в черный труд его я проник,
Где над сталью треснувших спин — маховик.
Чудеса я воспел, рожденные в жестких руках,
Победной борьбы этих рук величавый размах.

Пел я бодрости песнь тем, кто духом упал,
Быть готовым ко дню пробужденья я призывал,
Потрясающую землю я пел мировую грозу,
После грома и молний — мирных, тихих небес бирюзу.

Человечества веру воспел я в грядущий путь
Великого шествия жизни, цветами убравшего грудь.
Огонь я воспел, растопляющий насилья копье,
Красу новой жизни и чары ее.

Нет, на поэтов ваших любимых я не похож.
Жрецам вашим песнь моя чужда — звук не родной.
Я не желал угождать, вызывать сердец ваших дрожь
В вашем мещанском бреде, ядовитом и жалком
заодно.

1916

95. ПРОРОК

Я — пророк.
Вижу землю — я тысячи вижу дорог:
Прозорливой души моей взоры
Охватили планеты просторы.

И повсюду я вижу — два стана!..
Поле битвы их обагрено...
Час придет, и падет бездыханным
Старый враг, обреченный давно.

Не поднимется мир этот старый —
Там повсюду разлад и распад.
Строят новую жизнь коммунары
Здесь, с другой стороны баррикад.

Льются крови бурливые реки...
Потрясенная древней борьбой,
Твердо знает земля — не навеки
Двух соперников длительный бой.

Наша воля вовек не согнется!
Непреклонная, все горячей
Справедливость на улицах бьется,
И она сокрушит палачей.

Я — пророк!
Угнетенный веками,
Для свободы и счастья рожден,
Раб восстал, и победное знамя
Водрузит над планетою он.

20 февраля 1919

96. В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосыгаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела —
Врагам свободы гибелью грозит.

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречен,
Уже прочтен твой смертный приговор».

Апрель 1919

97. СТЕПАНУ ШАУМЯНУ

Лазурное небо полуденных стран
Синело в глазах у тебя, Шаумян,
А сердце твое, как седой океан,
Не ведало дна, Шаумян.

Не колокол мерный, зовущий во храм, —
Твой голос подобен был грозным громам.

Он гордо звучал, призывая к боям,
Он нес вдохновение нам.

Как молния, слов твоих пламень сверкал,
Струился в словах раскаленный металл,
И враг, их услышав, в испуге дрожал,
Скуля, как побитый шакал.

Ты вовсе не умер. Ты ожил в других,
Ты столько посеял семян золотых,
Ты вырастил столько бойцов молодых,
Что мир загляделся на них.

Нас всех твоя смерть, Шаумян, потрясла,
Мы будем бороться, сжигая дотла
Наследие зла.
Смотри, мы идем без числа.

Свой гнев справедливый мы не укротим,
Идя по путям светоносным своим.
Клянемся, что мы победим!
Прощай, Шаумян! Победим!

20 сентября 1919

98—99. ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

1

В Балаханах вода мутна.
Лишь зачерпни —
Течет густая нефть одна
Ночи и дни.
Нефть и мазут легли вокруг.
Встань чуть заря
И не ропщи, рабочий-друг,
Что гибнешь зря.

Согнись под ляжкой вековой,
Терпи нужду.
Тем и живет хозяин твой,
Что ты в поту.
Возьмет он молодость и мощь,
Загубит жизнь.

Ты будешь завтра наг и тощ,
Хоть в гроб ложись.

От смертной муки побелев,
Джан, дорогой,
Ты завтра зарычишь, как лев,
Ты выйдешь в бой.
За глотку схватишь ты его!
И вот тогда
Осуществится торжество
Людей труда.

2

Сеть кровеносных жил густая
Таится где-то под песком.
Маячат вышки, вырастая
На вязком берегу морском.

Нефтепровод от черных вышек
Берет добычу, и поет,
И нефти сброшенной излишек
Без сожаленья в воду льет.

Бьют волны Каспия, скрывая
Добычу стольких тяжких дней...
Чей смертный пот, чья кровь живая
Загублены навеки в ней?

Так в перегонке сил бездушной
Проголодал ты целый век.
Встань, отвоюй свой хлеб насущный,
Стань человеком, человек!

1919

100. ОДАЛИСКА И ДЕВА

АЛЛЕГОРИЯ О ГРУЗИНСКИХ МЕНЬШЕВИКАХ

Раз одалиска деве встречной
Сказала: «Слышала я о тебе, сердечной:
Ты недотрога, ты — скромна,
Зато оборвана всегда и голодна.

А у меня, смотри, на шляпе — страус! Перья!
Живу, как ветерок, в свои лишь чары веря!
Под вечер, взяв с собой помады и румян,
То на банкет спешу, то в гости, то в духан.

Смотри — вот медальон, что преподнес мне Джон,
И жемчуга — аванс, что дал сбежавший Ганс.
Паша турецкий, тот возил меня на кейф,
А итальянец мне нашел вот этот шлейф».

И одалиске был ответ девицы строгой:
«Прочь, шлюха, от меня! Иди своей дорогой!
Кто шляется, тому не диво, говорят,
Иметь и хлеб, и деньги, и наряд.

Пускай я голодна, оборвана, бледна,
Мозоли рук моих — утеха мне одна.
Мои лишенья, знай, — до завтрашнего дня,
А завтра будешь ты несчастнее меня!»

22 марта 1920

101. ЗАВЕЩАНИЕ

Пусть будет мой надгробный камень
С рабочей наковальней схожим.
Пусть надпись краткими словами
Гласит: «Здесь Акопян положен».
Пусть рядом с молотом на камне
Лежит перо — в немой с ним паре,
Ведь я впервые в буре давней
Пером, как молотом, ударил.
Жизнь — наковальня. Для поэта
Перо — в борьбе могучий молот.
Так пусть же украшенья это
Согреет мой могильный холод.

20 апреля 1920

102

Вы счастливы, что живете
В нашем славном веке:
В дни борьбы и роста мысли
В каждом человеке,

В дни, когда народ рабочий,
Победив буржуя,
Поднимает стяг свой алый,
Гордо торжествуя.

Счастливы вы тем, что силы
Отдаете смело
Делу правды и свободы —
Праведному делу.
Обветшалые скрижали
Старого закона
Вы сломали, жизнь иную
Строя неуклонно.

Вас, счастливцев благородных,
Вспомнят поколенья
И помянут добрым словом
Ваших душ горенье.
Мир вовеки не забудет
Первых дней коммуны,
И бокал за вас поднимет
Ваш потомок юный.

Пожалеют ваши внуки,
Что родились поздно,
Что не видели начала
Стройки грандиозной.
Завершая ваше дело,
Напрягут все силы,
Чтобы все мечтанья ваши
Жизнь осуществила.

Вы живете в самом лучшем,
Самом светлом веке —
Бурном и неукротимом,
Как весною реки.
Вас, счастливцев благородных,
Вспомнят поколенья
И помянут добрым словом
Ваших душ горенье.

13 мая 1920

103. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Жизнь моя! Как прекрасен твой зенит!
Всех плодов запретных я вкусить сумел,
Всех боев отзывом сердце мое гремит,
И главу мою серебрит почетный мел.

Подошел и стал над обрывом... Новый путь
Иль могилы темень ждет меня впереди?
О, помедли, смерть, хоть на миг обо мне забудь!
Ярой жизни ключ загремел у меня в груди.

Он гремит о том, что будет высокий бой,
Мой последний бой, в котором исчезну я,
Мой девятый вал, который придет за мной,
И волеет в себя, и на гребень взнесет меня.

Я ведь капля только в великой твоей волне,
Что на мир несет свой гремучий седой прибой,
Я ведь капля только — дитя тех туч в вышине,
Что от века должны прогреметь и упасть грозой.

Конец мая 1920

104. СВЕРЧОК

Поет сверчок в дупле глухом.
Спадает зной в саду ночном.
Цветок с цветком, трава с травой
Беседуют между собой
Под голосок сверчка ночной.

Лето 1920

105

Их было двадцать шесть.
Их было двадцать шесть, отважных, молодых,
Всей свежестью своей весна бурлила в них.
Их подвигов не счесть... Их было двадцать шесть.

Они вступили в бой
И подняли за нас, за весь народ свой стяг,
Но был неравен бой и был коварен враг.
Не разорвать оков... Они — в руках врагов.

И вот однажды в ночь
При тусклом блеске звезд, не разгонявшем тьмы,
Их привезли враги в пески Ахча-Куймы,
И вдоль песчаных гряд их выстроили в ряд.

Их выстроили в ряд.
Стоят большевики — безмолвны и горды,
Но и теперь страшны для вражеской орды!
Величья ночь полна, и смерть им не страшна.

Да, смерть им не страшна!
И крикнул палачам товарищ Шаумян:
«Мы счастливы, что нам высокий жребий дан
Пасть за Советов власть, за наше дело пасть.

И знайте, палачи!
Наступит вскоре день — прекрасен и суров;
Вас всех настигнет смерть, но смерть презренных
псов,
За нас, за двадцать шесть, вас ждет народа мечь!»

И дрогнули ряды, —
Казалось, этот клич и камни гор проймет,
Но загремел приказ, защелкал пулемет,
И вот не стало их — прекрасных, молодых.

Ночь скрыла палачей.
Меж тем как двадцать шесть и за порогом тьмы,
Обнявшись, как друзья, в песках Ахча-Куймы,
Нам гимн борьбы поют и на борьбу зовут.

20 сентября 1920

106. ДАШНАК ПАЛ

Пал дашнак...
И дом разрушен, где тиран проклятый жил.
Тридцать лет народ душил он,
Кровь страны армянской пил.

Тридцать лет, как злобный дух, он
Над моей страной парил,
Сеял смерть и запустенье,
Сеял тысячи могил.

Он топтал ростки великих,
Светлых ленинских идей.
Чтобы массы обезглавить,
В тюрьмы он кидал людей.
Даже в смертный час последний
Пил дашнак людскую кровь —
Красной кровью коммунаров
Обагрил он руки вновь.

Пал дашнак. . .
Его на свалке погребем навеки мы.
Черный гроб ему сколотим,
Разобравши свод тюрьмы,
Той тюрьмы, куда недавно,
Гордый властью, он входил,
Где людей под черным сводом
Он безжалостно душил.

29 ноября 1920

107. КРАСНОЮ ВЕСНОЙ

Жить? . .
Жить только красною весной,
Когда становятся рекой
 Потоки с гор,
Когда лугов цветной ковер
 Прельщает взор.
Жить только красною весной!

Бороться? . .
Бороться красною весной,
Когда грохочет грозный гром
При блеске молнии шальной. . .
Через преграды, напролом —
Прекрасной, красною весной!

Умереть? . .
Да, но лишь красною весной,
Когда, стремителен, широк,
Весенний паводок с дорог
Старье уносит навсегда
И от былого нет следа.

1920

108. СМЕРТЬ КОММУНАРА

Памяти Е. Шамаха

Цветами пламенел зеленый луг,
Мы шли, и трубы плакали вокруг —
Лежал в гробу наш самый близкий друг.

Его глаза застлал смертельный мрак.
Из-за угла убил его дашнак,
Угас навек его душевный пыл,
И вот он в волнах музыки поплыл.

Вовсю гремят оркестров голоса,
Огонь знамен рванулся в небеса.
Тяжелый гроб плывет, высок и ал,
Над ним звучит «Интернационал».

И этой песни голос молодой
Несется над землей и над водой,
Он звонок, светел, ясен и высок.
Он будит к жизни запад и восток.

Он говорит: «Внезапной смерти мгла
Не изменила светлого чела.
Напрасно думал подлый трус дашнак,
Что с этой смертью воцарится мрак,

Что траура безрадостная тень
Затмит навеки наш прекрасный день.
Тупой убийца, чья душа черна,
Не мог понять, что эта смерть одна

Десятки тысяч жизней подняла
На доблестные, смелые дела. . .

Убийца жалкий! Трижды проклят будь
Тот миг, когда ты целил в эту грудь!

Мы не забудем никогда о нем,
Мы с боевой дороги не свернем...
Бушует пламя песен и речей,
Сплотились коммунары горячей,

Сильнее бьются храбрые сердца
Над гробом друга, брата и борца.
И землю, где покоились гробы,
Мы осенили знаменем борьбы».

При каждом дуновенье ветерка
Знамена рвутся с крепкого древка.
Они стремятся в солнечную высь.
Они, как пламя, над землей зажглись.

А солнце шлет нам яркие лучи —
Они сегодня очень горячи.
Такого солнца не было давно —
Оно поет с поэтом заодно.

В могилу каждый бросил горсть земли,
И скрыть слезу не многие смогли.
Из каждой горсти вырастут цветы,
И солнце их согреет с высоты.
...С кладбища мы в молчанье гордом шли.

Май 1921

109. ОБЕТОВАННОЙ ЗЕМЛЕ

Отныне в сердце два,
Два города прекрасных:
Ты — Петроград наш красный —
И славная Москва.
Они нам ныне отданы
Для жизни трудовой.
Они нам будут родиной,
Великою семьей.

Москва и Петроград!
Вы — всем борцам отныне
Источник средь пустыни,
Надежная вы пристань!
Вы — крепкий авангард!
Вы — революций факел,
Негаснувший, лучистый,
Сверкающий во мраке.

Боролись мы немало,
Боролись мы и гибли,
Но вашего закала
Еще мы не достигли.

Привет наш Петрограду
И пламенной Москве!
Привет двум исполинам,
Рабочим их окраин,
Их селам и равнинам
И нивам их бескрайним,
Цветущим и зеленым
И кровью напоенным!
Я, как паломник старый,
Иду в просторы ваши,
Иду в равнины пашен,
Где гибли коммунары, —
Иду, как пилигримы
Ходили в катакомбы
Иль как араб поныне
Идет через пустыни
К гробницам фейгамбаров.

С Кавказских гор высоких,
Сплетя для вас венец,
Взволнованный певец,
Я в путь пошел далекий.

О красный Петроград!
О красная Москва!
Вы — два
Титана революции!
Я вам принес привет!

Ноябрь 1921

110. МИХА ЦХАКАЯ

Когда-то юношам бутоны я принес.
Они раскрылись, — ныне мы вдыхаем запах роз.
Так много перемен вокруг — жизнь ярче и пышней.
И старой гвардии ряды шагают в ногу с ней.

В те годы жизнь большевиков в борьбе суровой шла.
Они искали к свету путь из мира тьмы и зла.
И если труд у власти стал и праздник наступил,
То ветеранам-старикам в борьбе он стоил сил.

Они — как старые дубы с зеленою листвою,
Они — как реки, зимний лед дробящие весной.
К великой цели каждый шел, с душой народа слит, —
Сухая роза аромат, как свежая, хранит...

1921

111. А. МЯСНИКЯНУ

Эй, в море вспененном гребец!
Мрак, буря, тучи на пути...
Счастливец... Выпало тебе
До бухты лодку довести.

Начало 1922

112. ПЕСНЯ ПРОЛЕТАРИЯ

Завод! Завод! Завод!
Ты наш учитель, наша сила, наш оплот.

Под сводами твоих цехов
Ты собирал нас, тружеников и бойцов.
Когда бичом нас голод гнал на труд,
В твоих объятых мы нашли приют...

Поет гудок. То голос твой, завод!
Завод-товарищ в битву нас зовет...

Бушует пламя в доменных печах —
То нашей силы огненный размах!
Машин гигантских движутся валы —
То наших мускулов железные узлы!

Дает нам мощь — твоих вагранок жар.
Кует нам сердце — молота удар.
Порывы сердца, мысли и мечты
Резцом идей оттачиваешь ты.

Ты дорог тем, кого ты породил,
Кому ты дал богатство мощных сил.
Завод! Завод!
Привет тебе, привет,
Наш большевистский университет!

30 мая 1922

113. МОЯ ЛЮБОВЬ

Его очей люблю я жар,
И грудь, закутанную в пар,
И песнь, которой нет звончей,
И мудрый смысл его речей.
Люблю его бесценный пот,
Когда он плавит и кует.
Я славный труд его пою,
Я песню в честь него кую.
Моя любовь — не жар юнца,
Когда неопытны сердца.
Моя любовь — ей нет конца,
В ней мысль и опыт мудреца.
Люблю завода звон и шум
И глубину заветных дум.
Найдется ли среди людей,
Кто б полюбил его сильнее?

22 июня 1922

114. ЧАТАХ

1

Вновь посетил я «вдовушку Чатах».
Ее с полвека одинокой знал,
Не видел жизни в блекнувших чертах—
Ее сгубил, замучил капитал.

Разрушены заводы, рудники,
Растерзаны, не бьются их сердца,
И, сгорбясь под горой, как старики,
Молчат пустые зданья — ждут конца.

Одета в траур «вдовушка Чатах»,
Ей жить нет сил, дух прежний изнемог.
Лишь серая змея, взметая прах,
Вдруг промелькнет, проворная, у ног.

2

Я снова в этом горном руднике.
Безмолвна ночь, едва журчит вода, —
Но хлопает ритмично вдалеке
Мотор бессонный. Бодрый звук труда!

И слушает ближайшая из гор
С лунной новорожденной на плечах,
Как рукоплещет радостный мотор
Ожившей снова «вдовушке Чатах».

А капли света лунного висят
В ветвях деревьев, словно гроздья лоз,
Украдкою бросая робкий взгляд
Из зелени в долину, под откос.

3

Кто к жизни возвратил «вдову Чатах»?
Змеиный лог так долго был угрюм!
Откуда здесь, в заброшенных местах,
Такой могучий и бодрящий шум?

К нам люди волей сильные пришли,
Они вонзили рельсы в толщу гор,

И в самом скудном уголке земли
Жизнь новая затеплилась с тех пор.

И старая Чатах, «вдова Чатах» —
Невеста вновь. Ей сердце не щемит.
Суровое урочище в горах
Кирками вновь так молодо гремит!

1922

115. ПОД ЗНАМЕНЕМ

Вы все, кто по солнцу давно тосковали,
Вы все, кого в цепи давно заковали,
Кто не унывает, не плачет напрасно, —
Шагайте бесстрашно под знаменем красным!

Ты, труженик честный, бедняк-работяга,
Пусть к жизни влечет тебя страстная тяга.
Скорее сюда! Пусть взовьется над нами
Прошитое золотом красное знамя!

Оно от врагов и от бед охраняет,
Крылом материнской любви осеняет.
От копоти черной к просторам счастливым
Оно поведет нас путем справедливым.

Ты, труженик честный, бедняк-работяга,
Пусть к жизни влечет тебя страстная тяга.
Скорее сюда! И взовьется над нами
Прошитое золотом красное знамя.

1923

116. ШКОЛЬНИКИ

Вот я стою, как средь сада цветущего,
В светлом дворе за отстроенной школою.
Перед хозяевами грядущего
Низко склоняю усталую голову.

Залюбовался веселыми играми:
Бегают мальчики, крепкие, бойкие,
Прыгают ловкими, смелыми тиграми.
Вот так прыжки! Да какие высокие!

В круг малышей, словно ласточки быстрые,
Взапуски мчатся мальчишки вихрастые
И, не толкаясь, проносятся искрами,
Перед малышками ловкостью хвастая.

Кружатся девочки шумными стайками.
Чем они заняты, чем развлекаются?
В платицах светлых проносятся чайками,
То собираются, то разбегаются.

Вдруг мальчуган закричал так воинственно,
Словно орленок, впервые взлетающий.
Голос ребенка прекрасен воистину:
Чистый, серебряный, всё нарастающий.

Вот я стою, как средь сада цветущего,
В светлом дворе за отстроенной школою.
Перед хозяевами грядущего
Низко склоняю усталую голову.

1923

117. ЛЕНИН БЕССМЕРТЕН

Не верит сердце, что умер Ленин.
Кто может поверить, что солнце умрет,
Что вдруг океана прервется дыханье,
Далекого Марса
Померкнет сиянье
И время хребет Гималайский сотрет?

Дела Ильича — словно солнце сияют.
И мысли его — как моря глубоки.
Его заветы нам путь озаряют —
Они нерушимы, как горы,
Как звезды, они высоки.

Мы можем порой представить себе,
Что жаркое солнце
Остынет с веками,
Что высохнет вся в океане вода,
И светлый Марс померкнет над нами,
И время сотрет Эверест навсегда.
Но знаем мы —
Ленин в сердцах поколений
Останется жить
На веки веков.
Бессмертно великое имя —
Ленин,
Бессмертно дело большевиков.

23 января 1924

118. № 67

Черных вышек лес густой —
В нем звериный слышен вой.
Кто там ранен, отчего
Омрачились дни его?

Кем он ранен и когда?
Ранен он людьми труда,
Что восстали, в бой пошли,
Власть и счастье обрели.

Зверь безумный разъярен:
Нашу новь увидел он.
Из груди его, из ран
Хлещет золота фонтан...

Зверь рычит, но вновь и вновь
Бьет из уст, чернея, кровь,
Не устал, идет фонтан
Как богатый караван..

Черный зверь кричит в лесу:
«Слово новое несу!
К переменам я готов,
Жду в ответ я ваших слов!»

1924

1

БАКУ

Край нефтяной! Целый мир величавый!
 Неуемным каким-то чувством томим,
 Вспоминая дни горя и даты славы,
 Я бродил по широким просторам твоим...

Вдалеке предо мной, горделивый и строгий,
 Горный кряж серебрился в небесной тиши...
 А под ним, грохоча на весь мир, новостройки
 На глазах подымали свои этажи.

А вокруг, где до пепла, казалось бы, выжог
 Навсегда всё живое каспийский зной, —
 Черный город резных и прозрачных вышек,
 Как мираж, трепетал в синеве предо мной.

И мне вспомнились давние дни Апшерона,
 Эту память и годы не замели:
 Здесь аршинник Манташев сосал миллионы
 Из насыщенной нефтью родимой земли.

Это время проклятое не повторится!
 Здесь рабочее знамя понес Шаумян,
 За свободу боролись здесь Джапаридзе,
 Мешади Азизбеков, Сурен Спандарян.

Двадцать шесть коммунаров! Вы пали со славой.
 И как лозунг победы звучит: «26».
 В каждой стройке вот этой земли величавой
 Вашей жизни частица немалая есть.

Расцветай же, Баку! Всё отныне тут наше!
 Наступили свободные, светлые дни!
 Двадцать шесть коммунаров стоят на страже:
 В каждом сердце советском дышат они.

10 февраля 1925

ГЯНДЖА

Ты ослепла, страна родная,
В темноте многовековой;
Тьму от света не отличая,
Ты жила, объята дремой.

Ты проснулась с новой судьбою,
Ты прозрела, свет моих глаз!
И глядит на тебя с любовью
Прародитель — древний Кавказ.

Хлеб твой свеж, виноград твой сладок,
Темный бархат — твои сады.
Ты горишь в моих песнях крылатых
Ярче самой яркой звезды.

Ты пленила бурные воды,
Гидростанций огни зажгла.
Ты навек союзу народов
Руку крепкую подала.

Вековые твои платаны
Посадил у холма Аббас.
Словно песня меж их листьями,
Свежий ветер шумит для нас:

«Чуда нет, что древней порою
Шах платаны эти сажал, —
Чудо в том, чтоб новое строить
На земле этой древней Гянджа».

Начало 1925

121. ПРОБУЖДЕНИЕ

Пробудился Кавказ! Где играл Ширканал,
Там земля загудела вокруг.
Там мы строим Загэс. Там гранит застонал
Под напором бесчисленных рук.

Там рабочий и пахарь зеленых степей
Видят, взгляд устремляя в простор,
Что грядущая жизнь всё мощней и властней,
И горит восхищеньем их взор.

Пробудился Кавказ, сбросил бремя веков!
И в нарядном уборе своем
Блещет Грузия золотом новых плодов
Под горячим полдневым лучом.

В хлопок бело-жемчужный, пушистый, как дым,
Нарядился седой Айастан,
И Баку огневым янтарем нефтяным
Украшает союз наших стран.

Я на страже стою, я стою на посту,
Я стою в многоцветном кругу.
И растет моя песня, и я с ней расту,
Светлой радости скрыть не могу!

Новой жизнью гремит наш могучий Кавказ
Под напором бесчисленных рук,
И торжественных песен река полилась —
Слышишь ты их ликующий звук?

В нем великая радость и сила гремит,
Потрясая простор мировой:
В горном воздухе носится между людьми
Эхо грозной борьбы трудовой.

Пробудился Кавказ! Заиграл Ширканал,
И Загэс над водою встает.
Зовом к творчеству каждая дышит волна...
Кто на этот призыв не пойдет?

Каждый должен осмыслить Загэса завет,
Слиться с творчеством нашим скорей!
Подымаем мы снова Кавказский хребет
Из великих и бурных морей.

25 апреля 1925

122. ДЕТИ, ВЫ ЖИЗНИ НАШЕЙ ЦВЕТЫ

Вы, дети, жизни нашей цветы, ведь это же ради вас
В ярме угнетенья, в тисках темноты гнул спину
рабочий класс,
Страдали отцы, чтоб дети-птеныц смогли достичь
высоты. . .

И детям сегодня мы говорим:

— Вы жизни нашей цветы!

И знать вы должны, что у ваших отцов мечта великая
есть. . .

Видали потоки мутные вы — их в наших горах не счастье.
Но тина осядет, и станут они как родники чисты —

И детям сегодня мы говорим:

— Вы жизни нашей цветы!

Те реки, что свежей кропят водой и нив и полей простор,
Ласкают смеющиеся цветы, — текут из лесов и с гор. . .
В них слезы кровавых очей и дождь из туч, что черны,
густы,

Но детям сегодня мы говорим:

— Вы жизни нашей цветы!

Вода замутненная вниз неслась, деревья с корнем рвала,
Лачуги ветхие с берегов она за собой влекла,
Похожих на вас губила ягнят, смывала земли пласты. . .
Но детям сегодня мы говорим:

— Вы жизни нашей цветы!

Мы знаем, течение яростных рек смирилось с этого дня,
О новой жизни они поют, хрустальной волной звеня,
И в новой песне славят детей, чьи так прекрасны черты.
И детям сегодня мы говорим:

— Вы жизни нашей цветы!

Растите же, дети, пусть будут отцы горды за сынов
своих,
С улыбкой смогут отцы уйти, раз дети достойны их. . .
Они продолжают отцовский труд и в жизнь воплотят
мечты.

И детям сегодня мы говорим:

— Вы жизни нашей цветы!

Берете вы маленькие флажки из наших мозолистых рук,
Ведь звонкие песни ваши взошли из наших тяжелых мук,
Отцы в борьбе вам открыли мир и правды и доброты.
И детям сегодня мы говорим:
— Вы жизни нашей цветы!

1925

123. ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Источник радости глубокой — твоя любовь.
Она уже хмельным потоком не будит кровь.
Безгрешной стала и высокой твоя любовь.

Источник светлого покоя — твоя любовь.
Омыт ее живой струей, я счастлив вновь.
Не опалает грудь тоскою твоя любовь.

Я бушевал, с тобою споря, бывал жесток,
Во мне, бунтуя, билось горе, кипел упрек,
Как жаждал превратить я в море любви поток!

И вот мы стали чище, выше игры страстей.
Теперь спокойно каждый дышит в тиши ночей.
Я песнь возвышенную слышу в душе твоей.

Ты стала близкою, родною. Сбылись мечты.
Преображенною, иною предстала ты:
Сияют миром, тишиною твои черты.

В тебя вдохнув живое пламя, я создал сам
Любви, не гаснущей с годами, высокий храм,
Чтоб в нем, склонясь, прильнуть губами к твоим
рукам.

Пусть свет любви нас озаряет — он жизни часть,
Пусть радость светлая смиряет печали власть.
И нас навек соединяет любовь, не страсть!

Источник радости глубокой — твоя любовь.
Она уже хмельным потоком не будит кровь,
Безгрешной стала и высокой твоя любовь.

1925

124. МОЕ ПЕРО

Вперед, перо, не знающее страха, —
Оружие, готовое к боям!
А ну, давай покажем молодежи,
Что мы с тобой не постарели тоже,
Будь молодым, перо, как Гёте сам!

Пусть говорят, что твой поэт дряхлеет,
Что болен он, что он давно устал,
Что нет у старика ни сил, ни страсти,
Что не имеет он над рифмой власти, —
Вперед, перо, разящий мой металл!

Вперед, вперед!гляди, идет к нам муза,
И кровь ее быстра — тигрицы кровь.
И вдохновение мое пылает горном.
В цель не попасть вовек наветам вздорным:
На поле битвы мы с тобою вновь!

1925

125. МОИМ ДРУЗЬЯМ

Не напрасны были мучения:
Словно каменщик, строю здание.
За страданием — созидание.
Не напрасны были мучения.

Закалили мой дух гонения.
Кто бессмертья ждет — пусть
мужается,
В схватке с смертью не содрогается,
Не встает перед ней на колени.

Не напрасны мои борения, —
Я достиг победы хоть в старости.
Ни печали нет, ни усталости,
Эстафету вручаю смене я.

2 июня 1928

126. ПАМЯТИ СТЕПАНА ШАУМЯНА

Мы не хотели верить, будто там,
В степи, он пал, залитый кровью алой.
Мы говорили — он вернется к нам,
Мы думали, угроза миновала.

Но весть пришла — его и двадцать пять,
Измученных в застенке палачами,
Преступники решились расстрелять —
Предательски убили англичане.

И душу охватил, как пламя, гнев.
Где ты, Степан, герой наш! Неужели
Ты не придешь, чтобы, слезу стерев,
Мы на тебя еще раз посмотрели?

И вот пришел: на лбу глубокий шрам,
В крови лицо и тени под глазами.
Он из бессмертия вернулся к нам,
В родные горы, — повидаться с нами. . .

И ум и сердце наше тронул он —
Борьбы заветом речь его звучала.
Он призывал, бессмертьем озарен,
Стереть с лица земли твердыни капитала.

20 сентября 1928

127. НА ШЕЛКОМОТАЛЬНОЙ ФАБРИКЕ

Ни ульев рядом, ни сот,
А слышен пчельный гуд,
И будто с горных высот
Ручьи сбегают, текут.

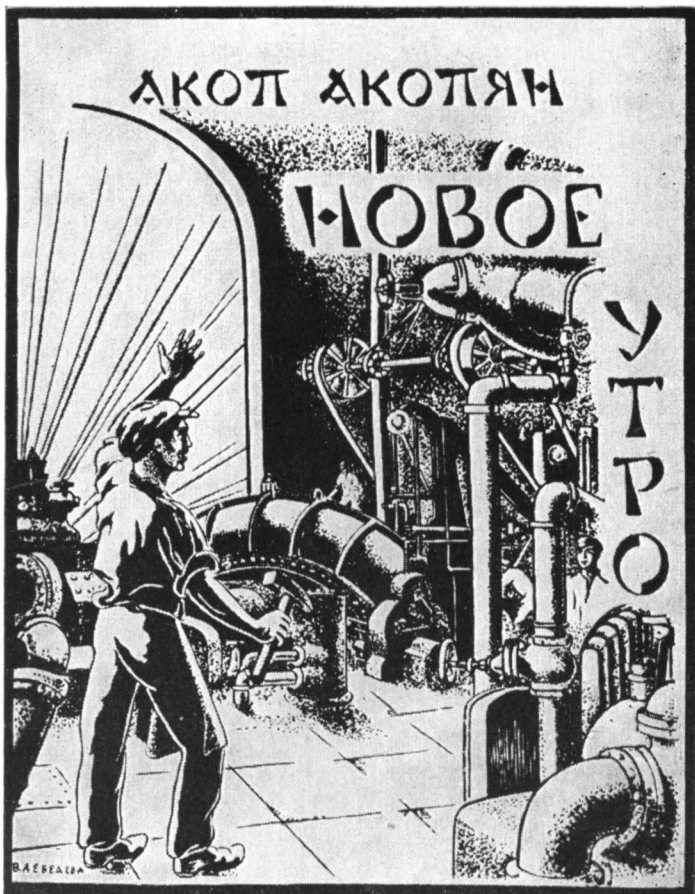
Станков нескончаем ряд.
Улыбки женщин вокруг,
Огнем их взоры горят,
Безмерна сила их рук.

Поет здесь веретено,
И каждый поет моток, —

АКОП АКОЛЯН

НОВОЕ

УСТРО





Певучим звукам дано
Сливаться в один поток:

«Из этих нитей — они,
Как наша воля, крепки —
Трудом заполняя дни,
Грядущее наше тки.

Из этих нитей — они,
Как наша воля, крепки —
Сплети аркан, и врага затяни,
И саван врагу сотки».

28 сентября 1928

128. ПРИЗЫВ К СОРЕВНОВАНИЮ

К ТРУДЯЩИМСЯ КОЛХОЗА ИМЕНИ АКОПА АКОПЯНА

Привык я бороться и побеждать,
Привык людей я к свободе звать.
Всегда и везде говорил рабочим:
«Жизнь сумею за вас отдать!»

Бывало, я говорил друзьям:
«Все силы свои народу отдам!»
И вы боролись за правое дело,
Как надо бороться большевикам.

Меня на пути стерегла беда,
Одолевала меня нужда,
Но я всегда о народе думал,
О личном не думал я никогда.

Последним грошом — достояньем моим —
Делился с товарищем, братом родным.
Всё, что имел, друзьям отдавал я
И предавался песням своим.

Я к цели намеченной твердо шел,
Других за собой неуклонно вел.
Никто не может сказать с упреком,
Что я свои дни бесцельно провел.

Я с вами, я ваш рабочий поэт.
Сегодня задачи почетней нет:
Пусть будет колхоз наш в ряду сильнейших,
Пусть он добьется больших побед.

Так порешим мы с вами сейчас:
Выполнить должен каждый из нас
(Я — стихами, а вы — урожаем)
Великого Ленина мудрый наказ.

И это будет подарок большой
Народу, партии нашей родной.

18 октября 1930

129. РАСТЕМ

Были поместья — совхозы сейчас
Вширь разрослись.
Были рабыни, — а ныне у нас
Век героинь.
В них нашей будущей жизни расцвет, —
Зорче взглядись.
Труд закипает колхозный, куда
Взгляды ни кинь.

Свеклы поля теперь, хлопка поля
Зреют у нас.
Нам обещают большой урожай
Смело они.
Новые люди полей, городов,
К свету стремясь,
Солнце зажгли социализма, судьбы
Новой огни.

Извести запах, смолистых стропил
Всюду стоит.
Фабрики, школы, жилые дома
Строит народ.
Встал Дзорагэс. Он Лорийский массив
Дерзко крошит.

Львиная сила в нем, мощный напор.
Горд его взлет.
Сказочен рост наш, мир о таком
Не знал никогда.
Десятилетье минуло едва —
Сколько побед!
Энтузиазма достигнув вершин,
Люди труда
Светлое будущее создают
В несколько лет!

29 ноября 1930

130. ЭЙ, БАКУ...

Эй, Баку, беспокойный каспийский простор,
Возвратился к тебе я опять!
Ты влечешь, ты волнуешь меня до сих пор,
Только чем — не умею сказать.

Разве тем, что навеки я связан с тобой
Днями юности бурной моей,
Что доносит ко мне твой кипучий прибор
Гул борьбы ее, всплески страстей?

Не могу я постигнуть, каким колдовством
Так пленить мое сердце ты смог?
Сколько бед натерпелся я в пекле твоём,
Сколько вынес лишений, тревог!

Я годами вдыхал черной копоти яд,
Но от вышек твоих вдалеке
Как он сладок был мне, нефтяной аромат,
Как рвалось к нему сердце в тоске!

Эй, Баку, беспокойный каспийский простор,
Возвратился к тебе я опять!
Ты влечешь, ты волнуешь меня до сих пор,
Только чем — не умею сказать.

*1930
Баку*

131. НА ДЗОРАГЭСЕ

Голос твой приятен мне,
Друг мой — дизель Дзорагэса,
Нынче весел я вдвойне
От твоих веселых песен.

Некогда в ущельях гор
Лишь свирель пастушья пела.
А теперь, с недавних пор,
Ширь гудками загудела.

На горах лишь волчий вой
Слышался однообразный,
А теперь во тьме ночной
Блеск огней тысячеглазый.

Мощь заводам ты даешь,
Жизнь становится всё краше,
И охватывает дрожь
Недругов коварных наших.

Завтра дело завершишь,
Многозвездный выткав пояс,
В край иной ты поспешишь, —
Жизнь растет повсюду, строясь.

Дзорагэсскому певцу
Я сулю судьбу большую,
Победителю борцу
От души рукоплещу я.

1930

132

Весенний полевой цветок,
Как встарь, ласкает душу мне.
Я осень от себя гоню,
Я шлю приветствия весне.
Гром, ветер, молния, гроза,
Как прежде, входят в душу мне.
Я счастлив. Молодость со мной,
Я сердцем обращен к весне.

В колхозах много крепких рук
И мыслей о грядущем дне,
Я жду великих перемен,
Я ожидаю их к весне.

29 марта 1931

133—135. ИЗ ЦИКЛА «БОЛЬШЕВИЗМ»

1

ПЕСНЯ СТАРОГО ГВАРДЕЙЦА

Солнечный, радостный мой большевизм,
Ты не боялся тюрьмы и Сибири.
Славлю тебя я сегодня на лире.

Пламенный, борющийся большевизм,
Самодержавья ты сверг самовластье.
Слава борцам за народное счастье!

Радость и гордость моя, большевизм,
Жил я тобою, дышал я тобою. . .
Знамя сегодня твое — над страной!

Красному знамени песнь я пою.
Реет оно и багряно пылает,
Гордое, в каждой стране побеждает.

Я и сейчас в большевистском строю,
В битве не сломлен, оваян борьбою, —
Пусть я в морщинах, но молод душой!

Солнечный, радостный мой большевизм!
Счастье, что дал ты родимому краю,
Я, твой поэт-большевик, прославляю!

30 мая 1931

2

ТРИ ОРДЕНА

Нам все сраженья зачла гроза,
За каждое чем-нибудь наградив.
И эти отличья, как партизан,
Ношу я с гордостью на груди.

За первый бой наградами мне
Были Метехский замок-тюрьма
Да шрам от нагаечки на спине —
Ту плетку казак об меня ломал.

Вторая награда похолодней —
Ссылка в выморочном краю.
Чахоткою до скончания дней
Там крепко отметило грудь мою.

А третьим отличием от царя
Сибирская каторга мне была,
Она в моих жилах сидит, горя,
Словно отравленная смола.

Так чем же я нынче не похожу
На партизана-бородача?
По праву три ордена я ношу —
Героя, Сраженья и Ильича!..

8

Я старый, заслуженный большевик,
Всю жизнь слова, как бомбы, метал,
К суровым подпольным боям привык
И лучшим уделом это считал.

В борьбе и восстаньях закалена
Упорная воля моя была.
Тюрьма мне ведома не одна,
А в ссылках жизнь на четверть прошла.

Но я не прятался в уголок,
Я нашим знаменам не изменил,
Но я большевистский завет сберег,
Я в сердце своем его сохранил.

Я старый боец. И правда моя
Велит мне по-прежнему в бой идти.
На каждой маевке листовка я
Красными буквами — на, прочти!

Да, я из старых большевиков.
Из старых — да новые дни пою!
А лучший в мире удел таков:
Участье в нынешнем нашем бою.

1932

136. РИОНГЭС

Гей, Рионгэс,
Я, видевший великий Волховстрой
(Он старший брат твой, славный
Днепрострой)

И молодую, стройную Загэс,
Я, ранее воспевший Дзорагэс,
Приветствую тебя, о ГЭС чудес!

Могучих шлюзов видел я размах,
Плотины, что вздымаются горой,
Я Ширканала ширь воспел в стихах
И степи подпирающий Свирьстрой.

Вокруг тебя пологие холмы
Закутались в зеленый плащ лугов,
Твои огни сверкают среди тьмы,
Отрадно слышать твой немолчный зов.

Уходит высоко за облака,
Лозою выгибаясь, каждый свод.
Как Иматры струистые шелка
Мятущиеся массы пенных вод.

Твои огни. . .
Как сердце бурно радуют они!
Отмечен путь твой яркой сетью звезд,
Твой каждый столб — как в будущее мост,
Как памятник, что славит наши дни.

О, мощь твоя! . .
Основы новой жизни, бытия
Она скрепляет прочно, как бетон,
Она питает током Зестафон,
В горах Сурамских бьет ее струя.

Гей, Рионгэс,
Из Кутаиси мрак навек исчез,
И в селах недостатка в свете нет.
Тебя воспеть пришел старик поэт,
Он славит мощь твою,
Твой яркий свет!

1932

137. ЛИРИКА СТАРОСТИ

Я помню далекие дни, весенний мой возраст счастливый,
Когда молодая листва шумела и пела кругом,
Когда бушевали в садах соцветья душистые сливы
И под ноги стлалась земля пушистым зеленым ковром.

Я помню, как по вечерам окраины сонной молчанье
Крикливой своей болтовней тревожил влюбленный удод,
Как, вспенясь от полой воды, с каким-то свирепым
урчаньем
Гянджинка гнала, ошалев, разбухшие бревна вперед.

Я помню, на розы взглянуть прохожих сады приглашали,
Над городом медленно плыл дурманящий их аромат.
Уже осыпался миндаль, в цвету абрикосы стояли,
И нежные их лепестки пронзал золотистый закат.

Промчались года. И опять зеленый апрель надо мною
Шуршит молодой листвой, прохладой в лицо мне дыша.
Состарило время меня. И всё-таки каждой весной
Со всею землей заодно опять расцветает душа.

3 февраля 1933

138. ПАМЯТИ ГЕРОЕВ МАЙСКОГО ВОССТАНИЯ

В те тревожные боевые дни
Героически поднялись они
Против мира зла, презирая страх.
Стяг восстания был у них в руках.

Бронепоезд шел из зеленых гор,
На зеленый луг выходил стальной:
Горы — позади, впереди простор...
И в сердцах бойцов — боль за край родной.

В бронепоезде — большевистский строй,
Люди доблестно там стоят стеной.
Там и врач Фанян, и Алавердян.
Это смелых штурм! Огненный буран!

Но из пушек бьет враг со всех сторон.
Днем и ночью бой. Вот окончен он...
Смельчаки — в плену. Их ведут толпой.
По полю ползет дым пороховой.

Поражение? Нет, оглянись назад:
То была одна из великих дат
Революции и ее побед —
Боевой этап, слава бурных лет.

Пусть Мусаэлян и Фанян в цепях
На кровавый пол брошены в тюрьму...
Багдасарову новый в сумерках
Замысел пришел — хочется ему

Вожаков убить под покровом тьмы
Ночью майскою у стены тюрьмы,
И потом пускай среди гор и скал
Их на части рвет и грызет шакал!

И Фаняна вот наступил черед.
Он в тифу лежит. Перекошен рот.
Жар мучителен и неукротим.
Сорок градусов! Но пришли за ним...

Жаждой мучится — еле дышит он:
«Пить! Воды, воды! Хоть один глоток!»
Мечется в жару, слышен тихий стон.
И тогда в двери заскрипел замок.

Багдасаров сам допросить пришел.
Смотрит он, как зверь, разъярен и зол:

«Верно, ты, Фанян, кушал жирный плов?
Хочешь пить? Ну что ж, я помочь готов...»

И тифозного — суд их очень скор —
На расстрел ведут. Ночь, тюремный двор.
Но едва тюрьмы перешел порог,
Бездыханный, он повалился с ног.

То тревожные боевые дни!
Но восставшие знали — будет час:
Старый мир падет, победят они!
И геройство их вдохновляет нас!

25 апреля (8 мая) 1933

139. ПИСЬМО С ЛЕНИНАКАНСКОГО РАБФАКА

«Клянемся быть достойными тебя,
Как ты, за свет бороться против мрака» —
Так мне задорный коллектив ребят
Писал с ленинаканского рабфака...

Рабфак тот назван именем моим.
Выпускники — мои корреспонденты.
Свет новой жизни ярко блещет им —
Столичных вузов завтрашним студентам.

Прислали фотографию с письмом:
Передо мною, как в большом букете,
Все сорок восемь на листе одном —
Весны цветущей яркие соцветья.

Орлята смелые перед певцом
Стоят и смотрят прямо, дерзновенно...
И вспомнил я, как клялся стать борцом
В дни юности горячей, незабвенной.

Прошла перед глазами жизнь моя.
Нет, я великой клятвы не нарушил!
До глубины сердца взволновался я, —
Я верю вашим юношеским душам!

26 мая 1933

140. ЕРЕВАН

Нашей стране лишь тринадцатый год,
Тополем стройным она поднялась.
Славьтесь, великий свободный народ,
Партия наша, Советская власть!

Был лишь недавно родной Ереван
Скопищем глиняных кровель и стен,
Точно верблюдов прилег караван
И уж не в силах подняться с колен.

Камни дробятся, стучат молотки. . .
Сколько дворцов здесь теперь вознеслось!
Стены из красного туфа крепки,
Город как будто в пылании роз.

Прежде глухой, освещенный едва,
Он заблестел, заискрился сейчас.
Он озарен, как ночная Москва, —
Можно читать здесь в полуночный час.

Кружится, кружится дни напролет
Яростной стройки у нас карусель,
Лишь оборот — и уж близится цель —
На ноги новая площадь встает.

Нашей стране лишь тринадцатый год,
Тополем стройным она поднялась.
Славьтесь, великий свободный народ,
Партия наша, Советская власть!

22 ноября 1933

141. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БАЛЛАДА

Кто не ведает, что с крутой скалы
Из Метехи кровь — солона, тепла —
По камням текла на исходе мглы
И багряною вся Кура была.

С каждой каплею алой крови той
Гнев народа рос — то бурлив, то нем, —

Палачам грозя, нависал скалой,
Чтоб, обрушившись, их смести совсем.

В предрассветный час, чуть взойдет заря,
Волны бурные — гнев и скорбь Куры —
Свой протест несли, янтарем горя,
Берег каменный начинали рыть.

Потрясен тогда восставал Тифлис,
Слыша скорбную о расстреле весть,
И рабочие победить клялись —
На окраинах закипела месть.

Кто не ведает, что в году не раз,
Обагрив Куру, кровь струями шла,
Кровь струями шла, и звала Кура,
Чтобы гнет веков мы смели дотла.

1933

142. В ТО УТРО

Как будто вчера еще, только вчера,
Окончилась та боевая пора...
На подступах к городу пламя и гул,
Раскат орудийных послышался дул.

Товарищи наши готовят прорыв,
Для Армии Красной дорогу открыв.
Мы знаем, что будут враги сметены,
Что завтра мы вышвырнем их из страны.

В ту зимнюю ночку, задолго до дня,
Смятенье в Тбилиси, глухая возня, —
Жордания с присными утра не ждал,
На запад поспешно предатель бежал.

И близится, близится — все говорят —
К окраине красноармейский отряд.
И с пятиконечной звездой на груди
Торжественно движется танк впереди.

Из люка веселый боец поднялся...
Нам красное знамя плеснуло в глаза.
И девушки — сколько их тут собралось! —
Его осыпают охапками роз.

Он алые розы с улыбкой берет,
И движется в розах машина вперед.
Так в утренний час, улыбаясь светло,
В Тбилиси грядущее наше вошло!

1934

143. МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят: «Ты долго жил,
Ты отдых честно заслужил.
Твое горячее перо
Воспело правду и добро.

Ты очень стар, — мне говорят, —
Пусть будет светел твой закат.
Пусть будет бури лишена
Его большая тишина».

Я спрашиваю: «А волну
Вы закуете в тишину?
А Волга, слыша вашу речь,
Сумеет по-иному течь?»

Нет, отдыхать я не могу —
У родины еще в долгу.
И только смерть, никто другой,
Меня отправит на покой».

8 июня 1935

144. СОЛНЦЕ И ТРУД

(Беседа)

Задумало Солнце, поднявшись в зенит,
Построить по-новому всё мирозданье:
Пускай человечеству счастье звенит,
Пускай позабудет оно про страданья!

Взметнулись лучи огневые, ища
Товарища в битве, помощника в братстве:
«Эй, Труд! Если хочешь, начнем сообща!
Кому же еще рядом с Солнцем стараться!

Отныне союз заключаем с тобой
И честных условий его не нарушим.
Ведь соревнованье в работе любой
Полезно живым человеческим душам!»

«Что ж, мудрое Солнце, я, право, не прочь! —
Откликнулся Труд. — Принимайся за дело.
Готов я твоим начинаньям помочь,
Чтоб мощь не иссякла и страсть не хладела!»

И Солнце, подобно павлиньим хвостам,
Стоцветных лучей веера развернуло,
Пробилось оно к черноземным пластам,
К земле поцелуем горячим прильнуло.

Запела морская волна горячей,
И в тучах седых закурчавилась влага,
И хлынули с гор миллионы ключей
На радость природе и людям на благо.

И ринулись воды потоков, бурля,
На вешние нивы, на хлебные пашни.
Проснулись для жаркой работы поля
И маршем пошли в наступленье бесстрашно.

Пошли в наступленье на каждый колхоз,
Направились храбро к амбарам и гумнам.
И следом поплыл за обозом обоз
К фабричным поселкам и ярмаркам шумным.

А жгучие стрелы рассвета прожгли
Стоячую гнилость болот одичалых.
И людям досталось богатство земли,
Где издавна яд малярии встречал их.

И в чайных плантациях, в цитрусах вся,
Блаженно дыша ароматом цветений,
Лежала земля, благодарно неся
И солнечный зной, и вечерние тени.

И вот уж огнем изумрудным горят
Лимонные и апельсиновые рощи.
С Аджарией нынче становится в ряд
Абхазия в блеске полуденной мощи.

И там, где жила лихорадка одна,
Сосавшая кровь поколений от века, —
Горит поколениям новым весна,
Кончается древняя скорбь человека!

А Труд говорит: «Вот что сделано мной
Без помощи Солнца в далеких походах.
Пока ты пылало над твердью земной,
Я глаз не смыкал, забывая про отдых.

Не тратил я попусту дней и ночей,
Себя не жалел до кровинки последней,
Всё яростней действовал, всё горячей
Боролся с природой за план пятилетний.

Подобно твоим огненосным лучам,
Я шел по своей триумфальной дороге
И кряжей скалистых отроги встречал,
Но передо мной расступились отроги.

Росли корпуса у Магнитной горы.
Созвездья заводов сливались друг с другом.
Мне сталь и чугун предлагали дары,
Рожденные в дружестве тысячеруком.

Вздымались гигантские профили стен.
Ушли котлованы в земную утробу.
И каждая домна, и каждый мартен
Осанкой своей удивляли Европу.

И каменный уголь пошел на-гора,
И тоннами кокса он стал на Урале.
Кузнецк и Магнитка, как брат и сестра,
В невиданных подвигах темп набирали.

Недаром у нас говорится, что Труд
Есть дело геройства, и чести, и славы.
Недаром гудки и сирены поют
Во славу грядущего гимн величавый.

Взгляни на седые пороги Днепра,
Грозившие раньше ладьям быстроходным.
То руки мои, поработав вчера,
Открыли дорогу по пажитям водным.

И Днепр, словно море, сегодня широк.
По воле моей он волну свою катит.
И тысячелетний окончится срок —
Энергии волн человечеству хватит.

Там с Балтикой — Белое, с Волгой — Москву
Связал я каналом, как дружбой сердечной...
Я многое завтра еще доскажу
В поэме Труда, как и Труд, бесконечной!»

Ноябрь 1935

145. К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Был день февральский снеговой.
Далёко у Коджор
Мы услышали ветра вой:
«Тяжел наш день, тяжел!»

Гроза гремит или горят
Столетние леса, —
Не большевистский ли снаряд
Вдали разорвался?

И вот уж к городу близки,
Хоть славных жертв не счесть,
Красноармейские полки,
Неся народа мечь.

Солгал Жордания своим,
Что верит в толщу стен:
«Тбилиси наш неуязвим!
Мы повторим Верден!»

Но неприступных крепостей
Нет для большевиков.
Жордания с ордой своей
Сбежал и был таков. . .

И Мамисонский перевал
Стал западней ему.
Недолго старый волк петлял —
И провалился в тьму.

В тот день Тбилиси в первый раз
Вдохнул за много лет.
В тот день свобода родилась
И стерся черный след.

Национальной розни, лжи,
Насилья и вражды,
Всех пьяных шатий кутежи,
Все призраки нужды —

Они, задворками влачась,
Исчезли навсегда.
Рассвет вставал, как грозный час
Народного суда.

Февраль 1936

146—147. ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

МОЯ ПЕСНЯ

Из санаинского твердого камня дом себе вырубил я,
Из агаринского сахара, братья, песнь отливалась моя:
Если ты драться с врагом не умеешь, то приходи,
поучись,
Ибо из классовых грозных сражений песня рождалась
моя.

2

Я в зеркале воды себя увидел:
Уже я сед, и неизбежна старость...
И тихо мне сказал цветок осенний:
«Ушло намного больше, чем осталось...»

ПОЭМЫ

148. НОВОЕ УТРО

Stell-e

1

Ты ожила, пылая силой,
О муза юности моей,
И вновь со мной заговорила
О радостях минувших дней.

Они в садах жемчужно-нежных,
Блаженства детского полны,
Неслись потоком безмятежным
Под буйным ветерком весны.

Что наша жизнь? Волшебной песней
Она летит, как водомет,
И, чем звучит она чудесней,
Тем эхо горестней замрет.

Жизнь — это тканая картина,
Ковер из тысячи цветов.
Жизнь — это всех морей пучина,
Безумство бешеных валов.

Она бушует горделиво,
И топит хрупкие суда,
И вновь гудит, в своих порывах
Не утоляясь никогда.

Ты ожила, о муза! Снова
К поэту новых дней пришла!

ՅԱԿՈՒ ԾԱԿՈՐԾԱՆ

Ն Ո Ր . Ա Ռ Ա Ի Օ Տ

(ՊՕԷՄ)

1910 Ք.

Я позабыл тоску былого —
Ты вновь мне радость принесла.

Ты вновь явила облик дивный —
Его я много лет искал!
И вот на голос твой призывный
Ко мне пришел мой идеал.

Давно мечтой о нем томимый,
Я знал его по снам своим.
Но, призрачный, неуловимый,
Он был всегда недостижим.

2

Вот она! Вот она! И почувствовал я,
Что дыхание жизни моей — лишь она,
Что в глуби моего и ее бытия
Есть созвучные струны. . . Запела струна,
Нам обоим знакомой печалью полна.

О, как сладко вдвоем! Я гляжу и гляжу,
Оторваться нельзя от пленительных глаз.
С каждым взглядом я новое в ней нахожу,
И неведомой думы сияет алмаз
Каждый раз, как взгляну на нее, каждый раз.

В этих грустных глазах целый мир для меня.
Улыбнешься — и скорбь промелькнет на устах.
Беспредельное горе в глубоких глазах.
Что же мучит ее, сердце болью тесня?
Но чарует лицо, и зовя и маня.

Что волнует ее? И какую мечту
Затаила она? Не понять, не узнать!
Видно, юность ее в самом первом цвету
Налетевшею бурей была сметена, —
Видно, много невзгод испытала она!

Но страдальческий путь не убил красоты.
О, как я полюбил этот ласковый лик!

Наглядеться нельзя на родные черты.
В день разлуки грушу без нее каждый миг,
Будто траур навеки мне к сердцу приник.

Я один. Тает в комнате сумерек мгла.
Так покорно я жду: вот придет, вот придет
И тоскливую дверь распахнет.
И, рыдая, мне скажет: «Смотри, я пришла,
Счастья первую радость тебе принесла.

Я ведь знаю, тебя задушила тоска.
Вот, смотри, я пришла успокоить тебя,
В одиночестве горьком тебя приласкать,
Чтоб ты мог облегчить свое сердце, любя,
Чтоб ты знал, что разлука и мне нелегка».

Так ты будешь шептать, приходишь и шептать,
И опять и опять в темноте исчезать,
Как едва уловимый, ласкающий свет.
И, очнувшись от грез, я увижу опять,
Что тебя уже нет, что тебя уже нет.

3

Вновь я вижу тебя — ты сидишь одиноко
И глядишь на меня испытующим оком.
Изучаешь меня? Или любишь меня?
Не могу я понять.

В этот странный, молчаньем наполненный час
Я одно только чувствую: зов твоих глаз.
И впервые сверканье солнца и дня
Получает свой радостный смысл для меня,
И сливается ласковый отблеск лучей
С глубиною моей.

Да, ты долго глядишь. И глядишь ты тайком.
И глаза твои схожи с живым родником.
Он течет, прикрываясь тенистой листвою,
Он струится мне в сердце звенящей молвой.

Изнемог я от зноя, прохлады хочу
И к прозрачному жажду приникнуть ключу.

Я к нему припадаю, чтоб душу открыть
И, рыдая, отрады испить.

Но мгновенье — и всё исчезает из глаз,
Словно дикая лань, что в леса унеслась.
И я вижу — о горе — тебя уже нет!
Тебя уже нет!

О, как меня эти очи манят!
Как маргаритки, чарует их взгляд!
Грезят они, жаждут жизни и ждут,
К Новому Утру зовут.

К жизни летят они, новой и мудрой,
Полной волнений, желаний и страсти,
Вихрей блаженного счастья.
Ждут они Нового Утра!

4

Боль издавна кипит в крови,
Моя душа тоской больна.
Так долго жаждущий любви,
Я трепещу в ее волнах.

Проснулась страсть во мне опять,
И сердце задрожало так,
Как могут струны трепетать
И в нежной ласке задрожать
Любимой женщины уста.

И весь я трепетом объят.
Волненье сладкое во мне,
Как над цветами аромат,
Что замирает, опьянев.

Жизнь. Почему ты лишь одна?
Ста жизней мало для меня,
Чтоб их тебе отдать сполна,
На радость встречи обменять.

Как океана глубина,
Приливом сил бушует грудь.

И я хочу к тебе прильнуть
И, как звенящая волна,
Твои колени захлестнуть.

И мрамор ног твоих лобзать,
И пламенно тебе сказать:
«Я не любил так никогда,
Но буду так любить всегда».

И вдруг очнусь — и свет уныл. . .
Я одинок, мне мир постыл.
Тебя уж нет! Тебя уж нет!
Ты, как мечта, ушла, как сон!

5

В последний раз ты мне явилась
Как бы из сказки голубой.
Ты одиночеством томилась,
Как грезящий простор морской.

Закинув голову устало,
Заламывала руки ты.
Скажи, о ком ты тосковала?
Куда неслись твои мечты?

Я видел муку мысли гибкой,
Сомненье, скорбь в твоих чертах,
И лишь мгновеньями улыбка
Сияла на твоих устах.

Добро ль со злом в тебе боролись?
Была ль ты счастлива в мечтах?
Томил воспоминаний голос?
Пред днем грядущим мучил страх?

И я задумался: быть может,
Ей кто-нибудь желанен стал
И, может быть, ее тревожит
Любви высокий идеал?

Скажи мне, друг, какая сила
Тебя влечет, какой титан?

Какое небо озарило
Души смятенной океан?

Быть может, это — жажда счастья?
Иль вольный разума полет?
Иль пир земного сладострастья?
Иль пышность праздная зовет?

О, если б дум твоих властитель
Знал, как измучен я тоской,
Какие солнечные нити
Связали жизнь мою с тобой!

Он мне б тебя, наверно, отдал,
И мы с тобой, товарищ-друг,
Вошли б в заветный мир свободы,
Сплетя две жизни в общий круг.

Ведь что один? Порыв бесплодный!
Один — пустынная страна,
Где сохнут в муке безысходной
И гибнут жизни семена.

Один — как тень. И кто б он ни был,
Он — без начала и конца.
Он звук глухой пустого неба,
Без отзвука и без лица.

Иное — тысячи! Иное —
Мильонов натиск мировой!
Под их могучею волною
Мир содрогается живой.

Но в общей жизни есть тернистый,
Нелегкий путь для нас двоих,
И тем путем, мой друг лучистый,
Идти нам меж людей других.

Там жизни солнце золотое
Тебя, лаская, обоймет,
И воплощенною мечтою
Мне Утро Новое блеснет.

Если ты, моя родная,
 Без которой жизни нет,
 Ищешь правды, обещая
 Утра Нового рассвет;

Если, сердце лаской грея,
 Твой прекрасный взор не лжет,
 Так давай пойдем скорее
 На любимый мой завод.

Там никто из нас не будет
 Думать только о себе.
 Стали братьями там люди
 В трудовой своей борьбе.

С бою там берется счастье, —
 Вдохновеньем молодым
 Там, горя высокой страстью,
 Мы мечты соединим.

И не только наслажденье
 Мы тогда в любви найдем:
 Жизни каждое мгновенье
 Вместе мы переживем!

В жизни строгой и суровой
 Будешь ты со мной расти.
 С детства друга дорогого
 Я мечтал себе найти.

Только ты пойди со мною,
 Жалкий жребий свой забудь, —
 Я хочу пройти с тобою
 Новой жизни светлый путь.

Пойдем на завод! . .
 Но послушай, родная,
 Там травы стебелек не растет,
 И деревьев земля там не знает.

Птицы там не щебечут весной
И ручей не поет.
Ничего там под темной стеной
Не цветет.

Облаков не увидишь ты там,
Озаренных луной.
Не прильнет там к твоим щекам
Солнца радостный зной.

К небесам голубым
Не деревья вздымаются там, а столбы,
И на них не зеленый покров,
А колючая сеть проводов.

Вместо птичьих живых голосов
Ты услышишь там грома грозней
Гневный грохот станков
И безумный скрежет ремней.

Там дышать не дают дым и жар,
Облаками вздымается пар.
Не прохладный ручей там течет,
А льется струями пот.

Там не розы сверкают огнем —
Кровью там истекают сердца.
И кругом
Лязг и шум без конца. . .

В небо копотью дышат густой
Труб высоких разверстые пасти,
Будто нету над ними людской
И не может быть власти.

Ты пройдешь между мокрых стен
мастерской —
Взгляни!
И коснись их рукой:
Это потом рабочих покрылись они.

Войди под свод завода,
Войди туда скорей!
Увидишь ты под сводом
Трудящихся людей.

Рабочий почернелый,
Весь в копоти, в дыму,
С огнем там бьется смело. . .
Недолго жить ему!

Ваал ему на плечи
Уселся и гнетет,
Иль руку искалечит,
Иль ногу перебьет.

Не раз глубокой ночью
Я видел: горн пылал,
Слепил глаза рабочим
И, как вишاپ, дышал.

Кузнец стоял, спокоен,
Огнем весь озарен.
Мозолистой рукою
Ковал железо он.

Не уступая горну,
Упорно он ковал,
Чтоб, молоту покорный,
Оформился металл.

Я думал: вот откуда
Берет закалку он!
Вот почему, как в чудо,
Он в красный цвет влюблен!

Хоть пот струею льется
У кузнеца со лба,
Он своего добьется
Там, где кипит борьба.

Бездушному металлу
Дает он к жизни путь,

И силы небывалой
Полна худая грудь.

Он волю закаляет
Железную свою
И верой укрепляет
Успех в любом бою.

Не раз друзей-титанов
В литейном я видал,
В работе неустанной
Их силу наблюдал.

Вагранка накалялась.
Вокруг и стар и юн
Стоят, забыв усталость. . .
В печи бурлит чугуны.

Вот-вот она взорвется!
Неукротим огонь
И над людьми смеется:
«Погибнешь! Только тронь!»

Здесь робких не бывает!
Настал желанный срок —
Вагранке протыкают
Могучим ломом бок.

Печь искрится огнями. . .
Металл течет сильнее. . .
И кажется, что пламя
Готово сжечь людей,

Рабочему не страшно,
Смеется он в ответ. . .
Он здесь растет отважно
Для будущих побед.

9

Как будто лава из вулкана
Несется огненным потоком,
И ведра кипени багряной
Несут рабочие к опокам.

Тяжелый путь и смертоносный!
Нельзя на шаг тут оступиться.
Вдруг мастер крик бросает грозный —
И в рты опок металл струится.

Вишاپ там бьет крылом и лапой
И пышет серою зловонной.
Но кто же взглянет на вишапа?
Он сдался воле непреклонной.

Спокойно, гордо и упорно
Литейщик смотрит на опоки. . .
Металл бездушный принял форму.
Да здравствует ваш труд высокий!

10

Там, между алых кипящих лавин,
Ты их увидишь в сверкающем свете.
Тысячи там — как один,
И один там — как тысячи эти.

Там, в этой кузне, под сводами хмурыми,
Люди мужают и крепнут умы,
Мертвая жизнь разрушается бурями,
«Я» отливается в мощное «Мы».

11

В глухом лесу стою, тоскую,
Зову подругу дорогую:
«Пойдем со мною на завод! . . .»
Она не слышит, не идет.

Из леса выйду на поляну
И на цветы лесные гляну.
Любой цветок к себе зовет. . .
Она не слышит, не идет.

Ее зовет судьба другая.
Она живет, в мечтах витая.
Ее, как слабый лепесток,
Унылых дней умчит поток.

Сказал однажды Гераклит,
 Что под луною все течет. . .
 Вновь счастье от меня бежит,
 Вновь одиночество гнетет.

Я понял: милая моя,
 Боясь борьбы, покой любя,
 Ничтожной жизнью хочет жить.
 Как мог ее я полюбить?

Я понял: в вихре молодом
 Горел я сам своим огнем,
 Горел я тем огнем, что нас
 Охватывает только раз.

1909

149. КРАСНЫЕ ВОЛНЫ

Часть первая

* * *

Закат безмолвно озарил природу,
 И солнце вскоре заходить должно.
 В наследство оставляет небосводу
 Свои богатства дивные оно.
 Какой чудесной, нежною палитрой
 Небес волнение отражено.
 И в час, когда кончался день усталый,
 Запел гудок.
 «Свободны вы!» — торжественно сказал он,
 И труд умолк.
 И всё, что за минуту бушевало,
 Всё то, что нес рокошущий поток,
 Вдруг замолчало.
 Вот, вот они — плетущиеся тени,
 Усталых душ бесчисленный парад.
 Тяжелые, предгрозовые тучи
 Плывут, молчат.
 Плывет толпа в немом оцепененье,

За рядом ряд,
Таится в ней суровое молчанье,
Величье в ней. . .
Безмолвный крик глубокого отчаянья
Грозы страшней.
Потоком черным движется шеренга
Иссохших женщин, сгорбленных детей.

* * *

В свою полуразбитую хибару,
Голодный, руки, точно плети, вниз,
Недавно юный, а сегодня старый,
Вошел Саркис.
Отец семьи, измученный рабочий, —
Такими вот капитализм богат.
Весь ослабевший, пыльный, худосочный,
Уже узнавший, что такое ад.
У кузнеца на жилистых руках
По самый локоть
Густая копоть,
Обильный пот осел на жирный лоск
Его волос.
Жена и муж садятся у стола
Так тесно рядом,
Как будто даже счастливы они,
Как будто рады
Тому, что могут ужином делиться.
Что надо им? Работа бы была,
Сегодня б только их не мучил голод.
А завтра? Что же может измениться? —
Вода на ту же мельницу струится.

* * *

Лежит Саркис, прогнать тоску не может.
«Спать не могу, —
Сказал жене, едва справляясь с дрожью
Иссохших губ, —
Ануш, сегодня на заводе нашем,
Будь проклят он,
Опять предсмертный
Раздался стон. . .
Мукела помнишь? Парень из Талыша,
Тот, что женился прошлую весной, —
Уже не дышит.

В большом бассейне рядом мы стояли.
Тяжелый пояс он снимал с болтов;
Не тратя слов,
С трудом дыша, крепление мы кончали.
У парня под ногами вдруг, мы слышим,
Подпорка, покачнувшись, закрипела,
Тяжелый пояс, грохоча, упал
И придавил собою грудь Мукела.
Всё управляющий — его виним —
Как ошалелый,
Нас подгоняет, сладу нету с ним. . .
Вишь, под ногами у него горело.
«Сегодня сдать крепления хочу —
Кончайте сцепку!» — «Ладно, закрепим!»
— «Не терпит дело!
Тому, кто первый кончит, — вдвое заплачу!»
И вот удары сотен молотков
Протестовали,
Звучали громче грохота громов
Удары стали.
Зигзагами кровавых языков
Огни взлетали. . .
Мукел трудился из последних сил,
Напрягся он.
Хотел жену порадовать. Он был —
Молодожен.
Мукел нагнулся, стоя рядом с нами,
Покрепче снизу гвоздь забить хотел он,
Но рухнула подпорка под ногами,
Раздался стон,
И нет в живых Мукела. . .»

Саркис умолк, всё рассказав жене.
«А дальше что?» — Ануш его спросила.
Но молча лег Саркис лицом к стене.
Ануш опять: «А что же дальше было?»
— «А дальше что? Свезли его в больницу,
Но поздно. Вот. . . и человека нет.
Ведь раздробило
Бедняге парню череп и ключицу.
Так жизнь оборвалась в расцвете лет. . .»
— «Саркис, и нас, быть может, у порога
Ждет смерти тень.

Покойника внесут в мой дом убогий.
О, страшный день. . .»
— «Да, смерть повсюду нас найти готова:
В постели, на заводе. . . О Ануш,
Тяжка утрата друга дорогого,
Ведь наш Мукел еще был очень юн,
Он был цветком раскрывшимся, весенним,
Глядел на мир с мечтою и волнением. . .»
Глаза Саркиса горечи полны,
И слез полны глаза его жены. . .
Под гнетом тяжких дум они уснули.
Они должны
С рассветом вновь начать свои труды.
Спустилась тенью на худые лица
Угроза ежедневная беды. . .
Вода на ту же мельницу струится.
Я пел про то, что хлеб рабочих кровью,
Слезой омыт,
Про жизнь рабочего под ветхой кровлей,
Про трудный быт,
Про жизнь, что с каждым часом многотрудней.
Да, жизнь трудна —
Она в гробу унылых, темных будней
Погребена.
Она, рыдая, тонкой струйкой плещет,
Едва видна,
А там — конец, и в темноте зловещей,
В земле она.
Но переполнена несчастий чаша —
Вскипает гнев,
И вот тогда, прекрасен, грозен, страшен,
Могуч, как лев,
Встает рабочий — и враги трепещут.

Часть вторая

ПЕСНЯ БУРИ

«Я иду, чтобы грозою
Освежить сердца,
Чтобы с корнем всё былое
Вырвать до конца.

Поднимайтесь все, кто спали
Тяжким, долгим сном,
Лучше пасть в великом шквале,
В вихре боевом!

Поднимайтесь, кто имеет
Силу и размах,
Кто не хочет жить, слабея,
В горе и слезах.

Слышно ль вам, как нарастает
Неустанный гром,
Как он в грудь Земли вонзает
Молньеносный лом?

Это месть в душе народной
Яростно кипит,
Чтоб из скорби безысходной
Жизни путь пробить.

Поднимайтесь, кто могилы
Не искал в пути,
Кто, как я, имеет силы
В новый мир войти!»

* * *

С этой песней шел
В сад кузнец Мосэс
В летний, знойный час.
В этот сад большой,
Как в тенистый лес,
Молодежь сошлась.

В думах шли в тот сад
О судьбе людей,
О своей судьбе —
Там они решат,
Как бы им скорей
Победить в борьбе.

Между молодых,
Выпрямляя грудь,
Шли и старики,

Те, что в днях былых
Проходили путь
Горя и тоски.

Появился здесь
С песнею своей,
Гневом весь дыша,
Наш кузнец Мосэс,
Трудовых людей
Совесьть и душа.

* * *

Я не забыл товарища тех дней,
Могучего гиганта молодого.
Из глаз Мосэса молнии грозней
Летел огонь. Из уст — живое слово.

В далекий город погнала нужда
Мальчишку, выросшего в горных селах.
Что на заводе встретил он тогда?
Своих знакомых двух: нужду и голод.

Борьба растит отважные сердца.
Мосэс неопытен был, очень молод.
Но выковали из него бойца
Огнем — заводский горн, ударом — молот,

А наковальня помогла ему
Противостать неистовым ударам.
Простор открылся сельскому уму
И путь наперекор привычкам старым.

Он осознал себя. Он мыслить стал.
Он возмужал. В нем появилась смелость
В его руках я молот увидал —
И вся душа восторгом загорелась.

Как? Это он, тот темный человек,
Вчера бежавший в город с нищих пашен? . .
Огонь блестел из-под прикрытых век,
И пробуждалась жизнь в рабе вчерашнем.

Нет, не забыл я друга-кузнеца!
Нет, не забыл я этого героя!
Свой подвиг выполняя до конца,
Свое он будущее смело строил.

* * *

В долине той, где город наш стоял,
Где горизонт,
Сгибая спину,
Горы сдвинул, —
Сад зацвечал.

Там на траве зеленой
Алели маки — красные знамена,
И под навесами ветвей
Гвоздики ласково качались
И улыбались,
Как бы приветствуя гостей.
Распахивая лепестки свои,
Они как будто руки простирали
С любовью непритворной
К рабочим в блузах черных
И восклицали:
«Мы ваши! Больше мы ничьи!»
В широкополых шляпах шли туда
Товарищи — не больше двадцати.
Их горе привело сюда, нужда,
Желанье от беды уйти.
Седого старика томила дума
О жизни, пролетевшей так угрюмо.
А юноша, на шелковой траве
Раскинув молодое тело,
Следил, как вольно облако летело.
А кто-то спорил, полон убежденья,
Что не заводчик победит в сраженье.
Недолго длилось ожиданье.
Вот появились Сара и Маро,
И Леля, и Фаро,
И началось собранье.

«Ага, вот они, пришли наконец!» —
Воскликнул кузнец.
Он встал и, прислушавшись к стуку сердец,
Собрание открыл.
«Товарищи! Больше терпеть нет сил!»
Взволнованно с места
Вскочил Миха.
Вздыхнул, как мехи,
Что в горне вздувают огонь,
И вскинул ладонь:
«Хозяин завода «Вулкан»
Разжирел,
Вконец обнаглел
И так попирает все наши права,
Что бросить посмел нам такие слова:
«Смотрите, я вовсе закрою завод,
Иль дам половине рабочих расчет,
Иль молча работайте все до упада,
Хоть снизится вдвое поденная плата».
Не знаю, как наглость такую назвать?
Ему наплевать,
Что Мирон или Нестер
Пойдут побираться с детишками вместе...
Нет! Если сейчас не подыдем народ,
То всем, в свой черед,
Голод шеи свернет!..»
Я кончил. Кто хочет, пусть слово берет...»
— «Товарищи! — вдруг голосок прозвенел.
У Сары был голос и нежен и чист. —
На фабрике «Молот» капиталист
Нас выслушать не захотел.
Насмешку прочли мы в глазах Берг-аги,
Сказал он:
«Зачем сюда бабы пришли?
Неужто мужчин прислать не могли?..
Чтоб не было больше здесь вашей ноги!»
Нас четверо — от четырех производств,
Проведших к борьбе подготовку.
Вопрос теперь ясен и прост —
Пора объявить забастовку!..»

— «Пора! Забастовку!»
 «Довольно речей!»
 «Долой палачей-богачей!»
«Бастуем!» — вокруг голоса раздался,
В единую бурю слились.
Но голос Мосэса, как бомбы взрыв,
Грянул, крик перекрыв:
«Всеобщей быть забастовка должна!
 Война, так война!
 Пусть почувствуют господа
 Силу людей труда!»

• • •

И, как пожар, запылявший вдруг,
Возник многоголосый крик вокруг:
«Бастуем как один!»
«Бросай работу!»
Где только что трудились сотни рук,
Где сотни спин
Покрыты были потом,
Где грозно, как в прибой волна,
Стальные молоты гремели,
Машины, словно львы, ревели,
 Вдруг наступила тишина.
И лишь гудку завода «Труд»
Велел гудеть рабочий люд:
Пусть в злобе бесится хозяин —
Большой завод
Гудком дает
Сигнал всем фабрикам окранным
 О прекращении работ.
Кто это вост так уныло?
Что означает этот стон?
То лопнула завода жила,
Что, как часы, был заведен.
Бушующая жизнь застыла —
Завод в молчанье погружен.
Как спящие вулканы — трубы,
Теперь над ними тишь и сон.
Не вылетают дыма клубы,
Не вырывается огонь.
И сотни шустрых приводов,
Плясавших, силы не жалея,

Теперь над мертвым сном станков
Висят, обвив трансмиссий шеи. . .
Как в легендарном царстве сна,
Всё онемело здесь до срока,
Как от проклятия пророка.
Вдруг наступила тишина.

* * *

Народ собрался за Махат-горой,
Над шумной Курой.
Горячею, алой бурей знамен
Народ вдохновлен.
На бархат пылающих стягов взгляни —
Прекрасны они!
От них загораются сердце и взгляд,
И речи гремят.
Мосэс подымается, бурно дыша,
Он — массы душа.
Уверенно речь произносит Мосэс,
Широк его жест.
Саркиса-рабочего выдвинул он
Под пламя знамен:
«Товарищи! Вот человек золотой,
Еще молодой,
Измученный тяжким трудом за станком,
Глядит стариком.
Не старостью — жадным хозяином он
Согбен.
Изнурен. . .
Любого из нас ждет такая судьба.
Спасенье — борьба!
Пора положить угнетенью конец. . .»
Не кончил кузнец,
Оборвана речь громыханьем подков,
Сверканьем клинков.
Гогочет наемников царских отряд,
И кони храпят.
И, словно обрушился вдруг небосвод,
Смешался народ.
Разносится грубая ругань вокруг,
И вытопан луг.
Но где же Мосэс? Где могучий кузнец,
Боец и певец? . .

Где Сара? Не видно ее и Михи...
 Дела их плохи!
Захвачены, взяты в тот день под арест
 Они и Мосэс.
В неволе с друзьями кузнец-богатырь,
 И ждет их Сибирь...

* * *

Тюремщик с готовностью дверь отворил —
Привел арестованных новых.
Похоже на черный рябой кизил
Лицо его в складках багровых.
Товарищей наших — по одному, —
Глядя на них как зверь,
Он злобно втокнул в тюрьму
И запер железную дверь.
Печальна тюрьма и мрачна,
Лишь песня во мраке слышна,
 Да песне той в лад
 Оковы звенят.

«Закат. Просвета не видать,
Тоску до дна испей...
Терзает сердце мне опять
Печальный звон цепей.
Но и в оковах жаждут жить
И юный и старик...
О, не пытайтесь заглушить
Души отважной крик!
Пускай цепями я звеню,
Тюремщик, берегись!
Я новой жизнью замену
Непрожитую жизнь...
Закат. Просвета не видать.
Лишь тьма со всех сторон.
Терзает сердце мне опять
Цепей печальный звон».
Так пел наш Мосэс, и унылым напевом
Он всем взволновал сердца,
И сам был взволнован.
 Печалью и гневом
 Кипела душа кузнеца...

* * *

Идет этап путем глухим,
И пыль над ним густа, как дым. . .

«Желаем вам вернуться к нам
В расцвете сил!
Свободных слов звон кандалов
Чтоб не глушил.
Тернист ваш путь. Расправить грудь
Вам не дают.
Но где вы шли — в крови, в пыли,
Цветы встают».
Так пели мы, под гнетом тьмы
Борясь за свет.
Берется Сара за перо —
Шлет нам привет.
Шлет нам привет, но грусти нет
В нем и следа.
Она живет, она цветет
Там, в царстве льда.
Там, в царстве льда, она тверда,
Надежд полна:
Исчезнет тьма, уйдет зима,
Придет весна!
От строк письма исчезла тьма,
И вся Сибирь,
Полна тепла, вдруг зацвела
И вдоль и вширь.
Растаял снег, и сотни рек
Неслись к морям,
И север вдруг стал словно юг. . .
Так мнилось нам!
Пришли друзья в свои края,
Под отчий кров.
Гремя, вставал восстанья вал,
Как кровь, багров!

1911

150. РАВЕНСТВО

1

Через камни тяжелых дорог,
Через сумрак подпольных квартир,
Через сказки чудесной порог
Я вошел в неизведанный мир.

Здесь и солнце, как прежде, несет
Неизбывную роскошь лучей,
И река меж камнями течет,
Те же птицы поют средь ветвей,

Здесь цветов голубой аромат
Обнимает меня в полумгле,
Те же звезды на небе висят,
Те ж деревья стоят на земле,

Но иная здесь жизнь разлита,
Здесь всё странно и ново для глаз —
Это сказки моей высота
Надо мной, над людьми поднялась,

Это сказки моей чудеса,
Это мой фантастический стих —
Небоскреб надо мной поднялся
Посмотреть на соседей своих.

Небоскребы взнеслись к небесам,
Как солдаты над улицей встав,
И заводы стоят по бокам
И диктуют им новый устав.
Покорясь,
Не дыша,
Не пыля,
Через улиц прямые хребты,
Как послушный ребенок, земля
Прямо к дому подносит цветы.

Под землю последний гниет
Похороненный миллионер.

Здесь как труженик каждый живет,
Все друзья и товарищи мне.
 Все — как один,
 И один — как тысяча. . .

2

Сказка чудесная
Меня обняла,
Хочется верить —
И не верю глазам:
Волк и ягненок,
Лев и лань
 Мирной семьей
 Бредут по лугам. . .
 Как же это так?
 Как же это так?

Какая это буря,
Молниеносный вихрь,
Гул землетрясений,
Ливень косою
Разрушили крепость
Времен былых,
Крепости зла
Сровняли с землей,

 Что столько веков,
 Что столько веков
 Из нас выжимали
 Пот и кровь?

Крепости зла
Разбиты в куски,
Жадный волк
Потерял клыки. . .

 Как же это так?
 Как же это так?

Злоба и ненависть,
Мечь и вражда,
Зависть и корысть,

Смерть и нужда,
Жерла орудий
Кровь и свинец. . .

Ужели конец им?
Ужели конец?

Люди когда-то лепили из злобы
Рыхлый земной неустойчивый глобус.
Высечена из другого металла
Земля!

Ты неузнаваема стала!

А может быть, от глухого удара,
От бойни всемирной,
Из пепла пожара,
От бедствий несметных,
От гула,
От взрыва —
Ты стала, земля,
Наконец справедливой? . .

Сказка!
Ты мне непонятна покуда! . .
Как это?
Как это?
Что это за чудо?

3

И стою недвижим,
Я притих
Перед слитками гор золотых,
Перед слитками — сгустками вздохов
Человека ушедшей эпохи.

Это золото было когда-то
Проклинаемо, вечно и свято,
А теперь это золото стало
Памятнику
Пьедесталом!
Этот памятник новых веков
Говорит о заслугах отцов.

Мне понятно
И ясно одно:
Наша жизнь — это только звено
Между нашей работой былой
И грядущей тяжелой борьбой.

И не раз еще в годы глухие
Человек обернется к стихии,
Будут внуки учиться у деда
Добиваться упорно победы.
О, победа труда над землей,
Беспокойный порыв трудовой!

Не напрасно герои легли —
Семена под землей проросли,
И земля на жестоком пути
Не устанет
Героев нести.

4

Прислонившись к преддверию
Сказки моей,
Я слежу восхищенно
За миром огней.
Взявши путь волны,
Как море кипуч,
Он несется и плещется,
Жив и могуч.
Автомобили
Несутся с окраин. . .
Куда вы спешите
И кто ваш хозяин?

— Республика!

Стовольтные лампы
Горят молчаливо. . .
Кто вас повесил над миром
И чьи вы?

— Равенство!

Окрестность дрожит
От заводского гуда...
Чьи это домны?

— Рабочего люда!

Заводы и шахты,
Суда,
Виадуки...
Скажите:
Кто взял вас в хозяйские руки?

— Всё человечество!

Обсерватория,
Университет и музей,
Гордость и радость
Сказки моей,
Кто ваш хозяин,
Гордый и славный?

— Один!
Все!
Друг другу равный!
Тысяча — как один,
И один — как тысяча...

5

Видели ли вы:
Ранней зарей
Новорожденная зелень
Умыта росой,
А над нею
В истоме предутренних снов
Белоснежные лебеди облаков...

Зелени много
В сказке моей,
Сказке моей
Не страшна зима...
За небоскребом,
В тени ветвей,
Одноэтажные
Встали дома.

Здесь по-иному
Цветет земля,
Здесь замолкает
Гул корпусов —
В маленьких домиках
Из хрустала
Много детей
И много цветов.
Нового мира
Новый посев,
Новой работы
Новый напев. . .

Много здоровых
И крепких детей
Поют и играют
В сказке моей.

Все они резвы,
Не зная нужды,
Зависть и злость,
Гнев им чужды.
Грязной рукой
Их не трогала злоба,
Ждет их, веселых,
Большая учеба.

Много им надо
В жизни понять —
Надо им вырасти,
Надо им стать —

Тысяча — как один,
И один — как тысяча. . .

6

Новых поколений
Сияющие заводы
Упираются трубами в небосводы.
Стены то ниже, то выше, то шире,
Рядом творцы нового мира.

Бесшумно, бесшумно, неслышно-легки,
Зевают машины, снуют челноки.
Движенье — и точно сказка в тумане,
Как змеи цветные, мечутся ткани,
Из одного отделенья в другое
Несутся они лавиной живою,
То неловко, то осторожно,
То с яростью дикой, то страстно, тревожно.
Железные краны, свистящие шины,
Машины, машины, машины, машины,
Вы гнули хребты нам, ломали нам спины,
Копили богатства —
Кому? Для кого?
Теперь вы — четыре часа наслажденья.
О, радуйтесь, будущие поколения! . .
Один — для тысячи,
Тысяча — для одного.

8

Привет вам, привет,
Дети свободного века!
Стараньями ваших отцов
Возвысили мы человека.
Привет вам, привет,
Труженики великого дела,
Недаром через сотни голгоф
Прошло ваше тело.
Мной воплощенные,
Моих вожделений герои,
Вы смысл придали тому,
Что было когда-то мечтою.
Привет вам, привет, властелины,
Путей не дано вам обратных,
Пройденный путь
Навек закреплён, безвозвратно.

9

Толпы голов,
Лесами вздымаются руки,
Красные факелы движутся к дому науки;
Женщины и мужчины, спокойно-серьезные
лица,
Они собрались трудами ума поделиться.

Высокие лбы
Томятся еще запредельным,
Но мысль давно
Покончила дружбу с бесцельным.
Морщины и линии, тонкие брови
Ревниво хранят молчаливую повесть.

А сколько отцы
Пылали, горели,
Чтоб лица их внуков
Таковыми глядели?!

На трибуну взошел ученый.
Голос спокойный и убежденный;
Ясно и точно, просто и кратко
Он объясняет всё по порядку:
О новом изобретении
Докладывает он собранью,
И голос всё громче
И убежденней в молчанье.

Человек — сыт,
Человек — волен,
Но — удивлен! — он всё недоволен.
Что старо — забыто,
И ищет он снова
Новое — дело.

10

Вот она, жизнь долгожданная,
Что казалась когда-то мечтой,
Недосягаемая, непостоянная,
Стала она живой и простой.

Любил я в прошлом ее размах,
Путь ее тяжкий, тернистый,
Ее воспел я в моих стихах,
В каждой песне неистов.
Красное знамя ее труда
Над городом и деревней,
Надо мной светит ее звезда
Радостью повседневной.

Гордое солнце — отблеск ее.
Колотится жаркое сердце мое:
Свобода, равенство, братство
Для нее не звучат святотатством. . .

Как люблю я жизни!
Как люблю я жизни!
Люблю до дрожи в коленях,
Как первый цветок — солнца лучи,
Как засуха — дождик весенний!
Люблю я ее — ах! — и поверьте, поверьте,
Мне вовсе не хочется думать о смерти!
Сколько борьбы и бурь впереди,
Сколько желаний осталось в груди.

Но если умру я — не беда,
Часть своей жизни, часть труда
Для жизни я новой принес,
Ей послужил — Коллектива сын,

Ею питался и рос.
Товарищ, друг, брат трудовой,
Всегда и всюду я вечно с тобой! . .

Один — как тысяча,
Тысяча — как один.

20 декабря 1916—31 января 1917

151. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ МОЕЙ ЮНОСТИ

В человеческий рост оградой
Обнесен был Коркмасовых сад,
Словно там от стороннего взгляда
Был укрыт драгоценный клад.

Если б глянуть с вершины горной,
Этот сад показался б мал —
Как зеленый платок узорный,
Он внизу, в долине, лежал.

Но объехать его, пожалуй,
Лишь на резвом коне вы б могли:
Было в нем — ни много ни мало —
Шестьдесят десятин земли.

Там, подобно зари пыланью,
Рдели розы — отрада глаз
И акаций благоуханье
Опьяняло мгновенно вас.

В глубине тенистого сада,
Словно весь изваян резцом,
Беломраморною громадой
Возвышался хозяев дом.

Бек Коргмасов слыл именитым
Человеком в наших краях,
Хоть когда-то волком несатым
Он разбойничал здесь, в горах.

И, как вор, ночью порою
Выкрал он и жену свою,
Ну а там, устав от разбоя,
Прнутих, заведя семью.

Ведь жена грузинкою знатной
Из дворянского рода была,
Пела песни она приятно
И собою была мила.

И построил жене в угоду
Вор недавний этот дворец,
Всё важней становясь год от году,
Зажил барином наконец.

Он владельцем был гюлистана,
Четырех имел дочерей,
Прелесть лилии, розы, тюльпана
Затмевавших красой своей.

За улыбку их иль за счастье
На мгновенье привлечь их взгляд

Каждый рыцарь, пылая страстью,
Жизнью был бы жертвовать рад.

Но давно уже рыцарей нету,
Вместо них под своды аллей
Вечерами съезжались кареты
Местной знати и богачей.

В пышных залах мелькали франты —
Весь чиновный надменный свет.
И жандармские аксельбанты,
И мишурный блеск эполет.

Здесь балы сменялись балами,
Песни, танцы, музыки гром,
И всегда был полон гостями
Богачей Коркмасовых дом.

* * *

Я был нищим певцом, безвестным.
Мог ли я в ту пору мечтать
В гюлистане этом чудесном
Хоть когда-нибудь побывать?

Но прослышал барин богатый:
Есть, мол, в наших краях соловей, —
И, как принято было когда-то,
Вздумал мною потешить гостей.

Там сошлась толпа блюдолизов,
Петь привыкших в честь богача,
Принял я ими брошенный вызов,
С ними в бой вступил сгоряча.

Голос мой дрожал от волненья,
Но свободно песня текла,
Силой страсти и вдохновенья
Мне победу она принесла.

Спел я песню о гюлистане
И — пусть тайну нарушу мою —
Пел о самом дивном тюльпане,
Покорившем душу мою.

И увидел я, что блеснули
Две слезы у нее в глазах —
Значит, песни не обманули,
Значит, был напрасен мой страх.

Сам не знаю, чем покорила
Песнь моя в простоте своей
Сердце этой девушки милой,
Младшей дочери богачей.

И с тех пор я не раз украдкой
Проникал в этот сказочный сад.
Было нам и больно и сладко
Пить любви упоительный яд.

На траве мы сидели рядом,
Из цветов сплетали венки
И дарили друг друга взглядом,
И рука касалась руки.

* * *

И однажды с моей подругой
Мы явились к ее отцу:
«Мы так сильно любим друг друга,
Будьте милостивы к певцу».

Усмехнулся он, крикнул сердито:
«С чем ты, нищий, ко мне пришел,
Мы богаты и родовиты,
Ты ж безроден и гол как сокол. . .

Вон та яблоня, груша эта
Большой за год доход дают,
Чем за целую жизнь поэту
Все стихи его принесут».

Прост я был, и, признаться надо,
Я не знал еще в те времена,
Что прочнее ограды сада
Разделявшая нас стена.

За врача какого-то вскоре
Выдал замуж Кокмасов дочь,
И поблекла она от горя,
Жизнь ее превратилась в ночь.

Как вдова, о поре своей вешней,
О потерянном счастье своем
Плачет, плачет она безутешно
В доме, сердцу ее чужом.

* * *

Проклял я гюлистан чудесный
И с тех пор об одном мечтал —
Чтобы мир темницею тесной
Для князей и для беков стал.

И свершилось. . .
 Как с горной кручи
Вихрь сметает лежалый снег,
Так неистовый шквал могучий
Снес гнездовье беков навек.

И тенистого сада не стало,
Где Коркмасов когда-то жил,
Всю семью его расшвыряло —
По заслугам всяк получил.

Лишь ее иногда встречаю
Я на улице, и она,
Постаревшая и седая,
Словно давним вновь смущена,

На меня глаза поднимает,
Вся зардевшись, глядит мне вслед.
И опять нас толпа разлучает —
И, быть может, на много лет. . .

Это повесть о давнем, а ныне
Приезжайте, друзья, в Гянджу.
Вместе с вами пройдем по долине,
Я охотно вас провожу.

Сами вы найдете едва ли
Сад, руины с аркой резной. . .
Пусть бывшее никнет в печали,
Словно ветви чинары сухой.

1920

152. БОГИ ЗАГОВОРИЛИ

ПРОЛОГ

Песней вас назвал, вас назвал стихом,
Вас, в моей строке хлынувших стихами,
Тысячи людей, созданных трудом,
Созданных его мудрыми руками.
С ваших я горнил взял огня накал,
Тем огнем прожег мыслей вереницу.
В малом я тогда мир большой познал,
Жизни я открыл новые страницы.
Песней труд назвал, труд назвал стихом,
Пламенно воспел труд, поэмой ставший.
Труд стоит, плечист, смугл и строг лицом,
Мысли до небес поднимая башней.
Вы — мильоны солнц вспыхнувшей зарю,
Авторы моей страстной песни этой.
С вами песнь моя громко говорит,
Вам обязан я званием поэта.

* * *

Я вовлечен был в грозный океан,
Ему — рабочее движенье имя.
Друг друга называя «брат мой, джан»,
Все вместе жили думами большими,
Страдали вместе муками одними,
А счастье закрывал от нас туман.
Друзьями и поддержкой нам во всем
Была нужда и черный хлеб наш черствый.
Вставали мы, гонимые гудком,
На муки шли. В своем единоборстве
Держались мы надеждой и трудом.
Мы знали, что конец царям придет,
Что справедливое настигнет мщенье
Тиранов, тунеядцев и господ, —
Мы ждали, ждали часа наступленья,
Готовясь крепче вбить в гроба царей
Шипы больших, негнущихся гвоздей.

* * *

Февраль и март волнами льются.
Могучий наступленья шквал
В те дни Великую поднял
Октябрьскую революцию.

С начала мира не являла
Земля таких даров сердцам,
Ни разу солнце облакам
Такой окраски не давало.
Сам бурный океан седой
Не знал еще такого шквала,
И небеса не озаряло
Сиянье молнии такой.
Рабочий и солдат в столице,
Как разъяренный грозный лев,
Бегут, не сдерживая гнев, —
Вперед, на приступ вал стремятся.
Вот так из заводских кварталов
Волна неслась и рокотала,
Круша надменные палаты,
Громя прибежище керенских.
Идут рабочие, солдаты,
Их грозен взгляд, шаги их вески.
Идут матросы из Кронштадта,
Идут в победоносном блеске.
Им нужно всем — бойцам, матросам —
Коммуну воздвигать скорей
И старый мир с размаху бросить
На дно глубокое морей.
И волны мчатся, сбив заторы,
Сильней и выше каждый час, —
Вот докатились на Кавказ,
Переплеснулись через горы.

* * *

Могучий громовой раскат
Наполнил воздух мощным гулом.
Потоки крови чьей журчат
И с кем кого в бою столкнуло?

Гонят бандитов белых
Новой, Советской Руси сыны.
Решительны лица их, смелы
Все они, молоды и сильны.

Здесь что ни воин, то солнца сын, —
Лучами взгляд пронизан.
На подвиг готовы все как один,
Историей каждый призван.

Над миром новый горит рассвет,
И буря над миром зреет, —
Так вот они появились на свет,
Улыбка их всех согреет.

И вошли они в наш родной Тифлис,
В город старый и вечно юный,
И сказали нам: «Мы насмерть дрались,
Город солнечный, город лунный, —
Он ваш, Тифлис.

Здесь наша кровь на склонах гор,
Мы горы вам вручаем,
Берите гор, долин простор,
Родимым правьте краем!»

Сейчас весна кругом цветет,
Цветут долины, горы, склоны;
Всё ново — песни, и народ,
И жизни новые законы.
Тобою мир наш осиян,
Ты к нам пришла в заре рассветов,
Ты — власть рабочих и крестьян,
Ты — власть великая Советов!

* * *

И пафос начался восстановленья.
Могучий гений
Того, кто шел по фронтовым дорогам
Сквозь пламя битв,
Теперь, пылая творческим волнением,
Жизнь новую творит.
Как Фидий, скульптор древности великий,
Резцом своим
Вдохнуть мог душу в мрамор безъязыкий
Движением одним —
Так человек, отныне ставший богом,
Как властелин,
Вдыхает жизнь в нутро больных, убогих,
Недышащих машин.
Я видел — молот падает, стуча,
В руках у силача —
И выбиты болты, и ржавые их гнезда
Кровоточат.

У паровозов вынимают гвозди,
Как пули из груди,
Как пули из груди героя,
Раненного
На поле боя.
О, я видел, стоят в углу калеки —
Котлов ряды,
У них из глаз стекают нефти реки,
Слез борозды.
Они стоят и ждут, как ждут в больнице —
Хирург придет
И нож в руках искусных заискрится,
Он их спасет.
Потом я видел — паровозы наши,
От ран восстав,
Еще стремительней, еще бесстрашней
Летят стремглав.
Мой брат стоит в заваленном проходе,
Разгорячен, —
Из рудника затопленного воду
Выкачивает он,
Чтоб жизнь вошла дыханием огромным
В пустой рудник
И чтоб опять ожил в остывших домнах
Огня язык.

* * *

А небо в том году садовником чудес,
Спасителем и другом нашим стало —
Обильным жемчугом с небес
Поля и доли наши орошало.
Крестьянин в том году, упорен и могуч,
Горел энергией и вдохновеньем,
Боролся он за каждый солнца луч,
Вел заступы и плуги в наступленье.
Он, как титан, упорно землю рыл,
Едва лишь на долине снег растаял.
Шли люди на поля, как горные орлы
Летят на ребра гор могучей стаей.
Прошедшим годом горько умудрен,
Засеял каждый дворик и поляну,
Жену, детей с собою вывел он,
Трудился с ними долго, неустанно.

В атаку шел, как будто враг кругом,
Вооружась орудьем земледельца,
Вдыхая жизнь в земной холодный ком,
Врезаясь в каменную грудь ущелья.
Из-под тяжелых вековых камней
Он землю просто выгребал руками.
Дать может воду для сухих полей
В руках у человека даже камень.
По стаду и по тощим закромам
Неурожай ударил прошлогодний —
Закалку дал минувший голод нам,
Его мы не забыли и сегодня.
Шумит пшеница в зрелой желтизне,
Ласкает ветер вызревшую ниву,
Среди полей завив струю игриво,
Купаясь в золотистой их волне,
Расчесывает у колосьев гриву.
Пахнуло вдруг от вызревших полей
Обильем и довольством урожая.
Здоровьем и дородностью своей
Так манит нас невеста молодая.
Стоит крестьянин. Поле из-под ног,
Сужаясь, убегает бороздами.
Стоит крестьянин, точно новый бог,
С обветренными смуглыми щеками.
Ведь для того был труд суров и жарок,
Чтоб Красной Армии подарок
Послать он мог.

эпилог

А энергий мощь светом бьет в глаза
И к сердцам людей мчится кровью чистой,
Вертит, как мотор, осью колеса,
Пишет, точно холст, жизнь могучей кистью.
Человек растет, как гигантский дуб,
С каждым часом он крепнет и мужает,
С каждым новым днем он берет уступ,
Открывает жизни новые скрижали.
Кровь рабочих он, плоть рабочих он,
И на подвиг он, как герой, способен,
И, мечтой отцов с детства окрылен,
Вырос он красив, мудр, богоподобен.

Ждите, будет миг, ждите, будет час —
Это вам поэт предрекает, боги, —
Будет светлый день, и, крылатых, вас
К звездам поведут новые дороги.
Победили вы голод, жар и зной,
Дали вы толчок к счастью мировому.
Повелите вы — и тогда земной
Повернется шар по пути другому.
Будет на земле, я уверен, так:
Вы янтарный жар выжмете из солнца,
Где царите вы, там бессилен мрак, —
Светом новых солнц вся земля зальется!
Станет ни один вам не страшен враг,
Раз природу вы в схватке победили.
Да! Это боги были,
Пожелали так,
Так заговорили!

1922

153. ШИРКАНАЛ-БОЛЬШЕВИК

ПРОЛОГ

Пришел я,
Пришел, чтоб, радости полна,
Звенела эта песня тут.
Два года создавал ее
Творцов твоих великий труд.
Пришел приветствовать тот край,
Которым долгие века
Владел стрекочущий напев
Неугомонного сверчка.
Пришел я —
Поцеловать пришел я край,
Издrevле бредивший водой:
Теперь здесь плещет молоко
И мед струится золотой.
Ты создан, Ширканал. Тебя
Поил по капле пот людской —
Теперь он плотью стал твоей —
Быстротекущею рекой.
Ты слышал тысяч кирок звон,

Испуганного камня дрожь,
Гимн изобилью ты поешь,
Основу новой жизни ткешь
Полям, что ты животворишь.
Тебе привет! Я твой поэт.
От всех поэтов всей земли
Тебе, о Ширканал, привет!

1

О, Ширканал! Он — большевик.
Из мудрой сказки великан!
Он пьет, и держит Арпачай
Пред ним свой ледяной стакан.
Зарывшись в изумруд речной
Победоносной головой,
Смеясь, на лоно Капса он
Волну швыряет за волной.
Дугообразен путь его.
Как он велик и как силен!
Ширака знойного простор
Двумя руками обнял он.
Восторженна его любовь,
Лелеет он лугов ковер.
Ты скажешь: много сотен лет
Его томил любовный жар.
И ощущений дивный дар
Ему самой природой дан.
В его могучем сердце — страсть.
Дрожит его точеный стан.
Друзей во встречных узнает
Поток его журчащих вод.
Прислушайся:
«Привет! Привет!» —
Студеная волна поет.

2

О, Ширканал! Он — большевик.
Ту степь сухую, что гола,
Убога и разорена
И солнцем выжжена была,
Нарядит, как невесту, он
В зеленый бархат, в белый шелк,
Он даст ей серебро росы
И золото жужжащих пчел.

Как вьются струйки на свету!
О, как им весело блестеть!
Мерцает там — вдали, вдали —
Воды пленительная сеть.
Так обнял землю Ширканал,
Что застонала та, припав
К возлюбленному своему,
И никнут пряди томных трав.

И ни селенья, ни поля,
Ни каменные города
От зноя летнего теперь
Не пострадают никогда.
Как настоящий большевик,
Не забывая ни на час,
О каждом помнит —
Ширканал
Теперь заботится о нас.

3

О, Ширканал! Он — большевик.
Великим веком порожден,
Он не иссякнет никогда,
Вовеки славен будет он.
Кто слышал взрывы? Кто видал,
Как в бездну рушится гора?
По арпачайским берегам
В атаку шли, крича «ура!»,
Бойцы героического труда. . .
Тогда рождался Ширканал,
И, руку протянув, герой
Ему, растущему, сказал:
«Иди — и чудеса твори.
Цвести селенья будут там,
И будет новый человек
Ходить по новым берегам.
Дабы напился жаждающий,
Дабы голодный сытым стал —
Живи, гюмрийский богатырь,
Наш несравненный Ширканал.
Гостеприимен будешь ты,
И благодарен будешь ты,
И будет сердце у тебя
Непревзойденной доброты».

О, Ширканал! Он — большевик,
 К селеньям дальним устремясь,
 Распространяясь, он распластал
 Нежнейших вен живую вязь.
 И вот для множества людей
 Лучистым станет он огнем,
 И будут тысячи людей
 Свои надежды черпать в нем.
 С горы в долину смотрит Капс,
 Рожок пастушеский поет:
 «Услышите близкий плеск воды,
 Мне виден блеск прохладных вод».
 На полигоне тишина,
 И мнится — шепчет полигон:
 «Ко мне, прекрасная вода!
 Я жду. Ты видишь: я влюблен».
 Ортакелиса ждет волну,
 А сердце молотом стучит,
 Спешит могучий водный ток,
 Не то весь округ закричит.
 И Гонакхрану — Топарлу
 Подмигивает. . .
 И тогда
 Вступает в хор Хаджи-Назар:
 «Вода идет. Идет вода!»
 Слух — из Дюзкенда в Капанак,
 Из Илхиаби в Тапдоллак.
 Поют селенья о воде,
 О радостных ее делах.
 Слух пробегает по траве,
 Взбегает на вершины скал:
 «К нам — большевик Армении —
 Уже подходит Ширканал».

Еще умеет Ширканал,
 У Капса прочертив дугу,
 Обняв долины стройный стан,
 Стать водопадом на бегу,
 И ринуться вниз головой,
 И в Арпачай вбежать опять,

И в этой бешеной борьбе
Навек непобедимым стать.

Скажите мне, где тот певец,
Который силу восхвалял?
Хвала тебе, ширакский лев,
О лунногривый Ширканал!
Пусть зори светлые твои,
Сияя, осенят дома,
Пред молнией динамо пусть
Рассеется ночная тьма.
Так пусть же электронный дождь
Тревожит мысль, рождает мощь —
Селеньям укажи пути,
Ширакский лев, крылатый вождь!

6

Как ты прекрасен, Ширканал!
Видна мне вся Армения.
В дали грядущего видна
Твоя кипучая волна.
Еще могучий Ширканал
Умеет управлять конем,
Который силой знаменит,
Который знаменит огнем.
Его дыханье — жарче гроз,
Подковой конь о землю бьет —
Тогда работает завод
И плуг по целине идет.
Страна, которая века
Была безмолвна, как кремень,
Могучей песней трудовой
Встречает наступивший день.
Века немотствовал Ширак
И слезы лил.
Пусть громче всех
Сегодня он заговорит.
Пусть будет звонок юный смех.
О, слишком долго ты, Ширак,
В руках чужих людей страдал!
Но — большевик Армении —
Жизнь озарил нам Ширканал!

эпилог

Не страшно умереть в тот день,
Не страшно умереть в тот час,
Когда великий Ширканал
Увижу я еще хоть раз.
Я слышал первый гул труда,
Свидетель муки родовой.
Селенья, нивы и сады
Теперь взлелеяны тобой.
Густых садов и цветников
Ловлю я запах, чуть дыша,
И молодеет вновь моя
Седая, старая душа.
Тысячеокой ночи свет,
Струя тончайшие лучи,
Забрезжит снова предо мной,
Как звезды в сказочной ночи.
Заводов громкие гудки
Меня окликнут наконец.
Приветствуя свою страну,
Взовется пламенный багрец.
Армении великий сын,
Ты — большевик, о Ширканал.
Титан со светочем в руках,
Ты матери своей предстал.

1924

154. ВОЛХОВСТРОЙ

Коммунизм = Советская власть + электрификация

Ленин

ПРОЛОГ

Ты появился в трудный час среди просторов снеговых,
Когда великая страна стонала в муках родовых,
Когда сквозь голод, стужу, тиф, среди лишений и
невзгод,
Дорогу к счастью проторив, шагал в грядущее народ.
Ты появился в тяжкий год в удушливом дыму атак.
На юге враг тебе грозил, звероподобный, лютый враг.

И, вся охвачена огнем, в горниле яростной борьбы,
В тисках осад, в огне блокад земля вздымалась на дыбы.
Ты родился в тревожный час, когда враги внутри страны
Ножи точили против нас, коварной злобою полны,
И даже Волхов бушевал на ложе каменном своем. . . ¹
Из уст в уста летел призыв: «Смертельных недругов
добьем!»

И ты здоровым родился, в сорочке алой родился,
Грядущего лучистый свет стране разбудженной неся.
И, в испытаньях закален, ты стал могуч и знаменит,
Недаром слава о тебе уже не первый год гремит.

Часть первая

1

Приехал я на Волховстрой. Был зимний вечер бел и тих.
Новорожденный, он дремал в пеленках каменных
своих.

И всё же на речной простор алмазами несметных глаз
Из-под опущенных ресниц глядел он в этот поздний час.
Еще я только подъезжал, но был грохочущий вагон
Оцеплен тысячами звезд, молочным светом озарен.
Средь ночи от столба к столбу огни летели за окном.
Я весь пронизан ими был, я сам летучим стал огнем.
И тысячами голосов меня окликнули огни,
Я улыбнулся им, в ответ мне улыбаются они.
Они приветствуют меня, и этот огненный привет
Еще на подступах, в пути, всем сердцем ощутил поэт.
. . . Сверкали звезды за окном, переливаясь впереди.
Я из вагона вышел, и песня родилась в груди.
И было радостно огням, что я с Кавказа прибыл к ним.
Южанин, в северной ночи я не казался им чужим.

2

Опорой стало для мостов ущелье древнее реки.
Встают бетонные быки, они, как скалы, высоки.
Дубы и сосны сдвинув с мест, с родной насиженной
земли,
Подъемных кранов рычаги их над рекою вознесли.
И запах смоляных досок плывет над громом эстакад.

¹ Весной 1922 года сильное наводнение Волхова причинило большие повреждения первоначальным работам на Волховстрой.

Всё напоил собой пьянящий свежий аромат.
И стрелы кранов, словно лес, и здания стремятся ввысь,
И на плечи ложится груз, и слышен крик: «Поберегись!»
И арматура, что сейчас кривыми прутьями торчит,
Спаяет накрепко цемент, чтоб стал он крепче, чем
гранит.

Уже рождается бетон, устои новые крепки.
И стены встали с двух сторон, бурлящим струям вопреки.
Они воздвиглись над водой, как бы восстав со дна реки,
И покоренная река взята в бетонные тиски.
И чудится, что город весь со дна реки поднялся вдруг —
Плотины эти, корпуса, могучий этот виадук.

3

Страна титанов родила, что силой своего труда
Возводят стены и мосты и поднимают города.
Она вскормила грудью их и закалила их в огне,
Дала им скалы обтесать, что громоздятся в вышине.
Был камень взрывом потрясен, гранит распался на куски,
И снова возродился он, украсив берега реки.
Что есть прибрежная скала? Стихии первозданный плод,
Напластование эпох, нагромождение пород,
Но прикоснется к ней титан, людскую мощь приложит
к ней,

И станет зданием она — не сыщешь краше и стройней.
Будь мужественным, приходи и это русло измени,
Чтоб пароходы здесь прошли, чтоб всюду вспыхнули огни.
Будь мужественным, приходи и древний Волхов обуздай,
Преобрази и перестрой далекий нелюдимый край!
И созидатели пришли, и, словно чудо из чудес —
Творенье воли и труда, — возникла Волховская ГЭС.

4

Необозримый Волховстрой, огни несчетные его —
Победа ленинских идей, Советской власти торжество.
Ты видишь весь в лучах дворец, что отражен в речной
воде.

Скажи, не солнце ли само сегодня держит он в узде?
Сегодня держит он в руках десятки тысяч киловатт,
Живительный могучий ток он посылает в Ленинград.
В цехах моторы движет он, трамвай направляет он.

Огромный город в этот час его лучами озарен.
И полон света Ленинград, и, звездоокому, ему
Ни нефть, ни уголь не нужны и торф чадающий ни к чему.
И пригороды, и дома похорошевших деревень
Озарены венцом огней, как будто здесь не ночь, а день.
Необозримый Волховстрой, лучи горящие его —
Победа ленинских идей, Советской власти торжество.
И песня солнечных турбин слышна в окрестных городах,
Победы песня, зов труда у всех сегодня на устах.

Часть вторая

1

Исчезли штабеля досок, что кранами вздымались ввысь.
Взгляни — на берегах реки большие зданья поднялись.
Фундамент прочен и глубок, стоят надежно корпуса.
С площадок мусор увезли и сняли шаткие леса.
А брызги бьются о гранит, поет и пенится вода.
И шум реки, и гул турбин слились в симфонию труда.
И чудо-станция стоит в короне золотых огней,
И волны плещутся вокруг, как будто рукоплещут ей.
Бушуют волны у турбин, нетерпеливые кипят.
Сплошной текучею стеной уже спадает водопад.
И под напором тяжких вод турбины каждый оборот
По бесконечным проводам лучи живительные шлет.
Потоки света прямиком идут в геройский Ленинград.
Из цеха в цех, из дома в дом они стремительно летят.
Как струны, музыки полны, как мускулы, напряжены, —
Натянутые провода бегут во все концы страны.

2

Я мог бы с лирою сравнить дворец над пеной бурных вод
Или с органом: тронь его — он величаво запоет.
И, эту песню подхватив, цеха далекие поют.
Им сила новая дана, и вдохновенья полон труд.
Страдал немало Ленинград, он дар чудесный заслужил.
Хотел бы видеть я сейчас его в расцвете свежих сил,
Когда оседлана река и взнузданный водоворот
Несет энергию в века и счастье городу дает.
И в каждой капле слышу я труда неповторимый ритм.
Река о будущих годах неумолимо говорит.
И голос слышится живой в немолчном рокоте турбин:
«Я светоносный Волховстрой, я Севера могучий сын.

Я видел множество невзгод, но для меня препятствий
нет.

И я победу одержал, я весь — движение и свет».
Вода бурлит, вода звенит, летит над миром песня-клич:
«Да будет так, да будет так, как в планах начертал
Ильич!»

3

А сколько Волховстроев нам еще воздвигнуть предстоит?
Ведь это первый опыт наш, а путь в грядущее — открыт.
Мосты, плотины, корпуса создаст повсюду вольный труд,
Как золотые пояса, огни отчизну обовьют.
По всей стране десятки солнц сверкнут коронами лучей,
Развеив прошлого туман, уныние былых ночей.
Что наш вчерашний день? Нужда, насилье, ссылка
и тюрьма.

Многострадальные сердца окутывала злая тьма.
Сегодня — светел новый мир, сегодня — радости заря
Встает над нами в ранний час, свое сияние дая.
Без ярости вчерашний день сегодня вспомнить я не мог.
Сегодняшний вчерашний день уже вступает на порог.
Величественный Волховстрой — в грядущее наш первый
шаг,
Фундамент завтрашнего дня, высоко взвитый алый стяг.
Он на столетья озарил всю нашу будущую жизнь,
Он — основанье жизни той, которой имя — коммунизм.

4

Воздвигнут нами Волховстрой, и — это видит целый
свет —

Не Нобель им владеет, нет, не иностранный мироед.
Народу русскому владеть своим твореньем навсегда
И всем народам, что живут у нас в республике Труда.
Он сердце наше — Волховстрой, тепло и свет дающий
нам.

Как кровь по жилам, так течет энергия по проводам.
Кто б ни пришел на Волховстрой, увидит статую — она
Сродни гранитным берегам, над Волховом вознесена.
Рабочий здесь изображен. Вокруг просторы широки.
Протягивает руку он к другому берегу реки —
Стоит там Ленин — исполин среди мерцающих огней,
Стоит и зорко смотрит вдаль, зовя на подвиги людей.
«Ты с нами, дорогой Ильич, ты в созидании живешь,
Предначертания твои сбываются, великий вождь».

эпилог

Нет Ленина. . . Но Волховстрой — его идеи торжество,
Живое воплощение дум и светлых замыслов его.
Нет Ленина. . . Но есть его непобедимые сыны,
Они заветам Ильича, идеям ленинским верны.
Берись за дело, Волховстрой, неси энергию стране.
Пусть хорошеют города и села — с ними наравне.
Опять грозит блокадой враг. Ответ здесь может быть

один:

Побольше хлеба и угля, побольше ситца и машин.
Ты наша слава, Волховстрой, тобой гордится наш народ,
Ты человечеству всему указываешь путь вперед!

*1 февраля 1925
Волховстрой*

155. ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

ПРОЛОГ

«Скажи мне, дедушка-поэт,
Зачем стояла столько лет
Вот эта крепость над Невой?»

«Затем стояла, внучек мой,
Чтоб наши мысли, нашу речь
Забить в оковы и стеречь».

«А для чего, скажи ты мне,
Поставлен Зимний был дворец,
Что нынче замер в тишине?»

«А для того, о мой скворец,
Чтоб жил там царь, от крови пьян,
Палач рабочих и крестьян».

«А для чего, скажи тогда,
Нагромоздили выше гор
Вон тот огромный собор?»

«Ах, умник мой! Чтоб навсегда
Запутать светлые умы
В густых сетях церковной тьмы.

И крепость, и дворец, и храм
Попам, дворянам и царям
Опорой были на земле,

А для трудящихся для масс
Они остались и сейчас
Напоминанием о зле.

Напоминаньем о петле,
Напоминаньем о цепях,
Напоминаньем о попах!

Да, нас казнили в крепостях,
В дворцах готовя грабежи,
А в храмах изощряясь в лжи!

* * *

Но ты взгляни теперь туда,
Где встали в небо головой
Ряды заводов над Невой!

Взгляни на крепости труда,
Где гордые гудки поют,
Где молотами сталь куют!

Взгляни — рабочие идут!
Там наша слава и оплот —
Краснопутиловский завод.

Там пролетарии страны
Для пушек сделали стволы,
Одели поезда броней,

И, страшной силою взрывной
Набив стотысячный снаряд,
Они, передовой отряд,

Восстали, поднялись стеной,
Направив залп своих когорт
Против бесчестных черных орд.

И как румяным октябрем
Счастливым садовод берет
Румяный плод, придя в сады,
Так нынче в руки мы берем
Своей борьбы прекрасный плод,
Победы алые плоды.
Счастливо ты живешь сейчас.
Осуществили мы мечту
Дать радость нашей детворе.
Послушай, внучек, мой рассказ,
Как мироедскую орду
Мы разогнали в Октябре».

Вот так вели старик-поэт
И внук, ровесник Октября,
Одну из дружеских бесед.
Усы и брови серебра,
Эпоха в старике гудит,
Багряным галстуком горя
У пионера на груди.

ИСААКИИ

Угрюм осклизлый мрамор стен, тяжел гранит нагих
колонн,
Стоит собор, гордясь собой, поповских бредней бастион,
Что ни фронтон, то барельеф во славу бога и царя, —
Стоит собор сто лет и лжет, о милосердые говоря.

Ступай на купол поднимись, который к небу он вознес,
Сочти, на скольких он смертях и сколько пота здесь
и слез,
И юным сердцем ощутишь времен былых постылый срам,
Когда услышишь ты рассказ, как возводился этот храм.

Здесь целых тысячу веков, как говорит экскурсовод,
Был край бездоннейших трясин, непроходимейших болот,
Но император-сумасброд, тиран, каких на свете нет,
Решил поставить здесь собор, чтоб на него дивился свет.

Он строгий разослал указ по всей империи своей,
Чтобы со всех концов страны пригнали тысячи людей,
Он дал им тысячи лопат, чтоб яму под фундамент рыть,
Но было этот котлован ничем от жижи не закрыть.

А император был упрям, он был безжалостен и лют.
«Раз так, пускай сто тысяч свай в утробу топкую
вобьют!» —

Он говорит, и рубят лес, и бревна волокут сюда,
Чтоб ими подавилась хлябь и отвердела навсегда.

Но жижа выше поднялась, но жижа шире разлилась,
Ползет гигантский свайный строй, его заглатывает
грязь.

«Раз так, болото, — молвит царь, — иной употребим
прием:
Из человеческих костей мы в глотку кляп тебе вобьем».

И тридцать лет мужичью рать сюда сгоняет царский
кнут,
Не в силах с топью совладать, они в воде по горло мрут.
И вот останками людей забило ненасытный зев,
Сдается хлябь, густеет грязь и высыхает, отвердев. . .

Ты, Исаакий, на поду из человеческих костей,
Скрепленном кровушкой густой безвестных трудовых
людей,
Торчишь из пасти топи злой, а топь тебя помалу ест,
И сотрясает высь твою умерших яростный протест.

Вот почему ты с каждым днем всё ниже ростом
над землей!
Тебе проклятия и плач спать не дают во тьме ночной,
И верю я — настанет день и рухнут в хлябь твои столпы,
Как рухнул император твой, а вслед за ним — и все попы.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Вот место казней и расправ, былого черное пятно.
Со злобой в каменной груди таится над Невой оно.
Кто придал крепостным стенам их мстительный,
зловещий вид?
Какой неистовый сатрап? . . Тень самодержца здесь
царит.

Окровавленным палачом стоит тюремный бастион,
И — обезглавливанья знак — в чело гранита меч вонзен.
Как будто некий великан пустил блестящую стрелу,
И, взвившись в высоту, стрела вонзилась в облачную
мглу.

Глядишь ты, крепость, как жандарм, через Неву на тот
дворец,
Где самовластье обрело заслуженный конец,
Печалишься, что мысли взлет, мечта героев-бунтарей
Беду лихую навлекли на мрачную судьбу царей.

Ужасный замок крепостной! Гигантской мертвой головой
С пустыми впадинами глаз чернеешь над ночной Невой.
Здесь что ни камера, то склеп, могильный недоступный
свод,
Здесь каждый камень, каждый столб — жандармов и
царей оплот.

Здесь, в клетке каменной томясь, тоской по свету обуян,
И Чернышевский увядал, и ждал кончины Налбандян.
Как много доблестных людей, в тюрьме рассудком
помрачась,
Кончали ядом иль петель — и пламенник их жизни гас.

Да, не случайно первый залп «Аврора» — светлая заря —
Дала у самых стен твоих салют приходу Октября!
Над местом казни и злодейств зажег огонь своих лучей
Законный всенародный гнев, предвестье смерти палачей!

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Бывало, Зимний, над Невой суров и мрачен ты стоял —
Как будто хищник, жертв ища, широко крылья
распластал.
Не твой великолепный блеск, не роскошь гордую пою —
Нет, заклеить хочу стихом жизнь миновавшую твою.
Бесславлен был во все века твой неприступный вид!
Ты преступленьями дышал, таинственен и ядовит,
Доколе дух не испустил последыш Николай Второй.
А сколько храбрых казнено, с невинной, чистой душой,
Живых погашено умов, горячих юношеских сил, —
Тех, кто свободы и борьбы высоко знамя возносил!

Непроторен был славный путь, которым доблестные шли:
Рылеев, Пестель, Муравьев невинной жертвою легли.
И что ж! На виселице вдруг петля гнилая порвалась,
Когда испуганный монарх, как зверь в засаде притаюсь,
Приказ свой отдал роковой: «Казнить безумцев декабря
Через повешенье». Палач исполнил приговор царя.
Тогда за Муравьевым вслед вздохнула каждая стена
И глухо молвила: «Увы! Россия, бедная страна,
Где не умеют и петлю на виселице затянуть!»
Но был еще не завершён кровопролитный гнусный путь:
Девятьсот пятый год настал. Был день девятый января.
Вот и балкон. . . Толпа внизу. . . Народ напрасно ждал

царя!
Расстрел. . . Был грозен на снегу рабочей крови свежий
след. . .

Восстал Путиловский завод: изголодались, хлеба нет!
А царь послал свинцовый град им, «взбунтовавшимся»,
в ответ.

Отсюда на маньчжурский фронт с молебнами он гнал
народ —
Гнал тех, кто проклинал войну в тот черный и кровавый
год.

.
Дворец, забывший о царях, могилой быть ты перестал.
Доподлинным, для всей страны, народным ты музеем
стал.

Дворец, чьи залы омрачал позор и срам былых времен,
Теперь ты поднял красный флаг и к славе новой
приобщен.

ПУТИЛОВЕЦ

В багровом пламени рожден,
Под алым знаменем рожден,
Теперь Путиловец-завод
В народе Красным наречен.

Путиловец, родной гигант, живешь ты больше сотни лет.
Тебе привет от сердца шлет рабочий ветеран-поэт.
Я славлю твой великий путь, омытый кровью трудовой,
Я славлю нынешний твой день, вошедший в песни
подвиг твой.
Исаакий, Крепость и Дворец — три давних недруга
твоих,
Ты, старый большевик, боец, стоял бесстрашно я против
них,

В твоих объятиях росли герои нынешних времен,
И каждый выкован тобой, подобно стали закален.
Ты, если издали взглянуть, спокойным кажешься на вид,
Ты, как высокая гора, туманным облаком повит.
Но сколько скрытого огня под скромным обликом твоим,
Взрастивший армию труда, ты стоек и непобедим.
В тебе вулканом клокотал народа справедливый гнев.
Ты против трех своих врагов в атаку ринулся, как лев.
И люди двинулись на штурм, и горизонт пылал, багров.
Кто в этой схватке победит, в жестокой схватке двух
миров?

Разверзлись тучи, разрешась от бремени, меча грома,
Мечами молний грозových рассечена густая тьма.
В цехах — шипение паров и молота тяжелый стон,
Вулканов лавой огневой свинцовый сумрак озарен.
Железа лязг и гул грозы всё заглушает в этот миг.
То голос сердца твоего, священной ярости язык.
Ты долго этот гнев копил, и в тиглях плавился металл.
Жестокой тирании гнет терпеть не в силах, ты восстал.
Восстал с оружием в руках, святой решимостью объят,
И, сотрясая целый мир, забил неистово в набат.
Поэма подвигов твоих в суровом рождена бою,
И я, рабочий твой поэт, я о тебе сейчас пою.

В ТУ НОЧЬ

В ту ночь винтовок мощный хор, свободу славя,
грохотал.
Весь Питер песнями звенел, гремел разбуженный металл.
И пулеметы на валах не умолкали до утра,
И, как симфония борьбы, крепчало гулкое «ура!».

Мортиры речь свою вели, штыки щетинились, остры,
И полыхали на углах красногвардейские костры.
«Аврора» подала сигнал, зарокотал могучий бас.
«Эх, ухнем!» — грянула она, и наступил восстанья час.

«Эх, ухнем!» — подхватили все, сигналом тем окрылены.
На правый бой, на грозный бой идут рабочие сыны.
С винтовками наперевес идут в атаку и поют:
«Вся власть Советам!» Их девиз: «Владыкой мира будет
труд!»

Орудий ухали стволы, гранаты меткие рвались,
Все выстрелы, все голоса в одну симфонию слились.
«За власть Советов! — хор гремел. — Кто против нас —
с дороги прочь!»
Рабочей диктатуре путь мы расчищали в эту ночь.

И, как гадюки, во дворце свернулись недруги в клубок,
Засели в Зимнем юнкера, но всё равно их срок истек.
На запад Керенский бежал, в отрепье женское одет.
С «Авроры» орудийный гул катился беглецу вослед.

Был златокудрый пионер на радость людям всей земли
В ту ночь рожден, и Октябрем его народы нарекли.

ЛЕНИНГРАД

1

О город Ленина!
В тебе величье Октября на все века воплощено.
Историю родной страны ковал ты за звеном звено.
Канал твой каждый и проспект следы кровавые хранят.
Мы вспоминаем каждый день твоих героев, Ленинград!
Я от волнения сам не свой. Брожу по улицам твоим,
Какой-то сладостной тоской, восторгом пламенным
томим.

Я надышаться не могу, твой влажный воздух жадно пью,
Как будто я вбираю в грудь кальяна тонкую струю.

Есть в обаянии твоём неуловимый аромат.
Я счастлив, будто повстречал красавицы лучистый
взгляд.

Чудесен сон твоей Невы, твои мосты, твои сады.
Влекут таинственной красой проспектов ровные ряды.

А нежность майских вечеров! Ночей июньских
волшебство!
Возникло ль в дымке заревой из некой сказки существо?
Ни солнца в небе, ни луны. . . А нега ночи так тепла!
И смотришь и не знаешь сам — заря погасла иль взошла?

2

О город Ленина!
Я, как безумный, день и ночь бродить по улицам готов,
Любуясь прямою их, решетками густых садов.

Вот на фасаде у дворца колонн отряд сторожевой, —
И мнится: то огромных струн натянутый на лиру строй.
У стен твоих пурпурный цвет, и тротуаров ал гранит,
И твой закат — из кумача, багрянцем твой восток горит.
Не оттого ль ты алым стал, что этот камень и металл
Самоотверженных бойцов кровь неповинную впитал?
А вот и Знаменка твоя, ее простор и вечный шум. . .
Как много вспоминаешь здесь! И сколько возникает дум!
Тут эпитафию царю на камне высек наш Демьян, —
По всей стране ворон пугать поставлен на смех истукан!

8

От февраля и по октябрь борьбу вели мы: не привык
Событий молча ожидать горячий сердцем большевик.
Нет, сам оковы он сорвет, насилье победит в бою,
Бороться будет день и ночь и волю утвердит свою.
И встал Путиловский завод и вывел тысячи бойцов.
Обуховцы и нарвцы шли, не счесть сплоченных их рядов!
И царский сгинул Петроград в Октябрьской буре в ночь
одну,
И подлый Керенский сбежал, вернуть не в силах старину!

Не пулей чудо свершено, не пушкой и не штыком, —
Ночной Октябрьский штурм, ты был народной воли
торжеством.
Была то воля всей страны, ее порыв, ее размах, —
Победу взял рабочий класс, скопивший ненависть
в сердцах.

4

По алым улицам твоим, в твоём багрянце, Ленинград,
Теперь я каждый день брожу, на всё бросая зоркий
взгляд.
Брожу без цели, а кругом толпы волнуется прибой.
Почтенья полон и любви, не налюбуюсь я тобой.
В дни Октября в твоих рядах не привелось бороться мне,
Но бурь искавшая душа была с тобой, не в стороне.
Пусть кровью жаркою в те дни я твой гранит не обаграл,
Но для победы Октября всю жизнь я песнями пылал!

Смотрю, вот девушка идет в платочке алом, заревом —
Она спешит на свой завод, ее глаза горят огнем:

Завод торопится отлить для днепростроевских громад
Турбину, звонкую, как марш, в сто тысяч добрых
киловатт!

Вот парень, бронзовый гигант! Такой — придет ли
на завод,
Сидит ли дома — всякий час тревогой творческой живет.
В изобретенья, в новизну он превратит свои мечты,
И на чело твое, Октябрь, возложит яркие цветы.

Вот в кожанке идет старик. Я сразу узнаю бойца.
Как в свете старческих морщин решительны черты лица!
Читаю я в его глазах поэму доблестных боев, —
Да, он сражался в Октябре, в ряду других твоих сынов!

5

О Ленинград! Люблю тебя, я — твой восторженный поэт,
И восхищенью моему, моей любви предела нет.
Тебя люблю я не за то, что ты роскошен и богат, —
Люблю за то, что ты велик и носишь имя — Ленинград,

За то, что ты поэмой стал, которой горд рабочий класс,
Что, несравненно хороша, она блистает, как алмаз,
Что у гранитных ступеней победно плещет невский вал,
Что, к жизни новой приобщась, еще ты величавей стал.

Люблю за то, что у тебя на титаническом челе
Рассказ о доблестных делах, дотоль неведомых земле,
Векам на память начертал рабочий класс. . .

эпилог

Мой внук — ровесник Октября, теперь он комсомольцем
стал,

Я в этом городе большом его недавно повидал.
Пух над губою у него, совсем мужчина, говорят.
Искрятся у него глаза, задором молодым горят.

А как он вырос, мальчик мой! Похож на стройный
кипарис!
Ему на дедушку смотреть придется скоро сверху вниз.

**Я спрашиваю у него: «Ну, как ты жил здесь столько лет?
О чем печалишься, скажи — да унесет печали дед!»**

**«Я, дедушка, всю учусь, — серьезно отвечает внук. —
Ведь нынче взрослый человек знать должен тысячу наук,
И партия нам говорит: «Учись! Учись! Стремись вперед!
Торопит жизнь! Не будь, как вол, что и от клячи отстаёт!»**

**С утра работать я иду, завод гудком мне шлет привет.
Потом обедать, а потом — с друзьями в университет.
Теперь я знаю, кто наш враг! Теперь я знаю, почему
Должны сражаться мы с врагом и шею прочь свернуть
ему!**

**Теперь я закален, как сталь. Ведь мы должны своим
На весь на наш рабочий класс себе построить светлый
трудом
дом.**

**И мы научены тобой, как спуску не давать врагам:
Им наши темпы — острый нож, им худо всё, что в пользу
нам.**

**Теперь я крепок, как алмаз! Я, как алмаз, неуязвим:
Швырни в огонь — останусь цел, и нипочем мне грязь
и дым.**

**Такою стала наша жизнь, такою будет навсегда,
Чтоб нам в грядущее лететь на крыльях своего труда.**

**У Петропавловки не стой, на Исаакий не смотри.
Мы пустим в переплавку всё, что тут настроили цари.
Мы тюрьмы в школы превратим, читальни будут
из церковей.
Гляди — из Зимнего дворца отличный сделали музей!**

**Мы сторожим от зол и бед открытую для счастья дверь.
За счастье ты сражался, дед. Не бойся за него теперь.
Мы — внуки сильные твои, и мы тебя не подведем.
Навстречу радостным трудам мы миллионы поведем».**

1928—1932

156. ГОРОД

Часть первая

1

.. Мне сказал отец родной:
«Милый сын, и ты иди работай.
Пусто наше хлебное корыто,
Слово «радость» в доме позабыто.
Милый сын, и ты иди работай!»

Попрощалась мать со мной:
«Милый сын, ты силен и молод!
Кто тебя в работе неустанней?
Принеси приданое Майане,
Помоги нам! Ты силен и молод».

Так прощайте вы, наш дом и сад!
Мой отец остался без опоры,
Высох от налогов и поборов.
Мать моя с сестрою коз доят,

Но соски у коз иссякли, выжаты,
Нет ни капли, сколько ни тяни.
Я иду. . . О город, помоги же ты
И моих надежд не обмани!

2

Прибыл в город и пошел вначале
К Иваненцу я в вечерний час.
Вы, ребята, знаю, не встречали,
Не видали этаких богатств.

Здесь и без луны светло ночами.
Вспоминаю я наш сельский пруд:
Схожие с большими лебедями,
Пароходы по морю плывут.

Нет! Таких чудес вы не видали —
В воздухе машинный гул и дых,
В облаке паров, как в одеяле,
Чудища заводов нефтяных.

Вал огромные колеса кружит,
Всё вокруг и свищет и гремит,
Словно гул от сотни крупорушек,
Словно бешеный Тартар шумит.

Пахнет нефтью. С моря норды мчатся,
На руках и на лице — мазут.
Говорят, рублей за восемнадцать
В месяц на работу здесь берут.

Толковали нам про этот город,
Будто в нем лежат на мостовой
Серебро и золотые горы.
Кто теперь поверит лжи такой?

Вот он есть какой, Баку хваленый!
Вот какой, наперекор хвале, —
Здесь хлеб, слезами просоленный,
Горький и невольнический хлеб.

3

«Принимай, Тюни,
Письмо с приветом.
Только что с работы я пришел.
Прочитай,
Но не сердись при этом,
Что написано нехорошо.
На окне писать я примостился,
Над грохочущим маховиком.
Ты б его увидев, удивился,
Чертовым назвал бы колесом.

Расскажу тебе, что он такое:
Видел ты большие жернова
В мельнице, над нашей рекою?
Маховик их больше раза в два.
Ну, о чем еще писать —
Не знаю.
Да, вот
Чуть было позабыл:
Семь рублей тебе я посылаю.
Я за этот месяц их скопил.

Я зимой приеду,
Срок далекий,
Пусть не обижается сестра.

Я одежды прикуплю немного. . .
Ну, прощай. Уж поздно,
Спать пора».

4

«Ты мне пишешь: «Засуха, приеду»,
Будто я скажу: «Не приезжай».
Жду тебя! Другого нет ответа.
Ты приехать должен, только знай:

Здесь тебе сестра иль мать не будет
Ни заштопывать рубах, ни мыть,
Но зато у нас умеют люди
За короткий срок ума скопить.

Сходен человек с куском железа,
Из железа можно всё сковать.
Может стать оно и ценным и полезным,
И мечом и плугом может стать.
Ты услышишь, как машины дышат,
В проволоке грозный ток живет:
Электричество.

Оно-то движет,
Зажигает звездами завод.

Ах, Тюни! Когда же будет это,
Чтобы мощь машин и силу света
Подчинил и взял себе народ!»

1912

Часть вторая

1

Совершилось. Миновали сроки.
Вновь живут в Баку Оан с Тюни,
И в года великой нашей стройки
Были не последними они.

Был их путь — подполья путь суровый,
В тюрьмах — годы, на свободе — дни.
В ссылке долго был Оан в Тамбове,
И в тюрьме Баиловской — Тюни.

И в октябрьском пламенном горниле
Братья, словно сталь, закалены,
Поднялись в суровой зрелой силе
Родины надежные сыны.

Вспоминая путь свой незабвенный,
Как деревья, полные плодов,
Роще молодого поколенья
Оба скажут много верных слов.

2

Иногда вечернею порою
Братья сходятся потолковать,
Вспомнить время темное, бывшее,
О своей работе рассказать.

Говорит Оан: «Тюни, я знаю,
Хоть седьмой десяток мне, ей-ей,
Я умру, кувалду подымая,
За работой в кузнице моей.

Хоть, пожалуй, тело одряхлело,
Но моя привычка такова:
Не могу уснуть, не сделав дела,
Не уйду домой, не доковав.

Вспыхивает молодая ярость,
Вновь любая тяжесть по плечу,
Как одежду сбрасывая старость,
Счастье внукам выковать хочу.

Не вернуться к нам бывшие беды,
Мы теперь свободны навсегда, —
Победила наша власть Советов,
Власть освобожденного труда».

В свой черед Тюни Оану, брату,
Говорит задумчиво в ответ:
«Да, мы много горечи и яду
Выпили из чаши прошлых лет.

Страшно даже вспомнить, как бывало
Пусто в доме, пусто в кладовой.
Саранча в пустыню превращала
Поле кукурузы золотой.

Если же в карманы попадало
Несколько копеек иль грошей —
Лапа старшины их отбирала,
Ну а бек был саранчи страшней.

Пусть же будет вечной власть народа!
Нам — завод, крестьянину — земля.
Все товары нам дадут заводы,
Хлеба вдоволь нам дадут поля.

Всем у нас открытая дорога,
Только лишь работай не лентясь.
Много сделал — заработал много.
Честность — сила главная у нас.

Где народов рознь? Вражда соседей?
Нет ее! Могуч советский строй!
Всей страной стремимся мы к победе,
Движимые волею одной.

И в родном селе, в глухом ущелье
Исчезает вековая тьма,
Едут земляки на новоселье
Из лачуг в хорошие дома.

Реки нам дадут потоки света,
Между гор заводы загудят.
Мы живем с тобой и видим это,
Сердце радуется, о мой брат!»

А потом два брата вспоминают
 Про года подпольные свои.
 Книгу прошлых дней они листают,
 Давних дней, мерцающих вдали.

«Ну еще, Оан, ты Расскажи мне
 Про Степана и про пятый год».
 — «Часто Шаумян под ливнем зимним
 Приходил пешком на наш завод.

А Мирук-Мелик! Желанным гостем
 Он в любом селе тогда бывал.
 Как стрелой, отравленной и острой,
 Словом он дашнаков убивал.

С нами шли тогда к единой цели
 Джугашвили, Ладю Кецохвели.
 С нами шли Али, Кнуни Богдан,
 Джапаридзе был и Спандарян. . .»

И решили так между собою
 Братья, коротая вечера:
 «Ехать нам пора в село родное
 И колхоз основывать пора».

«Тридцать лет труда я отдал, брат мой,
 Нашему Баку, — Оан сказал. —
 И меня село зовет обратно,
 Чтобы я крестьянам помогал.

С кулаком расправимся сначала
 И во всем поможем землякам.
 Милый брат, ведь мы еще, пожалуй,
 Не совсем состарились пока?»

1931

157. ТИФЛИС

1

Вторая родина моя, Тифлис, очаг родной,
Когда тебя увидел я впервые, город мой,
Меня приветствовал твоей веселой конки звон,
И был я прелестью твоей кипучей восхищен.

Я молод был, и ветер пел, мне кудри шевеля,
Ломал мне шляпы фетровой широкие края,
Мой шарф на улицах твоих свивал и развивал
И молодости взбалмошной мечтанья раздувал.

Шумел-гудел неистово твой каждый уголок,
Нес балагур кинто, смеясь, огромный свой лоток,
С твоих подмостков Адамян огнем плеснул в меня,
Для истины и красоты мой дух воспламеня.

О город ранних бурь моих! Я в сердце удержал
Тот день, когда Ладо в грудь ректору вонзил кинжал¹,
Чтоб хоть таким путем изгнать из бursы рабский страх,
Царивший долгие года в ее глухих стенах.

Аптекарским учеником в те времена я был,
Я пузырьки до одури в сыром подвале мыл,
И мысль одна, пока я радостно рукоплескал Ладо,
В мозгу моем горячечном свила себе гнездо:

«Аптеку бы спалить дотла, обиды — с плеч долой,
Богатство угнетателя развеять бы золой!»
И было я сладостной мечтой в ту пору обуян,
Что пал и от моей руки безжалостный декан.
Я жаждал мести, как Ладо: мы — жертвы, я и он!
Мне снился подвиг. Был и я из школы исключен.

¹ В 1886 году студент Тифлисской семинарии Ладо Лачидзе кинжалом убил ректора бursы митрополита Чудковского за его шовинистическую политику. Это был первый революционно-террористический акт в Тифлисе со стороны грузинских народовольцев.

В твои объятия, о Тифлис, я бросился опять,
И в ногу с демонстрантами мне довелось шагать.
Рабочий впереди запел и сверток развернул,
И вот у нас над головой кумач крылом плеснул.

Он к палке привязал кумач и поднял над толпой —
От полицейских в двух шагах блеснул огонь живой,
И ты, мой город, красный флаг увидел в первый раз.
Простой рабочий первым был знаменщиком у нас.

Когда как птица флаг взлетел и заплескал крылом
И дружной «Марсельезы» гром потряс дома кругом,
Жандарм задумал красный флаг силком у нас отнять,
Но перед ним не отступил знаменщик ни на пядь.

Он палкой суковатую жандарма так хватил,
Что в бегство обратил его и сбил служебный пыл.
Вольнолюбивый город мой! Бесстрашием горя,
Так руку сильную свою ты поднял на царя.

Глядите, гей! Был праздником из дней моих любой.
Оказывается — пришел мой возраст золотой,
Пришел в громах и молниях девятисотый год,
И гордо поднял голову проснувшийся народ.

И в третий раз я был с тобой. Гроза мне кровь зажгла.
Грозой демонстрация по городу прошла.
Подъяла с песней молодежь — неистовство само —
На плечи сильные свои товарища Камо.

Туда, к дворцу Голицына, катился грозный вал.
Камо руками в воздухе во гневе потрясал.
«Беда тому, — грозил Камо, — кто на грабеж пошел!
Верни, палач, имущество армянских наших школ!

Подавишься награбленным, как костью жадный пес,
Тебе отмстится наша кровь и горечь детских слез,
И превратится их поток в карающий свинец,
Который грудь твою, подлец, пронижет наконец!»

Среди бойцов я и себя почувствовал бойцом,
Почувствовал, как пыл борьбы во мне кипит ключом,
Что я в потоке хлынувшем — волна среди тысяч волн,
Что страх врагам несу и я, отважной силы полн.

Мой город, с благодарностью я помню о тебе.
Родился века третий год и возмужал в борьбе,
Тот год, когда меня казак нагайкою хлестнул
И конь его через меня, заржав, перешагнул.

Гей! С той поры день изо дня копил я в сердце яд,
И сердце пело: месть врагам! И пел я сердцу в лад,
И песню я назвал «Мой мир», но цензор — враг добра —
Швырнул в корзину первый плод правдивого пера.

4

Я скромно признаюсь тебе, я не хвалюсь, Тифлис.
Мы перед забастовкою у Думы собрались.
Шел пятый год. И в грозный час мне в руку впился штык,
И ярости немеркнушей во мне огонь возник.

«Пусть кровь из жил моих бежит широкою рекой,
Она сольется с кровью всей, за волю пролитой.
Я буду гнева правого бесстрашным трубачом,
Сквозь вражий строй пройду с трубой, увитой кумачом!»

О город, где моя весна так ярко расцвела,
Где буйствовала кровь моя, гневна и весела,
Отечество борьбы моей, ты стал мне навсегда
И другом и учителем в те давние года.

Я не похвастаю, сказав, что было мне дано —
И с Шаумяном доблестным, и с Михой заодно —
Уйти в подполье, чтобы там гореть, работать, жить,
Грядущей революции бестрепетно служить.

5

Я не хвалюсь, о город мой, я скромно признаюсь,
Что боевое «Еще раз» прочел я наизусть
На митинге в Нахаловке, в сплошном кольце шпиков,
Испуганных понятностью моих простых стихов.

Тут подошли рабочие и своего певца
В одно мгновенье вырвали из этого кольца
И приняли, рукоплеща, меня в свой круг стальной,
И я себя почувствовал за крепкую стеной.

Мои друзья-товарищи, невольники труда,
Из нищенских своих лачуг пришедшие сюда,
Взывали к революции, пылали, говоря:
«Не надо манифестов нам! Царь лжет! Долой царя!»

Любой из нас — могильщик зла, ваятель новых дней,
Носитель нашим Лениным взлелеянных идей.
Я сам не верю, что пошел мне шестьдесят седьмой.
Навек, друзья, весна моя останется со мной.

6

Я не хвалюсь, друзья мои, но в памяти моей
Звучат немолчно имена прославленных друзей.
Те, что бесстрашны, горячи, сквозь бурю, сквозь туман
Вели к сиянию новых дней рабочих и крестьян.

Захарий Чодришвили и неистовый Степан. . .
Вот Цулукидзе, тающий свечою восковой,
Чахоткою истерзанный, бесстрашный и прямой,
Последний номер «Брдзолы» читает в смертный час
И навзничь падает, держа газетный лист у глаз.

Вот революции орел — Серго, чья речь была,
Как молния разящая, могуча и светла.
Кто пил слова из уст его — надолго был согрет
И чуял этот взрывчатый, неугасимый свет.

Душа души мой, Тифлис, ты много мне принес
И сладостных твоих плодов, и ярко-красных роз,
Веселый воспитатель мой, прекрасный мой Тифлис,
С твоими днями дни мои сроднились и сплелись,

Что не под силу старости вести борьбу со мной,
И мне никак не верится, что я старик седой.
Хвала, Тифлис, твоим домам, садам, холмам твоим,
Где стал я революции солдатом рядовым!

158. КРАСНАЯ АСТХИК

1

Из дальнего нагорного села
Ко мне нежданно весточка пришла:
«Поэт, хоть мне ваш облик неизвестен,
Но я живу дыханьем ваших песен. . .
Без матери, оставшись сиротой,
Тружусь одна, со мной лишь дед седой,
Работы не боюсь — люблю трудиться,
Но есть в душе одна мечта: учиться,
Да нет рабфака в нашей стороне —
Хотелось бы в Тифлис поехать мне.
И вот я обращаюсь к вам, поэту, —
Прошу помочь найти дорогу к свету!»
Отчетлив, прост письмом ее язык,
Стояла подпись под письмом — «Астхик».
. . . Не для того ль, чтоб всё яснее стало,
Она письмо стихами написала? . .

2

Я был в восторге: нынче и в глуши
Горит огонь взыскательной души
И жажда света и образования, —
В ней, кажется, есть искра дарованья —
Я непременно должен ей помочь!
Я вспомнил прошлых лет глухую ночь,
Безграмотные города и села.
Теперь везде раскрыли двери школы,
И юность жадно устремилась к ним,
Как жаждущий олень к ручьям лесным.
Я написал Астхик без промедленья —
Просил приехать, взяв стихотворенья.
Я знал, что будет дорог ей ответ —
Ведь жаждет знания молодой поэт.
Я написал, а сам уехал вскоре,
По делу, — дел у нас сегодня — море!

3

Через недельку возвратясь домой,
Я девушку увидел пред собой:
Толстушка, низкоросла, краснолица,
Дичок лесной, глядит — всему дивится.
Кругла лицом, как полная луна,
Видать, упряма и сильна она.

И старики соседи с лаской отчей
Шутя ее прозвали «Лунной ночью».
«А где остановилась ты пока?»
— «Да у рабочего, у земляка,
Но только места нет у них, так тесно,
Пока живу, а дальше — неизвестно. . .»
Краснея, предо мной она стоит —
Настойчивый, хоть и смущенный вид.
Астхик в своем решенье неизменна:
«Я буду на рабфаке непременно!»

4

«Ну что ж, пока поступишь на рабфак,
Живи у нас». И порешили так.
Гляжу: с утра приходит к нам с узлом,
И стал родным ей наш семейный дом.
. . . Беру ее заветную тетрадь,
Читаю и не знаю, что сказать.
Вновь перечитываю восхищенно,
Потом берусь за трубку телефона
И в Наркомпрос звоню, прошу друзей
Устроить на рабфак ее скорей —
Способная, мол, девушка, и нужно
Помочь ей всей семьей советской, дружной.
Ей надо в общежитье место дать, —
Крылатым помогаем мы летать.

5

Сумели люди ей помочь, и вот —
Уж в общежитье девушка живет.
Но самому мне думалось порою:
Быть может, на завод ее устрою, —
Стихи ее посвящены труду.
Она писала: «Где исход найду,
На что мне эти руки, эта сила?
Я производству верно бы служила!»
Так говорила скромная Астхик —
В ее стихах души горячий крик.
. . . И вот однажды девушка приходит
И говорит: «А я уж на заводе».
Улыбка на губах ее дрожит,
Такой счастливый и довольный вид. . .
«Я комсомолка и молотобоец,
Меня вы «Новым утром» звали к бою».

Была пора: в унынье деревень
 У женщин проходил короткий день
 В обыденных заботах о домашнем.
 Теперь — не то, развеян мрак вчерашний.
 У наших женщин — равный с нашим труд,
 Они согнут любой железный прут.
 Своим высоким качеством работы
 Астхик зовет товарищей к полету!
 День ото дня ребята вместе с ней
 Работают упрямей и складней.
 Всем это чувство новое знакомо —
 В нем скрыт секрет рабочего подъема.
 Одним стремленьем все сердца зажглись —
 Растет фундамент нашей стройки ввысь.
 Как будто сотни рук в едином жесте
 Слились. Работа стала делом чести.

«Днем на рабфак, а после — на завод,
 Там — в общежитье. . . Дни бегут вперед.
 Живем мы как одна семья — все двадцать,
 И весело живется нам, признаться.
 Все двадцать юных радостных подруг
 Вошли в один веселый общий круг.
 У нас уже газета есть стенная,
 А я редактор, честь-то мне какая!
 А выдастся свободная пора —
 Поем, устраиваем вечера. . .
 Внимательно мы Ленина читаем,
 И учимся, и устали не знаем.
 Наш комсомольский дружный коллектив
 И весел и весьма трудолюбив» —
 Так говорила мне Астхик, бывало,
 А на губах улыбка расцветала.

Ее зовем мы «Лунной ночью» зря —
 Она у нас как вешняя заря.
 Она теперь уж секретарь ячейки,
 То тут, то там сверкают косы-змейки.
 Полна стихами синяя тетрадь:
 «Хочу скорее инженером стать

И доказать, что не слабей мужчины
В науке мы и у любой машины. . .»
Астхик мечтала о труде, о знанье,
И вот сбылись, сбылись ее желанья,
Горит над ней высокая звезда
Большого вдохновенного труда.

9

Промчались годы, быстрые, как миг,
И коммунисткой сделалась Астхик.
Пришла ко мне, серьезней, чем дотоле:
«Теперь, мол, говорит, я в высшей школе,
И на заводе ремеслу учусь,
Я знаю, что желанного добьюсь.
Наука и завод — всего дороже,
Ведь знанье бригадиру нужно тоже!
Ударницей и мастером зовусь,
А время всё же нахожу — учусь.
Мы в жизни все как кузнецы у горна
И — что ни день — должны расти упорно».
. . . Да будет вечно жизнь твоя светла,
Упрямица из дальнего села!
Всё шире путь ее — просторный, гордый.
Моя Астхик за труд имеет орден.

10

И вот Астхик окончила свой вуз.
Быть может, скоро весь большой Союз
Об одаренной девушке услышит, —
Она растёт, идет всё дальше, выше.
Нам часто с ней встречаться недосуг,
Но пишет мне мой беспокойный друг:
«Есть у меня одно изобретенье,
Но это тайна, мой поэт, терпенье!
А то еще, пожалуй, скажут нам:
„Судите по делам, а не словам“».
Ну что же, ладно, спрашивать не будем,
Чтоб тайна не досталась злым людям, —
Ловить готовы каждый слух враги. . .
Астхик, свое открытье береги!
А я тебе желаю счастья в жизни,
В твоём служенье дорогой отчизне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Акоп Акопян начал сочинять стихи еще будучи пятнадцатилетним учеником гянджинской гимназии. Сначала он записывал их в отдельные тетради (они до нас не дошли), затем, начиная с 1884 г., в свои «Дневники», которые ныне хранятся в Музее литературы и искусства им. Егише Чаренца при Совете Министров Армянской ССР в Ереване. Там же находятся рукописи его произведений, в большинстве — с многочисленными вариантами, а также книги, письма, газетные вырезки.

Первым опубликованным стихотворением Акопяна было «Обет дружбы» (1889), напечатанное в журнале «Мурч» («Молот»), 1893, № 10. В этом же журнале были опубликованы: в 1894 г. — «Моему другу» (№ 3), «На могиле Раффи» (№ 4), «Незабываемому другу» и «Молитва» (№ 7—8), «После бури» (№ 10); в 1895 г. — «Собака курда» (№ 1), «Картинки» (№ 6), «Честь и труд» (№ 10); в 1898 г. — «Моему Рубенчику» (№ 1), «Сельская баллада» (№ 12); в 1899 г. — «Мотивы весны» (№ 2—3) и др. В еженедельнике «Тараз» («Мода») в 1904 г. печатались стихотворения «После слез» (22 февраля), «Звезды» (22 марта), «Начало весны» (19 декабря); в 1905 г. — «Новый год» (1 января), «Чужой и свой» (13 февраля), «Эскизы» (13 марта), «Песня кузнеца» (29 мая). В журнале «Ахбюр» («Родник») — «Чи-чи» (1904, № 12), «Родник слез» (1905, № 2). Стихи Акопяна часто появлялись в еженедельнике «Ашхатанк» («Труд»): в 1906 г. — «Тетушка Сапет» (22 января), «Кочегар» (5 февраля), «Два соперника» (19 февраля), «Буржуям» (5 марта); в 1907 г. — «Привет тебе, солнце!» (18 марта).

Поэт-революционер регулярно печатает стихи в нелегальной и легальной большевистской печати. В «Банвори крив» («Борьба пролетариата») — «Рабочий он и — властелин» (1905, 1(14) июля); «Кайц» («Искра»), 1906 г. — «Греза» (1 апреля), «Первомайская песня» (20 апреля), «Мой мир» («Толпа мой мир», 30 мая), «Революция» (4 июля); в бакинском марксистском журнале «Нор хоск» («Новое слово») — «В час борьбы» и «Этап» (1911, № 1—2), «Вечер в деревне» (1912, № 3—4), «На заводе» (1912, № 5—6); в социал-демократической газете «Пайкар» («Борьба»), 1915 г. — «Воспоминания» (13 декабря), «Из песней жизни» (20 декабря), «Не грусти» и «Не говори» (27 декабря); 1916 г. — «Песня бури» (10 января), «Из элегий труда» (17 января), «Работай, рука...» (14 февраля), «Националистам» (6 марта) и др.

Акопяна охотно печатали московский альманах «Гарун» («Весна») — «Люблю всей душой» (1910, кн. 1), «Песня труда» (1912, кн. 2); ежегодник «Гехарвест» («Искусство») — «Завод» (1908, № 2), поэма «Новое утро» и стихотворение «Словно пташка» (1909, № 3), «На рассвете» (1911, № 4), «Страж» (1913, № 5).

В советские годы поэт еще активнее печатается в периодических изданиях. В газете «Паак» («Сторож»), 1920 г. — «Пророк» (1 января), «В. И. Ленин» (3 января), «Степану Шаумяну» (4 января), «Черное золото» (6 января). В газете «Кармир астх» («Красная звезда»), 1921 г. — «Красною весною» (16 марта), поэма «Красные волны» (27, 28 сентября), «Девятый вал» (2 октября). В журналах «Дарбноц» («Кузница») — «Моя любовь» (1922, № 1), «Песня пролетария» (1922, № 1), поэма «Боги заговорили» (1922, № 2—5) и «Кармир цилер» («Красные всходы») — «Вам, красные всходы» (1923, № 1), «Школьники» (1923, № 3), «Мой юный друг» (1923, № 4), «Пионер» (1935, № 2). В газете «Матакоч» («Боевой призыв») — «Чатах» (1923, 20 мая), «Камо» (1923, 15 июля), «№ 67» (1924, 11 июня), «Дети, вы жизни нашей цветы» (1925, 3 мая), «Пробуждение» (1925, 10 мая), поэма «Волховстрой» (1925, 19 октября) и др. Поэт печатался во многих периодических изданиях Армении, Грузии, Азербайджана и других братских республик.

Первая книга Акопяна «Стихотворения» опубликована в Тифлисе в 1899 г. В дореволюционные годы вышли также его «Песни труда» (Тифлис, 1906), «Революционные песни» (под псевдонимом «Пролетар», Тифлис, 1907, второе изд. — 1917), поэма «Новое утро» (Тифлис, 1910) и, наконец, наиболее полный сб. «Стихотворения» (Тифлис, 1912), содержащий почти все произведения поэта, кроме явно революционных.

После победы Октябрьской революции и установления Советской власти в Закавказье начали регулярно выходить сборники заслуженного поэта-революционера. Только при жизни А. Акопяна, т. е. до 1937 года, вышли 13 его книг. Среди них особо выделяются «Стихотворения» (Тифлис, 1926). В книге нашли место не только стихи и поэмы А. Акопяна, созданные до 1925 г., но и посвященные поэту статьи известных революционеров, критиков-марксистов Сурена Спандаряна о поэме «Новое утро» (1911), Асканаза Мравяна («Железное перо», 1923), Арташеса Кариняна «Против течения» (1923), Серго Ханояна «Творчество Акопа Акопяна» (1926) и телеграммы А. В. Луначарского (1924) и др., литературно-биографический очерк Маргара Аветисяна (1923), послесловие поэта «Слово принадлежит мне» и другие материалы.

Из посмертных изданий А. Акопяна прежде всего следует отметить сборник 1951 г. (Акоп Акопян, Сочинения. «Два слова» и вступительная статья «Поэт революции» А. Мкртчяна, Ереван, 1951), в который впервые были включены не только поэзия, но и проза поэта — его «Автобиография», несколько рассказов, воспоминания, статьи. В 1955—1958 гг. в Институте литературы им. М. Абебяна АН Армянской ССР было осуществлено академическое издание: Акоп Акопян, Собр. соч. Подготовка текста и примечания С. А. Манукяна и Х. М. Гюльназаряна. Редактор Ас. Асатрян, Ереван, т. 1—4, 1955—1958. В солидных томах этого издания опубликованы уточненные тексты, в том числе более обширная «Автобиография», впервые сгруппированы произведения, разбросанные до этого на

страницах периодической печати. В их числе — стихи, мемуары, почти все очерки, публицистические и литературно-критические статьи, театральные рецензии и др. Осуществлены первые публикации значительной части рукописей — десятки стихотворений, поэма «Слепой ашуг», многочисленные «Отрывки из незавершенной и неопубликованной поэмы», пять рассказов, более 50 писем и телеграмм, драматический этюд «Пробуждаются», варианты многих стихов и поэм. Тома впервые были снабжены обширными научными примечаниями и комментариями. Все же и это издание не является полным собранием сочинений Акопяна. По разным причинам в него не вошли некоторые стихи, воспоминания, статьи, рецензии, письма, переводы и пр. Не до конца использован богатый рукописный фонд поэта. Особую ценность представляют его многочисленные «Дневники». Отдельные страницы этих дневников автор использовал в своей «Автобиографии» и ряде воспоминаний. Небольшие отрывки из них опубликованы Асатуром Асатрянном в журнале «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство», Ереван, 1946, № 5, с. 68—75). Составители академического издания часто ссылались на «Дневники» в примечаниях к различным произведениям. Однако, как сказано в предисловии к этому изданию, «покамест неопубликованные записки, дневники и другие материалы могут составить отдельный том литературного наследия Акопяна». Такого тома пока что нет. Многие рукописи поэта все еще ждут своего издателя.

Первое стихотворение Акопяна в русском переводе — «Рабочий он и — властелин» — было опубликовано 1 (14) июля 1905 г. в нелегальной большевистской газете «Борьба пролетариата», органе Кавказского союзного комитета РСДРП, которая с одним и тем же содержанием выходила также на грузинском («Пролетарис брдзола») и армянском («Банвори крив»). Вторая встреча русского читателя с творчеством Акопяна состоялась в 1916 г. Правда, стихи его не вошли ни в одну из антологий, вышедших в 1916 г. почти одновременно в Петрограде и Москве («Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького, с предисловием «От составителей», вступительными статьями «Армянский вопрос в России» Д. Анануна и «Очерки армянской литературы» П. Макинцяна; «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», под редакцией, со вступительным очерком «Армянская поэзия и ее единство в течение веков» и примечаниями Валерия Брюсова, однако в том же году в книге поэта-переводчика С. Я. Шарти «Армянские поэты» (выпуск первый, Саратов, 1916, с. 28) были напечатаны стихотворения Акопяна «Не тужи, товарищ» («Друг, не плачь») и «После слез», которые затем, вместе со стихами «Толпа — мой мир» («Мой мир»), «В час борьбы», «Концерт» и отрывками из поэмы «Новое утро» вошли в книгу «Армянские поэты» (в переводе С. Я. Шарти, Тифлис, 1917). Кроме них, в русской периодической печати: «Кавказский рабочий» (Тифлис, 15 и 25 марта 1917), «Пролетарий» (Харьков, 23 марта 1917), «Армянский вестник» (М., 30 апреля 1917) были опубликованы также стихи «Тени погибших» («Идут, все идут...»), «Я был дитя и помню жизни повесть» (вольный перевод «Честь и труда»).

Полное представление о творчестве Акопяна русский читатель получил только при Советской власти. Лучшие стихи и поэмы пролетарского писателя начали печататься в республиканских и всесо-

южных периодических изданиях и антологиях армянской литературы.¹

В 1923 г., к тридцатилетию литературной деятельности Акопяна, издан его первый сборник на русском языке, небольшой по объему, снабженный вводной статьей армянского литератора и профессионального революционера Серго (Саргиса) Ханояна «Лазровая ветка». Неоценимое значение в популяризации творчества армянского революционного поэта сыграл его второй русский сборник, с предисловием А. В. Луначарского, вводной статьей Гайка Адонца и биографией, написанной Н. Шебуевым. Здесь впервые была опубликована лучшая часть стихотворного наследия Акопяна — большинство наиболее важных и характерных для его поэтического облика стихотворений и поэм, написанных в разные периоды тридцатилетнего творческого пути поэта, в переводах известных русских поэтов — Демьяна Бедного, А. Безыменского, А. Гатова, С. Городецкого, А. Жарова, Б. Пастернака, М. Светлова, И. Сельвинского, Н. Тихонова, С. Шервинского и др.

В дальнейшем на русском языке регулярно выходили книги Акопяна.²

Многие переводы осуществлены и впервые опубликованы в сборниках уже после смерти автора.

Настоящий однотомник является наиболее полным из всех предыдущих русских изданий поэзии А. Акопяна. В него включено большинство опубликованных до сих пор на русском языке стихотворений и поэм, а также значительное количество новых переводов (они отмечены в содержании звездочкой). Поэмы «Красные волны», «Равенство» и «Боги заговорили» печатаются, как и в предыдущих русских изданиях, в сокращении. Впервые на русском языке публикуются «Пролог» и «Эпилог» «Ленинградской поэмы». Книга состоит из двух разделов: «Стихотворения» и «Поэмы». В каждом из них произведения расположены в хронологическом порядке. Сам поэт в некоторых своих изданиях группировал свои произведения по разделам. Так, в издании 1912 г. есть два раздела — «Народные мотивы» и «Из любовных струн», но ряд стихотворений («Мой мир», «Песня труда», «В час борьбы», «Этап», «Зов народа», «Люблю всей душой» и др.) напечатаны вне разделов. В издании 1926 г.: «Credo — исповедь», «Песни труда», «Из цикла заводов», «Революционные песни», «Песни коммунара», «Из красной галереи», «Весенние мотивы», «Всё ей», «Народные мотивы», «Мозаика». В русском сборнике «Новое утро» 1928 г. нет разделов «Песни коммунара» и «Народные мотивы», однако добавлены «Песни города». В сборнике 1935 г. отсутствуют разделы «Всё ей» и «Мозаика», но есть «Песни города», «Строительные» и «Смешанные песни». Указанные

¹ Подробнее см. об этом в кн.: «Акоп Акопян (1866—1937). Библиография». На армянском и русском языках. Редактор и автор предисловия Гр. А. Саркисян. Составитель Э. Оганисян, Ереван, 1967. К сожалению, в этом ценном издании имеются досадные неточности и упущения, например, не указаны «Стихотворения» 1912 г. на арм. яз. и «Новое утро» 1923 и 1928 на русском яз., а также некоторые другие материалы.

² Перечень основных изданий Акопа Акопяна на русском языке см. на с. 263.

разделы не являются поэтическими циклами в настоящем смысле этого слова. Сам поэт часто одно и то же стихотворение помещал в различные разделы (например: «Умерли, но не пропали» и «Пророк» включались то в раздел «Песни коммунара», то — в «Революционные песни»). Сам автор завещал составить свое наиболее полное собрание сочинений «в хронологическом порядке, без подразделения на разделы». Именно так и поступили составители армянских и русских посмертных изданий поэта, в том числе академического издания. По этому принципу составлен также настоящий однотомник.

В основе датировок произведений положены уточненные даты академического издания А. Акопяна. Кроме того, вышедшая после него книга «Летопись жизни и деятельности Акопа Акопяна» (Ереван, 1965) и богатые материалы из архива поэта дали возможность более точно установить даты ряда стихотворений, причем в некоторых случаях внесены поправки и в авторские датировки. Так, например, стих-ние «Пророк» было создано не в 1920 г., как указывал позднее автор, так как оно опубликовано уже 1 января этого года в газете «Паак» («Сторож»), а в рукописях датировано «1919, 20/II».

В примечаниях указываются разделы, в которые входило то или иное стихотворение, наличие наиболее важных рукописных или печатных вариантов, а также необходимые сведения историко-литературного, биографического и реального характера. При составлении примечаний учтены: вышеуказанные издания, научный аппарат академического издания А. Акопяна, «Летопись жизни и деятельности А. Акопяна», «Акоп Акопян. Библиография», периодическая печать и мемуарная литература, монографии и исследования об Акопе Акопяне Ас. Асатрян, Гр. Саркисян, Ар. Мкртчян, С. Манукян, статьи и примечания к разным изданиям А. Воскерчяна, С. Евгенова, А. Салахяна, С. Хитаровой, А. Мкртчян и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Написано под свежим впечатлением от романов армянского писателя Раффи (1835—1888) «Дневник плута», «Золотой петух», «Один — так, другой — этак», «Хент» («Безумец»), «Искры» и др., в которых отразились жизненные противоречия и социальные несправедливости эксплуататорского общества. По материалам этих романов Акопян 18 января 1886 г. выступил в кружке гимназистов Гянджи о положении западных армян, и через несколько дней написал в «Дневниках» свое стихотворение.

2. В «Дневнике» поэта от 17 ноября 1887 г. после текста стих-ния написано: «Мое нынешнее состояние побудило меня чувствовать то, о чем пишу в этой вещи». За шесть дней до этого, 11 ноября 1887 г., Акопян был уволен из аптеки, лишен жилья, средств существования и буквально без гроша брошен на произвол судьбы.

3. Вошло в разд. «Смешанные песни». Посвящено ученице бакинской женской русской гимназии, будущей жене поэта Маргарите Семеновне Абрамовой (Абрамян, 1872—1940).

4. Вошло в разд. «Смешанные песни». В первой публикации — без загл. В рукописи — с посвящением Соне, племяннице Акопа Манасяна (см. о нем примеч. 6).

5. Вошло в разд. «Народные мотивы». Первоначально под загл. «Курди шулин». *Курси* — приспособление над тондыром (см. примеч. 32) в виде деревянной доски, покрытой одеялом, под которой грелись и спали. *Курдишулин* — вероятно, детское произношение выражения «собака курда», от арм. «шун» — собака.

6. Вошло в разд. «Смешанные песни». Посвящено близкому другу поэта, студенту медицинского факультета Московского университета *Акопу Манасяну* (ум. 1895). Первоначальный вариант под загл. «Незабываемому другу» написан еще при жизни Манасяна, во время его тяжелой болезни. После смерти друга Акопян частично переработал стих-ние и напечатал в своем первом сборнике под загл. «Вместо предисловия Незабвенному другу».

7. В рукописях — под загл. «Из старых песен», затем «Картинка (Из старых песен)». *Бек* — хозяин, господин.

8. В рукописи — под загл. «Ей». Посвящено, вероятно, М. С. Абрамовой (см. примеч. 3).

9. Вошло в разд. «Песни труда». В рукописи — под загл. «Сын ремесленника», в первой публикации — с подзагол. «Дар армянским ремесленникам». В русских переводах печаталось под загл. «Честь и совесть», «Намус и хейрат» (армянское загл. стих-ния). Автор имел в виду рабочих водопровода Авчалы близ Тифлиса, с которыми, по собственному признанию, он «имел тесную связь». Об этом имеется также свидетельство пролетарского писателя Мадата Петросяна (1868—1954), работавшего механиком на этом водопроводе.

10—12. Второе стих-ние в первой публикации состояло из четырех строф, под загл. «Моему другу», в рукописи посвящено редактору журнала «Мурч» Аветику Арасханяну (1837—1912).

13. В русском переводе печаталось также без загл. («Любовь молодую свою я воспел...»).

14. В первой публикации датировано 1891. Вероятно, тогда поэт задумал написать стих-ние о горькой судьбе тружеников-армян, которые в течение многих веков жили под игом османского деспотизма и были вынуждены в поисках хлеба покинуть родной дом, скитаться на чужбине. Однако в рукописях датировано: 20 февраля 1896, 15 июля 1896, Тифлис. Очевидно, стих-ние было окончательно завершено в связи с резней западных армян в османской Турции в 1895—1896 гг., заставившей людей массами бежать в чужие края.

15. В первой публикации — под загл. «Старая песня». Написано под впечатлением резни армян в османской Турции в 1895—1896 гг.

16. Из разд. «Народные мотивы». *Агдам* — название долины и города, ныне — районного центра в Азербайджанской ССР. *Хоть*

срежу волосы. . . — клятва, суть которой в том, что срезать волосы женщин у восточных народов считалось позором.

17. Посвящено сыну поэта, будущему врачу, подполковнику медицинской службы *Рубену* Акоповичу Акопяну (1897—1957).

18. Вошло в разд. «Весенние мотивы».

19. Вошло в разд. «Народные мотивы».

20—21. Вошло в разд. «Весенние мотивы».

22. Посвящено талантливому ученику и последователю великого основоположника новой армянской литературы, просветителя-демократа Хачатура Абовяна (1805—1848), писателю-классику *Перчу Прошяну* (1837—1907). В день сорокалетия деятельности Прошяна рукопись была лично вручена юбиляру автором. «Это стихотворение, — говорится в воспоминаниях Акопяна, — Прошян долгие годы держал у себя и с восхищением читал для своих друзей и посетителей». *Агаси* — герой романа Хачатура Абовяна «Раны Армении», образ пламенного патриота, героя освободительной борьбы. *Сос и Вардигер* — герои одноименного романа П. Прошяна.

23. Вошло в разд. «Народные мотивы».

24. Вошло в разд. «Народные мотивы». В русском переводе печаталось также под загл. «Чарыд танем» (арм. загл. стих-ния). Посвящено матери поэта Сандухт Закарян-Акопян (ум. 1890). *Бала* — дитя.

25. Вошло в раздел «Credo — исповедь» в качестве вступительного стих-ния. Один из рукописных вариантов имеет надзаголовок «Моим товарищам-ремесленникам».

26. Вошло в разд. «Народные мотивы». В русском переводе печаталось также под загл. «Родник плача».

27. *Газарос Агаян* (1840—1911) — армянский писатель, педагог, автор учебника для армянских школ «Родная речь».

28. Вошло в разд. «Credo — исповедь». В русском переводе печаталось также под загл. «Зов толпы». По определению автора — «сжатый вариант стихотворения „Велико наше горе, печаль беспредельна“».

29. Вошло в разд. «Из любовных струн». В рукописи — под загл. «Жертва любви».

30, 31. Вошло в разд. «Народные мотивы».

32. Вошло в разд. «Народные мотивы». *Тоныр* (тондыр) — яма в земле, выложенная кирпичом или обмазанная глиной, для выпечки хлеба и варки пищи. *Пускай обрежут косы мне* — см. примеч. 16. *Хурджин* — перекидная сума, делается преимущественно из ковровой ткани.

33, 34. Вошло в разд. «Весенние мотивы».

35. В одном из рукописных вариантов — под загл. «Реалия жизни».

36. Вошло в разд. «Смешанные песни».

37. Вошло в разд. «Песни труда». Редакция журнала «Мурч» отказала в публикации стих-ния, и автор послал рукопись в армянский «Литературно-исторический журнал», «полагая, — по его словам, — что в «свободном» Петербурге спустивший дух после войны с Японией цензор разрешит публикацию... Однако «разъяренный лев» цензору показался гневом рабочих масс, он считал это символом протеста и борьбы пролетариата и тоже запретил публикацию...»

38. Вошло в разд. «Песни города».

39. Вошло в разд. «Песни труда». Положено на музыку композитором Вааном Умршатом (1896—1959) и является массовой песней.

40. Вошло в разд. «Революционные песни». Впервые опубликовано 1(14) июля 1905 г. в нелегальной большевистской газете «Борьба пролетариата» на русском, грузинском и армянском языках, без подписи автора и без упоминания переводчика. Акопян свидетельствует: «Его перевел на русский язык посланный из Питерского Центрального Комитета революционер-марксист Энгель».

41. Вошло в разд. «Революционные песни». В 1905 г. большевиками напечатано и распространено в качестве революционного воззвания — листовки. Упоминается в поэме Акопяна «Тифлис» под загл. «Еще раз» (см. примеч. 157).

42. Вошло в разд. «Credo — исповедь». В первых публикациях под загл. «Толпа — мой мир». «Мое кредо, — пишет А. Акопян, — «Толпа — мой мир» — не плакать, не жить сказками». В первой публикации в армянской легальной большевистской газете «Кайц» («Искра») 30 мая 1906 после ст. 6 было: «И видеть как сам деспот Под моими ногами ползет...»

43. Вошло в разд. «Революционные песни».

44. Вошло в разд. «Из цикла заводов». В первой публикации заканчивалось строкой: «И вскоре падет наш деспот».

45. Вошло в разд. «Революционные песни». В первой публикации после второй строфы имелась еще одна, не вошедшая в последующие издания.

46. Вошло в разд. «Песни города».

47. В первой публикации имелась еще одна строфа, не вошедшая в переработанный текст.

49. Вошло в разд. «Революционные песни». В первой публикации — под загл. «Первое мая», после второй строфы имелась еще одна строфа. Положено на музыку Каро Закарян (1895—1967) в 1923 г.

50. Вошло в разд. «Песни коммунара». В русских переводах печаталось также под загл. «Погибли, но живы», «Умерли — не погибли» и «Меран-чкоран» (арм. загл. стих-ния).

51. Вошло в разд. «Революционные песни». *Молох* — у древних финикий и карфагенян бог солнца, огня и войны, которому приносились человеческие жертвы; в мировой литературе — символ капитализма.

52. Вошло в разд. «Песни города».

53. Вошло в разд. «Credo — исповедь».

57. Вошло в разд. «Из цикла заводов». Одно из типичных произведений, свидетельствующих, по выражению Луначарского, о том, что «у А. Акопяна есть много общих черт с Верхарном».

58. Из разд. «Песни коммунара». Впервые опубликовано отдельной открыткой в качестве прокламации. В русском переводе печаталось под загл.: «Жертвы», «Казненные», «Тени погибших».

59. Вошло в разд. «Весенние мотивы». В русском переводе печаталось под загл.: «Я то люблю...», «Победа весны».

60. Вошло в разд. «Весенние мотивы». В рукописи имеется подзаголовок: «Stell-e». Стелла — героиня поэмы «Новое утро» (см. примеч. 148).

61. Вошло в разд. «Весенние мотивы».

62. Вошло в разд. «Из цикла заводов». В русском переводе печаталось также под загл. «На заре».

63. Вошло в разд. «Песни труда». Положено на музыку композитором Романосом Меликяном (1883—1935) и является массовой песней.

65. Вошло в разд. «Из цикла заводов». В первой публикации — под загл. «Село на юге». В рукописи — под загл. «Золотое солнце».

66. Вошло в разд. «Песни города». В первой публикации — без загл.

67. Вошло в разд. «Песни города». По свидетельству автора, еще в рукописи стих-ние очень понравилось Степану Шаумяну (см. примеч. 97), который предполагал напечатать его в марксистском журнале «Нор хоск» («Новое слово»).

68. Об этом стих-нии автор писал: «Даже журавли сражаются у меня, а не плачут, как у армян. Слабо, но оригинально».

69. В рукописи помета: «Из песней жизни».
70. Вошло в разд. «Песни труда». В первой публикации — без загл., с некоторыми вариантами.
71. Вошло в разд. «Революционные песни». В сборнике А. Акопяна «Революционная эстрада» (Тифлис, 1922, на арм. яз.) стих-ние озаглавлено: «Отрывок из поэмы „Красные волны“». Однако лишь первые две строки вошли в главу 12 второй части поэмы.
72. По замыслу автора, это стих-ние должно было стать частью поэмы «Красные волны», в которую, однако, вошли только последние две строки (глава 4 второй части).
- 73, 74. Вошло в разд. «Из цикла заводов».
- 75, 76, 77, 78, 79. Из разд. «Весенние мотивы».
80. В первой публикации — под загл. «Из песней труда», цензурой не пропущена строка: «Ты — вечно творящий, не гаснущий жар...».
81. Посвящено друзьям поэта, революционерам, находившимся в тюрьмах и в эмиграции. При жизни автора не публиковалось.
82. Вошло в разд. «Credo — исповедь». Автограф стих-ния был послан редактору журнала «Гехарвест» («Искусство»), известному искусствоведу, филологу, фольклористу Гарегину Левоняну (1872—1947), с сопроводительной запиской: «Не удивляйтесь, уважаемый друг, что я опять пою свою «старую» песню. «Старая», но мотив новый. Вся Россия сегодня стоит накануне новой жизни. Следите ли вы за газетами, знаете ли, что творится в России? Только в Питере 1 мая бастовало 275 тысяч...»
- 83, 84, 85, 86. Вошло в разд. «Песни труда».
87. Вошло в разд. «Революционные песни».
88. Вошло в разд. «Смешанные песни».
89. Вошло в разд. «Смешанные песни». В первой публикации цензурой не пропущены строки 3—4 второй строфы.
90. Вошло в разд. «Смешанные песни». В рукописи — под загл. «Из элегии жизни».
- 91—92. «В медных рудниках» переведено также под загл. «В шахтах». Ага — хозяин, господин.
93. Вошло в разд. «Песни города».
94. Вошло в разд. «Credo — исповедь». В первой публикации — под загл. «Из песен жизни», цензурой не пропущены ст. 3—4 строфы 4 В одном из автографов имеется иронический подзаголовок:

«Подарок В. Менаку» — имеется в виду впоследствии эмигрировавший член партии «дашнакцутюн» (см. примеч. 106) Вардгес Агаронян.

95. Вошло в разд. «Песни коммунара». Первая публикация — под псевд. Ал-Кас. В русском переводе печаталось также под загл. «Я — пророк».

96. Вошло в разд. «Красная галерея». В русском переводе печаталось также под загл. «Перед портретом В. И. Ленина». Было прочитано А. В. Луначарским Ленину и Крупской в апреле 1920 г. (см. вступ. статью, с. 36—37). Вошло в первый сборник «Поэты мира о Ленине», М., 1934.

97. Вошло в разд. «Красная галерея». В первой публикации — под загл. «Памяти товарища С. Шаумяна». Написано к первой годовщине трагической гибели двадцати шести бакинских комиссаров — членов Бакинского Совнаркома (25 апреля 1918—31 июля 1918), расстрелянных английскими интервентами при помощи эсеров в ночь с 19 на 20 сентября 1918 г. в закаспийских степях Туркмении, близ железнодорожной станции Ахча-Куйма. *Шаумян Степан Георгиевич* (1878—1918) — революционный, партийный, государственный деятель, член РСДРП с 1898 г., один из руководителей рабочего движения, партийных организаций и большевистской печати Закавказья, председатель Бакинского Совнаркома — основатель армянской марксистской публицистики, литературной критики и эстетики, ближайший друг А. Акопяна.

98—99. Вошло в разд. «Из песней труда». *Балаханы* — рабочий пригород Баку, где сосредоточены мощные нефтяные источники. *Джан* — милый, дорогой.

100. Вошло в разд. «Смешанные песни». В первой публикации — под загл. «Проститутка и дева», под псевд. «Ашуг-Блбул». В переводе Демьяна Бедного опубликовано в «Правде» от 26 апреля 1928 г. с примечанием редакции: «Стих из выходящего в скором времени в ГИЗ сборника стихотворений народного поэта Армении и Грузии Акопа Акопяна „Новое утро“». *Духан* — лавка, трактир. *Кейф* — здесь: пиршество, пирушка.

101. Вошло в разд. «Смешанные песни». Имеется еще один вариант этого стих-ния, помеченный автором: «Второй вариант».

102, 103, 104. Вошло в разд. «Смешанные песни».

105. Вошло в разд. «Песни коммунара». Посвящено памяти двадцати шести бакинских комиссаров (см. примеч. 97).

106. Вошло в разд. «Смешанные песни». Написано по поводу падения марионеточного правительства армянской буржуазно-националистической партии «дашнакцутюн», образованной в 1890 г. и господствовавшей с 27 мая 1918 по 29 ноября 1920, т. е. до установления в Армении Советской власти. *Дашнак* (дашнакцакан) — член партии «дашнакцутюн»; выдворенные из Советской Армении, дашнаки продолжают свою антисоветскую деятельность в эмиграции.

107. Вошло в разд. «Весенние мотивы». В русском переводе печаталось также под загл.: «Алой весной».

108. Вошло в разд. «Песни коммунара». *Е. Шамах* (Егише Шамахян, 1895—1921) — революционер-большевик, был предательски убит в Баку дашнаками (см. примеч. 106).

109. Вошло в разд. «Песни коммунара». *Фейгамбары* — святые у мусульман.

110. Вошло в разд. «Красная галерея». *Миха* (Михаил Георгиевич) *Цхакая* (1865—1950) — грузинский революционер, член партии большевиков с 1898 г., видный государственный деятель, близкий друг Акопяна.

111. Александр Федорович *Мясникян* (Мясников, 1886—1925) — революционный, партийный, военный, государственный деятель, один из организаторов Советской власти в Белоруссии, в 1919—1920 гг. — первый секретарь Московского комитета партии, первый председатель Совнаркома Армении (1921—1922), первый секретарь Закавказского Крайкома РКП(б) (1922—1925), публицист и литературный критик, выступал под псевдонимом «Ал. Мартуни».

112, 113. В первой публикации — с подзагол. «Из цикла заводов».

114. Вошло в разд. «Из элегий труда». *Чатах* — название местности в Грузии, где в дореволюционные годы иностранными акционерами велась хищническая эксплуатация земных недр. Рудники и заводы были разорены особенно в годы марионеточного правительства грузинских меньшевиков (с 25 мая 1918 по 28 февраля 1921 г.). Чатах возродился с приходом в Грузию Советской власти.

115. При жизни автора не публиковалось.

117. Вошло в разд. «Красная галерея». Акопяном написан ряд статей и очерков о В. И. Ленине, в том числе статья «Бессмертный из бессмертных» (январь, 1924) явно перекликается с данным стих-нием по тематике и образным средствам.

118. Вошло в разд. «Песни труда». № 67 — вероятно, номер одной из бакинских нефтяных вышек.

119—120. Вошло в разд. «Песни города» и «Строительное». *Черный город* — один из нефтепромышленных районов близ Баку. *Апшерон* — полуостров, на котором расположен Баку. *Манташев* (Манташян) Александр (1842—1911) — крупный бакинский нефтепромышленник. *Шаумян* Ст. Г. — см. примеч. 97. *Джапаридзе* Прокофий Апресиянович (1880—1918) — революционный и партийный деятель, один из двадцати шести бакинских комиссаров, руководителей Бакинского Совнаркома (1918 г.). *Азизбеков Мешади* (1876—1918) — революционер, большевик, один из двадцати шести бакинских комиссаров — руководителей Бакинского Совнаркома (1918 г.). *Спандарян Сурен* Спандарович (1882—1916) — деятель большевистской

партии, ученик и соратник В. И. Ленина, один из родоначальников армянской марксистской публицистики и литературной критики. В 1912 г. был арестован и приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. Умер в больнице Красноярска. *Гянджа* — ныне Кировабад, город в Азербайджанской ССР, где родился А. Акопян. *Аббас* — иранский шах (1587—1628) из династии Сефевидов.

121. Вошло в разд. «Песни труда». *Ширканал* — Ширакский канал (см. примеч. 153). *Загэс* — Земо-Авчальская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина на реке Куре, близ Тбилиси. Строительство ГЭС началось в 1923 году и полностью закончено в 1938 г. *Айастан* — армянское название Армении.

122. В первой публикации — с подзагол. «Дар всем пионерам от радостной души».

123. Вошло в разд. «Весенние мотивы». Посвящено жене поэта М. С. Абрамян (см. примеч. 3).

124. Вошло в разд. «Credo — исповедь».

125. Написано в Ленинграде, где в разные годы учились и участвовали в революционной борьбе близкие друзья Акопяна, деятели большевистской партии и Советского государства Асканаз Артемович Мравян (1885—1929), Арташес Баласиевич Каринян (род. 1886, ныне академик АН Армянской ССР, Герой социалистического труда), писатель Мовсес Арази (Арутюнян, 1878—1964) и др.

126. Написано к десятой годовщине расстрела двадцати шести бакинских комиссаров во главе с председателем Бакинского Совнаркома *Степаном Шаумяном* (см. примеч. 97).

127. Вошло в разд. «Песни труда». В первой публикации — с подзагол. «Подарок работницам шелкомотальной фабрики Степанакерта» — центра Нагорно-Карабахской автономной области (Азербайджанская ССР), носящего имя Степана Шаумяна.

128. Именем поэта был назван колхоз села Каракичлаг Нагорно-Карабахской автономной области.

129. Вошло в разд. «Из мелодий моей красной родины», «Строительное». В первой публикации имеется подзаголовок: «К 10-летию Социалистической Армении». *Дзорагэс* — гидроэлектростанция на Дзорагете (Дебет) в Советской Армении, построенная в 1925—1931 гг. *Лорийский массив* — ныне Туманянский и Степанаванский районы Армянской ССР.

130. *Возвратился к тебе я опять*. Акопян жил и работал в Баку в 1887—1894 гг.

131. Вошло в разд. «Из мелодий моей красной родины». *Дзорагэс* — см. примеч. 129.

132. При жизни автора не публиковалось.

133—135. Вошло в разд. «Революционные песни». *Метехский замок-тюрьма* — замок в Тбилиси (V век), расположенный на высоком утесе над рекой Курой. До революции служил тюрьмой, в 1934—1942 гг. там располагался Государственный музей искусств Грузии, ныне в Метехи помещены научные институты АН Грузинской ССР.

136. Вошло в разд. «Из мелодий моей красной родины». *Рион-гэс* — гидроэлектростанция в Грузии, на реке Риони, близ *Кутаиси*, древнейшего и второго по величине города в Грузии. Строительство было начато в 1928 г., пуск первых агрегатов состоялся в 1933 г. *Загэс* — см. примеч. 121. *Дзорагэс* — см. примеч. 129. *Ширканал* — см. примеч. 153. *Свирьстрой* — имеются в виду мощные гидроэлектростанции на реке Свирь в Ленинградской области. *Иматра* — живописный водопад в Карелии. А. Акоюн в 1911 г. побывал там и написал стихотворение «Иматра». *Зестафон* (Зестафони) — город в Грузии, центр ферромарганцевой промышленности. *Сурамские горы* — хребет в Грузии.

137. Вошло в разд. «Весенние мотивы». В рукописи с пометой автора: «Сухуми, тяжело больным, в постели».

138. Вошло в разд. «Песни коммунара». В мае 1920 г. армянские трудящиеся подняли восстание, жестоко подавленное войсками дашнакского правительства (см. примеч. 106). Боевым штабом центра *Майского восстания* — города Александрополя — стал *бронепоезд «Вардан Зоравар»*, названный по имени военачальника Вардана Мамиконяна, национального героя, погибшего в 451 г. в освободительной борьбе армянского народа. *Фанян Аршалуйс* (ум. 1920) — активный участник восстания, по профессии врач, был убит дашнаками. *Алавердян Степан* (1888—1920) — профессиональный революционер, большевик, один из руководителей Майского восстания, расстрелян дашнаками (см. примеч. 106) в 1920 г. в ущелье Норка, близ Еревана. *Мусаэлян Саркис* (1881—1920) — революционер, большевик, один из командиров и руководителей вооруженных сил военно-революционного комитета в дни Майского восстания, расстрелян дашнаками в 1920 г. в ущелье Норка, близ Еревана. *Багдасаров* — главный прокурор в контрреволюционном правительстве дашнаков.

139. Индустриальный *рабфак* был открыт в Ленинакане в 1923 г. и назван именем А. Акоюна. В архиве поэта хранятся письма студентов, их групповые фотографии. Он посетил рабфак в 1924 и 1928 гг. О ленинаканской текстильной фабрике им создано стихотворение «Песня рабочего-текстильщика».

140. Вошло в разд. «Из мелодий моей красной родины». Написано к тринадцатилетию установления Советской власти в Армении.

141. Вошло в разд. «Революционные песни». Посвящено борьбе трудящихся грузинского города Душети в 1918 г. против вооруженных сил меньшевистского правительства, за установление в Грузии Советской власти. *Метехи* — см. примеч. 133—135.

142. Вошло в разд. «Из мелодий моей красной родины». Написано к тринадцатилетию установления Советской власти в Грузии.

Жордания Ной Николаевич (1870—1953) — лидер грузинских меньшевистов, в 1918—1921 гг. возглавлял контрреволюционное меньшевистское правительство Грузии. После установления Советской власти в Грузии — белоэмигрант.

145. *Был день февральский* — 28 февраля 1921 г., день установления Советской власти в Грузии. *Коджори* — селение на возвышенности, недалеко от Тбилиси. *Жордания* — см. примеч. 142. *Верден* — город-крепость во Франции, стойко оборонялся во время первой мировой войны. *Мамисонский перевал* расположен в центральной части Главного Кавказского хребта.

146—147. Первая и последняя части цикла из четырех четверостиший.

ПОЭМЫ

148. В рукописях — под загл. «Переputья», «И есть, и нет». Окончательное загл. «Новое утро» дано автором после завершения работы над поэмой — 25 ноября 1909 г. Автор первоначально рассматривал первую главу поэмы как пролог и озаглавливал «Разбитые мечты», «Мертвые цветы», «Непобежденная любовь», затем изменил свое намерение, сделав пометку на русском языке: «Поэтически неверно, прологом нельзя считать». *Stella* (Стелла) — имя героини поэмы, хотя и не упомянутое в тексте. Это посвящение отсутствовало в двух первых публикациях поэмы (в журнале «Гехарвест» («Искусство») и первом отдельном издании) (см. с. 246). Стелла является также одной из героинь поэмы «Красные волны» (см. примеч. 149), ей посвящено стих. «Словно пташка» (см. примеч. 60). В рассказе Акопяна «Обыкновенная история» упоминается «девица Астхик, ныне товарищ Стелла...» (Астхик — женское имя, от армянского слова «астх» — звезда, по-латыни звезда — stella). Вероятно, поэт имел в виду конкретную личность, но создал собирательный образ женщины, красивой, обаятельной, но ограниченной в своих идеалах, мечтающей только о личном счастье. *Вaal* — бог неба, солнца и плодородия у семитических народов древней Сирии, в культуре которого были распространены человеческие жертвоприношения; языческое злое божество. *Višap* — дракон. *Гераклит Эфесский* (около 530—470 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, основатель античной диалектики.

149. В авторском примечании к первому отдельному изданию этой поэмы сказано: «Настоящая поэма составляет второй цикл «Нозого утра», из которой только отрывки напечатаны в разных периодических изданиях под загл. «Из поэмы „Буря“». Тема взята из жизни деятелей революции 1905 г., написана в 1911 г.» (см. также с. 29 и примеч. 71, 72). Некоторые герои имеют живые прототипы, например — *Миха* Цхакая (см. примеч. 110). *Талыш* — село в Нагорном Карабахе, где родился отец Акопяна. «*Вулкан*» — чугуноплавильный и механический завод в Черном городе (район Баку), где поэт в 1888—1890 гг. работал табельщиком, счетоводом, касси-

ром. *Ага* — хозяин, господин. *Махат-гора* — возвышенность в Тбилиси, на левом берегу реки Куры.

150. Поэма является своеобразным продолжением «Нового утра» и «Красных волн». В первой публикации имеется подзаголовок: «3-й цикл „Нового утра“», в рукописях — посвящение автора: «Бесмертной памяти 26 товарищей-коммунаров». *Голгофа* — возвышенность близ Иерусалима, где, по Евангелию, был распят Христос; в переносном смысле — символ терпения, моральных мучений и пыток.

151. В основу сюжета лег реальный эпизод из жизни автора. В одном письме он сообщает, что описываемый в поэме сад действительно существовал в Гяндже и принадлежал крещеному лезгину Гукасову (Коркмасову). «Вот в этот сказочный сад однажды я, известный в Гяндже с детства своим голосом сын чувячника Цакана, был приглашен петь», — пишет он. Подобный сюжет повторяется в стихотворении Акопяна «Изабелла». *Бек* — хозяин, помещик. *Гюлистан* — сад роз и цветов.

153. В октябре 1922 г. около села Капс, близ города Александрополя (ныне Ленинанкан) началось строительство первой крупной стройки Советской Армении — Ширакского канала, который был сдан в эксплуатацию в 1925 г. и назван именем В. И. Ленина. Уже в те годы была создана так называемая «ширакская поэзия» — народные песни, а также стихотворения и поэмы армянских поэтов. Акопян лично побывал на строительстве, беседовал с рабочими и инженерами и еще в январе 1924 г. написал очерк, в котором говорится: «Ширакский канал! Капс, верстами туннели, грохот машин!.. Об этом написано много, и я пока пройду мимо, оставив разговор о чудо-канале до другого раза...» В октябре 1924 г. поэма была закончена и опубликована в газете. Эпизод поэмы положен на музыку композитором Арменом Тиграняном (1879—1950). *Арпачай* (Ахурян) — река в Армении, протекает близ города Ленинанкана, от нее берет воды Ширканал. *Ширак* — долина в Армении, где находится город Ленинанкан. *Гюмри* (Кумаири) — древнее название Ленинанкана. *Полигон* — пригород Александрополя (ныне Ленинанкан), где в дореволюционные годы были военные стрельбища. *Капс*, *Гонак-хран*, *Топарлу*, *Хаджи-Назар*, *Дюзкенд*, *Капанак*, *Илхиаби*, *Тандолак* — селения близ Ленинанкана на пути Ширканала (названия большинства их ныне изменены).

154. В 1924—1925 гг. Акопян побывал в Ленинграде, посетил строительство гидроэлектростанции на реке Волхов, познакомился со строителями, сделал записи в своих блокнотах. Поэт был воодушевлен энтузиазмом людей, своим героическим трудом воплощавших в жизнь ленинский план ГОЭЛРО, одним из первенцев которого явилась Волховская ГЭС. Эпиграф из статьи В. И. Ленина «Заметки об электрификации» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 227). *Нобель* Людвиг Эммануилович (1831—1888) — крупный шведский нефтепромышленник, имевший концессии в России.

155. Акопян был намерен написать эпически-драматическое полотно в стихах, охватывающее целый период жизни, борьбы и труда

советского народа — от Октябрьской революции до 1930-х годов. С этой целью он исследовал огромный фактический материал, записал ряд сведений об исторических свершениях людей освобожденного труда, о героических подвигах и достижениях в деле социалистического строительства. «Вот этот материал, — писал поэт, — нужно оживлять в свежей, оригинальной поэтической форме». Однако завершить поэму автору не удалось, и сам он считал достойными опубликования лишь некоторые фрагменты. Остальные отрывки были напечатаны в посмертном академическом издании А. Акопяна под общим заголовком «Отрывки из незавершенной и неопубликованной поэмы». Эпиграф к фрагменту 4 «Путиловец» принадлежит самому автору. *Краснопутиловский завод, Путиловский завод, Путиловец* — завод в Петербурге, известный своими революционными традициями, ныне Кировский завод. *Исаакий* — Исаакиевский собор в Петербурге, построен по проекту архитектора А. Монферрана в 1817—1857 гг. *Налбандян* Микаэл (1829—1866) — армянский писатель, публицист, литературный критик, революционный демократ. Был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, затем тяжело больным сослан в город Камышин, где и скончался. *Керенский* А. Ф. (1881—1978) — эсер, глава Временного правительства, после Октябрьской революции бежал из Петрограда, переодевшись в женское платье, затем эмигрировал. *Знаменка* — Знаменская площадь в Петербурге, ныне площадь Восстания. *Эпифания царю* — сатирические стихи Демьяна Бедного «Пугаль», высеченные на памятнике Александру III, перевел на армянский язык А. Акопян.

156. Вторая часть поэмы написана по просьбе учеников и преподавателей Степанакертской партийной школы Нагорного Карабаха, где с 9 по 19 октября 1930 г. побывал поэт. *Тартар* — река в Нагорном Карабахе, около села Талыш. *Башловская тюрьма* в городе Баку, где до революции были заключены многие революционные деятели. *Степан* — Шаумян Ст. Г. (см. примеч. 97). *Мирук-Мелик* — Мелик Меликян (Дедушка, 1883—1919) — один из первых армянских пропагандистов марксизма, революционер-большевик, публицист и пролетарский писатель. *Дашнаки* — см. примеч. 106. *Джугашвили* — И. В. Сталин (1879—1953). *Ладо Кецховели* — Владимир Захарьевич Кецховели (1876—1903), активный деятель революционного движения в Грузии и Закавказье, один из создателей и руководителей газеты ленинского искровского направления «Брдзола» («Борьба», 1901—1903), был убит полицией в тюрьме Метехи (Тифлис). *Кнуни Богдан* — Гнуни (Кнунянц) Богдан Мирзаджанович (1878—1911), профессиональный революционер, большевик, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в 1910 г. был арестован и умер в бакинской тюрьме. *Джапаридзе*, *Спандарян* — см. примеч. 119—120.

157. *Вторая родина моя*. Акопян в 1886—1887 и 1894—1937 гг. жил, работал, творил в Тбилиси, где и похоронен в Пантеоне армянских писателей. *Кинто* — лоточники, носившие лоток на голове и продававшие в основном рыбу и ягоды. Вели бедную, но веселую жизнь, шутили, балагурили, создавали свои песни и танцы (кин-таури). Положительные образы труженников кинто созданы в пьесе «Пепо» армянского драматурга-классика Габриэла Сундукяна

(1825—1912) и других. *Адамян* Петрос (1840—1891) — армянский актер-трагик, исполнитель ролей Гамлета, Отелло, Короля Лира в пьесах Шекспира. Об искусстве Шекспира и игре Адамяна Акоюн с восторгом писал в своих «Дневниках» и «Автобиографии», утверждая, что они, как «лучи солнца», озарили его душу. *Аптекарским учеником в те времена я был* — с 20 марта 1886 г. по март 1887 г. Акоюн был учеником в аптеке, которую он назвал тюрьмой. *Были и я из школы исключены* — речь идет о русской гимназии в Гяндже, из пятого класса которой был исключен Акоюн и в 1886 г. переехал в Тифлис. *И в ногу с демонстрантами мне довелось шагать*. Акоюн свое революционное крещение получил в Тифлисе, где участвовал в митингах, демонстрациях, сходках, в вооруженной борьбе рабочего класса. *И дружной «Марсельезы» гром...* — речь идет о «Рабочей марсельезе» («Отречемся от старого мира...» П. Лаврова), которую перевел на армянский язык А. Акоюн в 1902 г. *Камо* (Тер-Петросян Семен Аршакович, 1882—1922) — профессиональный революционер, большевик, легендарный герой, искусный конспиратор, организатор боевых дружин, тайных типографий. Выполнял чрезвычайные поручения В. И. Ленина. Четыре раза был приговорен к смертной казни. Погиб в автомобильной катастрофе. *Голицын* Григорий Сергеевич (1838—1907) — наместник царя в Закавказье. *Миха* — см. примеч. 110. *«Еще раз»* — имеется в виду стих-ние Акоюна «Еще удар». *Нахаловка* — название одной из площадей старого Тифлиса. *«Не надо манифестов нам!»* — речь идет о манифесте царя 17 октября 1905 г. *«Неистовый Степан...»* — Шаумян Ст. Г. (см. примеч. 97). *Цулукидзе* Александр Григорьевич (1876—1905) — профессиональный революционер, большевик, один из руководителей грузинских организаций РСДРП и редакторов газеты «Брдзола» (см. примеч. 156) и «Пролетарис брдзола» («Борьба пролетариата», 1903—1905). Умер в тюрьме Метехи (Тифлис) от туберкулеза. *Серго* — Георгий (Серго) Константинович Орджоникидзе (1886—1937) — выдающийся революционер, верный ученик и соратник В. И. Ленина, крупный партийный и государственный деятель, один из руководителей рабочего движения и партийных организаций Закавказья, долгие годы был наркомом тяжелой промышленности СССР.

158. В первой публикации — под загл. «Кинопоэма», с подзагол. «К 15-летию комсомолки Советской Армении». *Астхик* (от арм. «астх» — звезда) — армянское женское имя, богиня любви и красоты у древних армян.

**ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А. АКОПЯНА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

1. Новое утро. Вступительная статья С. Ханояна, *Тифлис, 1923.*
2. Новое утро. Избранные стихотворения и поэмы 1895—1925. С предисловием А. Луначарского. Вводная статья Гайка Адонца. Биография — Н. Шебуева, *М. — Л., 1928.*
3. Песни труда и революции. Стихотворения, *Тифлис, 1932.*
4. Стихотворения, *М., 1938.*
5. Избранное. Предисловие А. Воскерчяна, *Ереван, 1948.*
6. Избранное. Под редакцией С. Евгенова. Вступительная статья Ас. Асатряна. Текст подготовили А. Асатрян и А. Воскерчян. Примечания составили А. Воскерчян и С. Евгенов, *М., 1951.*
7. Сочинения в одном томе. Вступительная статья Ас. Асатряна. Составление, подготовка текстов А. А. Асатряна, Х. М. Гюльязаряна, С. А. Манукяна. Словарь составили А. Воскерчян и С. Евгенов, *М., 1956.*
8. Стихи и поэмы, *Ереван, 1960.*
9. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Салахяна, «Б-ка поэта» (М. с.), *1961.*
10. Стихи, *М., 1966.*
11. Мой мир. Стихотворения и поэмы. Предисловие А. Луначарского. Составление и вступительная статья Л. Мкртчяна, *М., 1974.*

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Акоп Акопян. Фотография.
2. *С. 82*. Автограф стихотворения «Еще удар». 17 июня 1905 г.
3. *С. 92*. Обложка сборника «Революционные песни», 1907.
4. *Между с. 112 и 113*. Акоп Акопян. Гравюра.
5. *На обороте*. Акоп Акопян с женой и детьми. Фотография.
6. *Между с. 144 и 145*. Титульный лист сборника «Новое утро». 1923. Худ. В. Лебедев.
7. *На обороте*. Памятник Акопу Акопяну в г. Степанакерте Азербайджанской ССР.
8. *С. 166*. Обложка отдельного издания поэмы «Новое утро». 1910.

СОДЕРЖАНИЕ

Певец и боец революции. *Вступительная статья С. А. Манукяна* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

- * 1. Если ты беден — лишен голоса, а если богат — кумир знатных. *Перевод Е. Николаевской* 49
- * 2. В везении ли дело? *Перевод Е. Николаевской* 50
- 3. Обет дружбы. *Перевод В. Потаповой* 51
- 4. После бури. *Перевод В. Потаповой* 51
- 5. Собака курда (Из детских воспоминаний). *Перевод С. Городецкого* 52
- 6. Памяти друга. *Перевод С. Шервинского* 53
- * 7. Картинки. *Перевод Е. Николаевской* 54
- * 8. «Соловей простонал, прорыдал, а потом...» *Перевод Е. Николаевской* 55
- 9. Честь и труд. *Перевод М. Павловой* 56
- * 10—12. Эскизы. *Перевод А. Щербакова*
 - 1. «Словно зарница от дальних гроз...» 56
 - 2. «Ах, то была ты, что в миг слепоты...» 57
 - 3. «О, небо, если б я мог стряхнуть...» 57
- 13. Песня. *Перевод И. Сельвинского* 57
- * 14. «В непроглядности дней, в безотрадности лет...» *Перевод Е. Николаевской* 58
- * 15. Беженцы. *Перевод Е. Николаевской* 58
- 16. Тетушка Сапет (*Быль*). *Перевод Л. Пеньковского* 59
- * 17. Моему Рубенчику. *Перевод С. Ботвинника* 61
- 18. «Мне думы сердце тяжелят...» *Перевод Н. Ушакова* 62
- 19. Сельская баллада. *Перевод С. Шервинского* 62
- * 20—21. Весенние мотивы. *Перевод А. Щербакова*
 - 1. «Вокруг пахнуло вновь весной...» 63
 - 2. «Щебечешь, ласточка моя...» 63
- * 22. Перчу Прошяну. Дар в честь сорокалетнего юбилея. *Перевод С. Ботвинника* 64
- 23. Страхи крестьянина. *Перевод А. Глобы* 65
- 24. Твое горе облегчу. *Перевод С. Мар* 66

¹ Звездочкой отмечены стихотворения, впервые переведенные на русский язык.

25. Велико наше горе. <i>Перевод С. Шервинского</i>	66
26. Родник слез. <i>Перевод А. Глобы</i>	67
27. Другу детей. (Подарок Г. Агаяну к сорокалетию его деятельности). <i>Перевод В. Потаповой</i>	68
28. Зов народа. <i>Перевод А. Гатова</i>	69
29. Всякий раз. <i>Перевод Э. Александровой</i>	69
30. Звезды. <i>Перевод В. Инбер</i>	70
31. Чи-чи. <i>Перевод М. Максимова</i>	71
32. Бабушка Сандухт. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	72
33. Начало весны. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	74
34. Чужой и свой. <i>Перевод С. Городецкого</i>	75
35. Эскизы («Гордый сокол парил над землей...») <i>Перевод А. Гатова</i>	76
• 36. «Блажен, чей дух высокий не убили...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	77
37. Кочегар. <i>Перевод Е. Чернявского</i>	78
• 38. Новый год. <i>Перевод А. Щербакова</i>	78
39. Песня кузнеца. <i>Перевод А. Глобы</i>	79
40. Рабочий он и — властелин. <i>Перевод А. Гатова</i>	80
41. Еще удар. <i>Перевод А. Гатова</i>	81
42. Мой мир. <i>Перевод Э. Миркиной</i>	83
43. Революция. <i>Перевод А. Безыменского</i>	84
44. Два соперника. <i>Перевод М. Максимова</i>	85
45. «Я вам говорю: близко время, когда...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	86
46. Буржуйам <i>Перевод И. Сельвинского</i>	87
• 47. Греза. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	87
48. Дар девице Аз. <i>Перевод В. Потаповой</i>	88
49. Первомайская песня. <i>Перевод К. Липскерова</i>	88
50. Умерли, но не пропали. <i>Перевод А. Жарова</i>	89
51. Пролетариату. <i>Перевод А. Гатова</i>	90
52. Привет тебе, солнце! <i>Перевод А. Длигача</i>	90
53. «И снова я встаю...» <i>Перевод А. Безыменского</i>	91
54. Девятый вал. <i>Перевод А. Гатова</i>	93
• 55. «Мне во сне приснился луг зеленый...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	94
56. Брату рабочему. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	94
57. Завод. <i>Перевод М. Герасимова</i>	95
58. Мученики. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	96
59. Люблю всей душой. <i>Перевод В. Потаповой</i>	97
60. Словно пташка. <i>Перевод С. Мар</i>	98
61. Умолк соловей. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	98
62. На рассвете. <i>Перевод С. Шервинского</i>	99
63. Песня труда. <i>Перевод С. Шервинского</i>	99
64. Твой взгляд <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	100
65. Вечер в деревне. <i>Перевод Д. Бродского</i>	101
66. В нижних этажах. <i>Перевод М. Светлова</i>	102
67. Город. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	102
• 68. Журавля. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	103
• 69. Жизнь. <i>Перевод А. Щербакова</i>	104
70. В час борьбы. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	104
71. Этап. <i>Перевод А. Гатова</i>	105
72. Безработный. <i>Перевод Р. Надеждиной</i>	105

73. На заводе. <i>Перевод М. Максимова</i>	106
74. Концерт. <i>Перевод С. Шервинского</i>	107
75. Болото. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	108
76. Друг, не плачь. <i>Перевод Ю. Баласанова</i>	109
77. «Сказал я: трону лиру осторожно...» <i>Перевод Р. Надеждиной</i>	110
78. «Она, я знаю, возвратится...» <i>Перевод Р. Надеждиной</i>	110
79. Тоска. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	111
80. «Работай, рука! Ты — надежда моя...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	111
81. Моим товарищам. <i>Перевод Э. Александровой</i>	112
82. Страж. <i>Перевод А. Жарова</i>	112
83. Кузнец. <i>Перевод А. Гатова</i>	113
* 84. Труд. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	114
* 85. Из песен жизни. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	114
86. Никогда не устаете. <i>Перевод С. Городецкого</i>	115
87. Воспоминания. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	115
88. «Не тверди, что юность мелькнула сном...» <i>Перевод С. Мар</i>	116
89. Не грусти. <i>Перевод Н. Шебуева</i>	116
90. Не беда. <i>Перевод С. Шервинского</i>	117
91—92. Из элегий труда	
1. В медных рудниках. <i>Перевод М. Светлова</i>	117
2. «Легко шагает наш ага шестидесяти лет...» <i>Перевод П. Антокольского</i>	118
93. Сейфы. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	119
94. Националистам. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	119
95. Пророк. <i>Перевод А. Гатова</i>	120
96. В. И. Ленин. <i>Перевод А. Тарковского</i>	121
97. Степану Шаумяну. <i>Перевод Н. Вержейской</i>	121
98—99. Черное золото. <i>Перевод П. Антокольского</i>	
1. «В Балаханах вода мутна...»	122
2. «Сеть кровеносных жил густая...»	123
100. Одалиска и дева (Аллегория о грузинских меньшевиках). <i>Перевод Д. Бедного</i>	123
101. Завещание. <i>Перевод С. Городецкого</i>	124
102. «Вы счастливы, что живете...» <i>Перевод А. Тверского</i>	124
103. Девятый вал. <i>Перевод В. Эрлиха</i>	126
104. Сверчок. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	126
105. «Их было двадцать шесть...» <i>Перевод В. Бугаевского</i>	126
106. Дашнак пал. <i>Перевод А. Миниха</i>	127
107. Красною весной. <i>Перевод А. Гатова</i>	128
108. Смерть коммунара. <i>Перевод Л. Длигача</i>	129
109. Обетованной земле. <i>Перевод С. Городецкого</i>	130
110. Миха Цхакая. <i>Перевод А. Гатова</i>	132
* 111. А. Мясникяну. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	132
112. Песня пролетария. <i>Перевод А. Безыменского</i>	132
113. Моя любовь. <i>Перевод С. Шервинского</i>	133
114. Чатах. <i>Перевод С. Шервинского</i>	134
115. Под знаменем. <i>Перевод Р. Надеждиной</i>	135
116. Школьники. <i>Перевод Р. Надеждиной</i>	135
117. Ленин бессмертен. <i>Перевод А. Миниха</i>	136
* 118. № 67. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	137

119—120. Из мелодий моей Красной Родины	
1. Баку. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	138
2. Гянджа. <i>Перевод В. Державина</i>	139
121. Пробуждение. <i>Перевод С. Городецкого</i>	139
* 122. Дети, вы жизни нашей цветы. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	141
123. Твоя любовь. <i>Перевод Э. Миркиной</i>	142
124. Мое перо. <i>Перевод А. Тверского</i>	143
125. Моим друзьям. <i>Перевод А. Тверского</i>	143
126. Памяти Степана Шаумяна. <i>Перевод А. Гатова</i>	144
127. На шелкомотальной фабрике. <i>Перевод Ю. Баласанова</i>	144
128. Призыв к соревнованию (К трудящимся колхоза имени Акопа Акопяна). <i>Перевод Л. Озерова</i>	145
129. Растем. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	146
130. Эй, Баку... <i>Перевод Э. Александровой</i>	147
131. На Дзорагэсе. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	148
132. «Весенний полевой цветок...» <i>Перевод В. Инбер</i>	148
* 133—135. Из цикла «Большевизм». <i>Перевод А. Щербакова</i>	
1. Песня старого гвардейца	149
2. Три ордена	149
3. «Я старый, заслуженный большевик...»	150
136. Рионгэс. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	151
137. Лирика старости. <i>Перевод Э. Александровой</i>	152
138. Памяти героев майского восстания. <i>Перевод А. Гатова</i>	152
139. Письмо с ленинканского рабфака. <i>Перевод Э. Миркиной</i>	154
140. Ереван. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	155
141. Революционная баллада. <i>Перевод А. Гатова</i>	155
142. В то утро. <i>Перевод П. Антокольского</i>	156
143. Мне говорят... <i>Перевод В. Инбер</i>	157
144. Солнце и труд. (<i>Беседа</i>). <i>Перевод П. Антокольского</i>	157
145. К пятнадцатилетию Советской Грузии. <i>Перевод П. Антокольского</i>	160
* 146—147. Четверостишия. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	
1. Моя песня	162
2. «Я в зеркале воды себя увидел...»	162

ПОЭМЫ

148. Новое утро. <i>Перевод С. Городецкого</i>	165
149. Красные волны	
Часть первая. <i>Перевод В. Луговского</i>	177
Часть вторая. Песня бури. <i>Перевод С. Городецкого и П. Железнова</i>	180
150. Равенство. <i>Перевод М. Светлова и М. Голодного</i>	189
151. Краткая история (<i>Повесть моей юности</i>). <i>Перевод В. Бугаевского</i>	198
152. Боги заговорили. <i>Перевод В. Луговского</i>	
Пролог	203
Эпилог	207
153. Ширканал-большевик. <i>Перевод А. Тарковского</i>	
Пролог	208
Эпилог	213
154. Волховстрой. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	
Пролог	213

Часть первая	214
Часть вторая	216
Эпилог	218
155. Ленинградская поэма	
* Пролог. <i>Перевод А. Щербакова</i>	218
* Исаакий. <i>Перевод А. Щербакова</i>	220
Петропавловская крепость. <i>Перевод С. Шервинского</i>	221
Зимний дворец. <i>Перевод С. Шервинского</i>	222
Путиловец. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	223
В ту ночь. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	224
Ленинград. <i>Перевод С. Шервинского</i>	225
* Эпилог. <i>Перевод А. Щербакова</i>	227
156. Город. <i>Перевод В. Державина</i>	
Часть первая	229
Часть вторая	231
157. Тифлис. <i>Перевод А. Тарковского</i>	235
158. Красная Астхик. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	239
Примечания	243
Основные издания произведений А. Акопяна на русском языке	263
К иллюстрациям	264

Акоп Акопян
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1981 г.
272 стр. План выпуска 1981 г. № 430.

Редактор *Д. М. Климова*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *Э. Г. Игнатова*
Корректор *Е. Я. Лапкин*

ИБ № 2844

Сдано в набор 25.02.81. Подписано к печати 29.04.81. М 17475. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,54 Уч.-изд. л. 13,49. Тираж 25 000 экз. Заказ № 219. Цена 1 р. 30 к. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

ГАФУР ГУЛЯМ, АЙБЕК, ХАМИД АЛИМДЖАН

Стихотворения и поэмы

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

Стихотворения и поэмы

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Стихотворения и поэмы

ВААН ТЕРЬЯН

Стихотворения

НИКОЛАЙ УШАКОВ

Стихотворения

Малая серия

Третье издание

ГРУЗИНСКИЕ РОМАНТИКИ

ПОЭТЫ УЗБЕКИСТАНА

ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Стихотворения и поэмы

ЯН РАЙНИС

Избранные произведения

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Стихотворения и поэмы

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Стихотворения и поэмы

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Стихотворения и поэмы

Малая серия

Третье издание

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Стихотворения и поэмы

